ЛАУРА ЭСКИВЕЛЬ | СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ, КАК ЖЕЛАНИЕ

Стремительный, как желание
Лаура Эскивель

Аннотация
Лаура Эскивель. Стремительный, как желание
Стремительный, как желание
I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
Выходные данные

Аннотация

Книги известной мексиканской писательницы Лауры Эскивель написаны в лучших традициях магического реализма, их отличает легкость стиля и глубина переживаний.

Ее первый роман «Шоколад на крутом кипятке», объединивший в себе любовные и кулинарные страсти, сразу же стал мировым бестселлером.

«Стремительный, как желание» — это тоже роман о любви, которую его неистовый герой пронес в своем сердце через всю долгую и трудную жизнь.

Лаура Эскивель
Стремительный, как желание

Санкт-Петербург

Амфора

2005

Laura Esquivel
Tan veloz como el deseo

Перевел с испанского В. В. Правосудов

Издательство выражает признательность агентству P. & R. Permissions & Rights Ltd за содействие в приобретении прав

Защиту интеллектуальной собственности и прав издательской группы «Амфора» осуществляет юридическая кампания «Усков и Партнеры»

© Laura Esquivel, 2001
© Правосудов В., перевод на русский язык, 2002
© Издание на русском языке, оформление. ЗАО ТИД «Амфора», 2005

* * *

Лаура Эскивель — автор мирового бестселлера «Шоколад на крутом кипятке», в котором любовная интрига самым затейливым образом переплетается с поваренной книгой мексиканской кухни.

«Стремительный, как желание» — это тоже роман о любви, которую его неистовый герой пронес через всю свою жизнь. А еще — о преображающей силе слов, ведь одной из самых важных и необыкновенных особенностей слов является их способность выражать любовь.

* * *

Памяти моею отца
Хулио Сесара Эскивеля Местре

Стремительный, как желание

Север — он ощущается, охватывает нас со всех сторон, отмечает своей печатью. И неважно, как далеко отстоим мы от центра его тяжести, ибо он все равно притянет нас к своему ядру, закрутив в невидимом потоке. Он притянет нас, как земля притягивает воду, как магнит — иголку, как кровь, что влечет за собой другую кровь, как желание, неизбежно встречающее другое желание.

Север — вот откуда я родом; он скрывается в первом влюбленном взгляде, которым обменялись когда-то бабушка с дедушкой, таится в их первом ласковом прикосновении. Возможность моего появления на свет обрела вполне реальные черты с рождением той, кому суждено было стать моей матерью. Мне оставалось только подождать, пока ее желание соединится с желанием моего отца, а уж потом мое появление на свет стало просто необратимым.

В какой миг волевой взгляд северного магнита встретился с прохладным взглядом моря? Ведь вторая ветвь моего происхождения, вторая половина меня самой связана с морем. Проис-

хождение рода. Мой отец родился у моря. Там, у бирюзовых волн, встретились и слились воедино желания двух людей, что дали отцу возможность прийти в этот мир.

Сколько времени требуется желанию, чтобы передать тот самый, единственно нужный сигнал? И сколько придется ждать желанного ответа? Вариантов может быть множество, но нельзя отрицать лишь то, что история любви начинается со взгляда, с одного взгляда. Он открывает ту дорогу, тот единственно верный, чарующий путь, по которому вновь и вновь суждено идти влюбленным.

Присутствовала ли я при том, как мои родители обменялись первым взглядом, полным любви? Где я была в тот миг, когда это произошло?

Я все не могу отвлечься от этих мыслей, особенно сейчас, когда вижу беспомощные, потерянные глаза отца, который, уже без сознания, витает где-то в бескрайнем пространстве. Что он ищет — новые вселенные? Новые желания? Новый взгляд, который вмиг поманит его к себе, перенесет в другой мир? Он уже не может говорить. И я этого никогда не узнаю.

Я хотела бы знать, к чему он прислушивается, каков тот зов, которого он так ждет. Хотела бы

знать, кто позовет его в другой мир и когда это произойдет. Как звучит этот прощальный сигнал? Кто его протрубит? И кто поведет моего отца за собой, кто укажет ему дорогу? Если здесь, в этом мире, двери в жизнь распахиваем мы, женщины, то не так же ли все устроено и там? Кто станет акушеркой, что примет его в том мире?

Мне хочется верить в то, что фимиам, неустанно курящийся в моей комнате, поможет явить ту путеводную нить, ту невидимую связь, по которой придет столь нужная отцу помощь. Таинственный ароматный дымок не переставая расползается кругами по комнате, поднимается спиралью кверху, и я представляю его в виде пуповины, что соединит отца с небесными сферами, чтобы вернуть его туда, откуда он пришел в этот мир.

Вот только откуда именно он пришел — мне неведомо. Как и то, кто или что ожидает его там, потом.

Слово «тайна» пугает меня. Чтобы противостоять страху, я прибегаю за помощью к воспоминаниям, к тому, что мне известно о моем отце. Мне кажется, он тоже опасается чего-то, ведь его невидящие глаза — плохие помощники в том, чтобы разглядеть, что его ждет впереди.

Если взгляд — основа всему, то я боюсь, что отец не заметит своих будущих спутников, тех, что придут помочь ему сделать первый шаг на новом пути. Как бы я хотела, чтобы он прозрел! Чтобы кончились его страдания! Пусть новое желание притянет и поглотит его!

Дорогой папочка, если бы ты знал, что я готова отдать все на свете, лишь бы осветить твою дорогу. Помочь тебе в этом походе, как ты помог мне прийти в этот мир. Согласен? Знай я, что твои сильные и нежные руки встретят и поддержат меня, я ни за что не ждала бы так долго, чтобы появиться на свет!

Но разве об этом узнаешь заранее! До того как я увидела тебя и маму, вокруг все было темно и непонятно. Наверное, ты примерно так же представляешь себе будущее. Но ты не бойся, я уверена в том, что там, куда ты уходишь, есть кто-то, кто ждет тебя, — так, как когда-то ты ждал меня. Я не сомневаюсь, что чьи-то глаза сейчас сгорают от желания скорее тебя увидеть. Здесь ты оставляешь только добрые воспоминания. Пусть на твоем пути тебя сопровождают добрые слова. Пусть звучат голоса всех, кто тебя знал. Пусть они укажут тебе верную дорогу. Пусть они станут теми глашатаями, теми гонцами, что принесут в

тот мир весть о твоем приходе. Пусть поведают о любящем отце, о лучшем в мире телеграфисте и несравненном рассказчике, о том, на чьем лице всегда была улыбка.

I

Родился он, когда в доме царило хорошее настроение, в праздничный день, и принят был всей семьей, собравшейся посидеть за общим столом по случаю какого-то торжества. Рассказывают, что его мать так звучно смеялась по поводу очередной застольной шутки, что вдруг почувствовала влагу между ног. Сначала она решила, что это мочевой пузырь подвел ее, не выдержав испытания смехом, но опыт быстро подсказал ей, что истинной причиной послужило вот-вот ожидавшееся рождение уже двенадцатого ребенка.

Под общий хохот она выскользнула из-за стола и проследовала в свою комнату. Одиннадцать раз рожавшая раньше, в тот день она управилась в считанные минуты. На свет появился мальчик, причем пришел он в этот мир не так, как все дети: не со слезами и плачем, а смеясь и улыбаясь.

Приведя себя в порядок, донья Хесуса вернулась в столовую и сообщила родственникам:

— Смотрите-ка, что со мной приключилось!

Все обернулись к ней, и она продемонстрировала компании крохотный сверток, лежавший у нее на руках.

— Надо же было так смеяться, — сказала она, — чтобы от смеха ребенок родился!

Взрыв хохота и общие аплодисменты прокатились по столовой — все радостно приветствовали появление нового члена семьи. Супруг доньи Хесусы, Либрадо Чи, вскинув руки, завопил:

— Вот радость-то! Вот это праздник!

Так ребенка и назвали. И пришлось ему это имя как нельзя кстати. Хубило[1] словно явился воплощением радости, веселья и жизнелюбия. Даже потом, многие годы спустя, уже ослепший, он так и не потерял чувства юмора. Казалось, что дар чутья на счастье присущ ему от рождения и ничто на свете не может лишить его этой способности. Я имею в виду не способность быть счастливым самому, а тот редчайший дар наполнять счастьем жизнь всех тех, кого сводила с ним судьба.

Где бы он ни появлялся, его сопровождали смех и улыбки. И неважно, насколько тяжела была атмосфера до его прихода: стоило ему появиться — и словно по мановению волшебной палочки напряжение спадало, страсти утихали, и даже самый отчаянный пессимист начинал видеть

[1] Примечания: 1

Хубило (jubilo) — праздник, радость, веселье (*исп.*). *Здесь и далее — примеч. пер.*

мир с его лучшей стороны. В общем, составной частью волшебного дара Хубило была способность привносить умиротворение в души людей.

Впрочем, следует признать, что единственный раз в жизни этот дар не помог ему. И надо же было такому случиться, что осечка эта вышла не с кем-нибудь, а именно с его женой. Тем не менее этот — особый — случай и составил то самое исключение, которое лишь подтверждает правило.

В общем же, никто не мог устоять перед его очарованием и доброжелательностью. Даже Итцель Ай, его бабушка по отцовской линии, на лицо которой женитьба ее сына на белой женщине, казалось, навеки наложила печать неистребимой угрюмости, начинала улыбаться, стоило ей увидеть внука. За это она звала его *Che'ehunche'en Wich*, что на языке майя значит «Тот, у кого улыбка на лице».

До рождения Хубило донья Хесуса и донья Итцель не слишком-то ладили между собой. Причиной разногласий служил национальный вопрос. Донья Итцель была плоть от плоти народа майя и никак не могла одобрить привнесения в ее расу испанской крови доньи Хесусы. Она годами не появлялась в доме собственного сына, и ее внуки росли, не слишком избалованные ба-

бушкиным вниманием. Отторжение было столь сильным, что свекровь начисто отказалась общаться с невесткой, объяснив это решение своим незнанием испанского.

Донье Хесусе пришлось взяться за язык майя, но оказалось, что учить чужой язык, столь не похожий на родной, и растить при этом дюжину детей, несколько затруднительно; вот почему общались обе женщины редко и не слишком-то ладно.

Лишь с рождением Хубило все изменилось. Бабушка вновь стала частым гостем в доме сына: ей нравилось быть рядом с новорожденным, чего — судя по опыту предыдущих одиннадцати внуков — за ней раньше не водилось. Но стоило ей впервые увидеть Хубило, как бабушкино сердце было покорено его улыбкой.

Хубило появился на свет словно подарок небес, подарок сколь нежданный, столь же и пришедшийся кстати, тот самый подарок, с которым все носятся, не зная, куда его положить и где пристроить. Разница в возрасте между ним и его братьями и сестрами была столь велика, что Хубило рос, как если бы он оставался единственным ребенком в семье. Более того, товарищами по детским играм ему стали племянники примерно

одного с ним возраста, потому что некоторые из его братьев и сестер уже успели обзавестись собственными семьями и даже детьми. Так как его матери приходилось одновременно быть мамой, женой, бабушкой, свекровью, тещей и невесткой, Хубило волей-неволей проводил немало времени с прислугой до тех пор, пока бабушка не признала его любимым внуком. С того дня большую часть времени они проводили вместе — гуляя, играя или болтая о чем-нибудь. Разумеется, бабушка общалась с ним на языке майя, в результате чего Хубило стал первым двуязычным внуком доньи Итцель. Вот почему уже с пяти лет Хубило взвалил на себя ношу исполнения обязанностей официального семейного переводчика. Между прочим, дело это было весьма нелегкое: каково ребенку уяснить для себя, что, если донья Хесуса говорит о море, она имеет в виду то самое море, что плещется прямо перед домом и куда вся семья ходит купаться; когда же донья Итцель произносит слово *K'ak'nab*, речь идет не столько о самом море, сколько о «госпоже моря» — одной из фаз луны, а плюс к тому это связано с выпечкой из замешенного на воде теста, которая, в свою очередь, на языке майя произносится точно так же. Так что Хубило приходилось учитывать не

только подобные тонкости, но и малейшие изменения в интонации, степень напряженности голосовых связок, жесты и мимику как мамы, так и бабушки.

Работа эта была сложной, но Хубило всегда брался за нее с удовольствием и, разумеется, подходил к делу творчески. Перевод его никогда не бывал буквальным, он всегда позволял себе добавить одно-два любезных словечка, которых так не хватало в репликах обеих женщин. Со временем эта маленькая хитрость привела к тому, что свекровь с невесткой стали худо-бедно ладить между собой, а затем и вовсе полюбили друг друга. Этот опыт открыл Хубило ту силу, что дана словам, которые могут приблизить или отдалить людей, а также то, что язык, на котором произносятся эти слова, не столь важен, в отличие от истинного содержания того, что в них вложено.

Звучит это очень просто, но в действительности все было изрядно запутано. Когда бабушка наговаривала Хубило то, что следовало перевести, в большинстве случаев слова ее не совпадали с тем, что она хотела сказать на самом деле. Выдавали ее скованная артикуляция и напряжение голосовых связок. Даже неискушенному ребенку, каким и был Хубило, не составляло труда

догадаться о том, что бабушка прикладывает немалые усилия, чтобы не дать сорваться с губ лишним словам. Тем не менее, сколь странным это ни покажется, Хубило прекрасно слышал эти самые — непроизнесенные — слова. И, что самое интересное, этот «безмолвный голос» как нельзя более точно выражал истинные мысли и желания бабушки. Так что Хубило, не утруждая себя долгими раздумьями, частенько переводил эти невысказанные, «съеденные» мысли, опуская при этом сказанное вслух. Само собой разумеется, ни за что на свете он не стал бы делать этого со зла или из вредности, наоборот — его истинной целью всегда было поймать, сформулировать и произнести то волшебное слово, которое эти две столь дорогие и нужные ему женщины никак не решались сказать друг другу, давя в себе невысказанное желание. Прекрасным тому примером служили постоянные споры, что вели между собой его мать и бабушка. У Хубило не оставалось сомнений в том, что когда одна из них говорит «черное», на самом деле ей хочется сказать «белое», и наоборот.

А вот чего он, по своему малолетству, никак не мог понять, так это зачем они так усложняют жизнь себе, а следовательно, и всем своим близ-

ким: ведь любая их ссора немедленно отражалась на всех членах семьи. Они же умудрялись ни дня не провести «впустую». Повод для ругани находился всегда. Если одна заявляла, что индейцы глупее и ленивее испанцев, то вторая уверяла ее в том, что испанцы куда противнее и несноснее тех самых индейцев. А уж чего-чего, но аргументов у обеих хватало в избытке. Однако самой больной темой для них, несомненно, было все, что так или иначе касалось образа жизни и порядков, заведенных доньей Хесусой.

Донья Итцель очень переживала, что ее внуки живут неподобающей, по ее разумению, жизнью. Во многом именно поэтому она предпочла отдалиться от их дома — чтобы не мучиться, наблюдая за тем, как невестка воспитывает ее внуков. Но теперь она вернулась и была готова спасти от нещадной прополки еще не окрепшие корни признанного ею — наконец-то! — внука.

Чтобы мальчишка не забывал о своем происхождении, она снова и снова рассказывала ему не только сказки и легенды майя, но и бесчисленные сюжеты из реальной истории, в основном о том, что за войны пришлось вести индейцам, чтобы хоть в какой-то мере сохранить себя, свою культуру и традиции. Последней по времени в

этой череде была Война каст — восстание, в ходе которого погибло около двадцати пяти тысяч индейцев и в котором бабушка, само собой, играла весьма заметную роль. Одной из побед, одержанных несмотря на общее поражение, стало то, что ее сын Либрадо оказался во главе едва ли не крупнейшей компании-экспортера агавы и к тому же сумел жениться на испанке. Последнее было весьма и весьма необычно, ибо в Юкатане смешанные браки случались намного реже, чем в других городах, завоеванных испанцами. В колониальные времена ни один испанец не провел и суток где-нибудь в деревне, за стенами города. С индейцами их мало что связывало, и когда приходило время жениться, они уезжали на Кубу, где и подыскивали себе невест среди испанок, но никак не среди местных женщин. Так что уж говорить о женитьбе мужчины-майя на испанке — о таком здесь, пожалуй, еще и не слыхивали.

Тем не менее этот союз не только демонстрировал победу доньи Итцель, но и нес в себе большую опасность. Доказательством могло служить хотя бы то, что ее внуки, за исключением Хубило, не говорили на языке майя и предпочитали пить шоколад, сваренный на молоке, а не на воде. Едва ли кому-либо понравилось бы находиться на

кухне в тот момент, когда две женщины сходились в принципиальном споре по этому поводу. Исключением, разумеется, был Хубило, которому выпадало переводить дискуссию. В таких случаях ему приходилось быть вдвойне настороже, потому что любая неверно переведенная фраза могла быть воспринята как объявление войны.

В тот день страсти особенно накалились. Стороны уже обменялись парой неправильно понятых посланий, что очень огорчало Хубило, который никак не мог смириться с тем, что слова бабушки так сильно ранят его маму. Самым же трудным для понимания оставалось то, что на самом деле ни одна из них не вела спор о рецепте приготовления шоколада. Шоколад был всего лишь поводом.

То, что хотела сказать донья Итцель, скорее всего выглядело так:

— К твоему сведению, «дочка», мои предки возвели величественные пирамиды, обсерватории, храмы и задолго до вашего разбирались в астрономии и математике. Так что сделай одолжение, не пытайся учить меня чему-либо, а уж тем более — тому, как заваривать шоколад.

В свою очередь, изрядно уязвленной донье Хесусе очень хотелось бы заявить:

— Послушайте, «мама», вы так привыкли презирать всех, кто не принадлежит к вашему народу, потому, что майя, с одной стороны, такие приставучие и прилипчивые, а с другой — так и норовят похвастаться своей непокорностью и независимостью. Я же не могу себе позволить смириться с таким отношением. Если вы так меня презираете, сделайте одолжение, не приходите в мой дом и не пейте мой неправильный шоколад.

В конце, концов ситуация накалилась настолько, что, видя ярость, с которой каждая из споривших женщин отстаивала свою точку зрения, Хубило не на шутку забеспокоился. Особенно когда его мама потребовала:

— Вот что, сынок. Скажи-ка своей бабушке, что в мой дом не приходят совать нос в мои дела и что я не потерплю, чтобы здесь кто-то распоряжался, а уж тем более она!

Хубило ничего не оставалось делать, как переводить:

— Бабушка, мама говорит, что в этом доме не позволит распоряжаться никому… ну, кроме тебя, конечно.

Стоило прозвучать этим словам, и донью Итцель как подменили. Впервые в жизни невестка согласилась допустить ее к семейным делам! В

свою очередь, донья Хесуса тоже не могла прийти в себя от удивления. Она никак не ожидала, что свекровь отреагирует на ее воинственное заявление такой любезной и умиротворенной улыбкой. Наконец, взяв себя в руки, она тоже улыбнулась и впервые за все время, прошедшее с того дня, как она вышла замуж за сына доньи Итцель, вдруг почувствовала, что свекровь приняла ее как родственницу. Хубило сумел одной лишь фразой дать обеим то, чего им так не хватало: ощущение нужности и признания собственной значимости. С того дня донья Итцель перестала соваться на кухню с проверками: она и так была уверена в том, что все ее указания выполняются как нельзя более точно; в свою очередь донья Хесуса, почувствовав, что свекровь признала правильным ее образ жизни, смогла наконец выразить свою нежность и заботу по отношению к старой женщине. Ну и, разумеется, вся семья, облегченно вздохнув, зажила нормальной жизнью благодаря столь точному и исчерпывающему исполнению Хубило своей работы (к немалому удовольствию последнего). Он так рано открыл для себя силу слов и с такого раннего возраста тренировался в их передаче, что нет ничего удивительного в том, что в отличие от многих других мальчишек он

не хотел стать ни пожарным, ни полицейским. Его мечтой было вырасти и выучиться на телеграфиста.

Эта мысль оформилась в его голове в один прекрасный день, когда он покачивался в гамаке, слушая рассказ отдыхавшего рядом отца.

Со времени Мексиканской революции прошло уже несколько лет, но рассказы о том, что происходило в годы восстания, еще живо передавались повсюду их непосредственными участниками. В тот день разговор зашел о телеграфистах. Хубило слушал отца затаив дыхание. Вообще для него мало что могло сравниться с тем чувством восторга, когда он просыпался после обязательного в его возрасте послеобеденного сна под звуки голоса отца, рассказывавшего очередную историю.

Жара, обычная в этих тропических краях, вынуждала всю семью устраиваться на сиесту в гамаках, подвешенных в задней части дома, куда доносился морской ветерок. Там-то, у моря, K'ak'nab, они отдыхали и беседовали. Шум набегавших волн погружал Хубило в сладчайшую дремоту, и не менее сладким было постепенное пробуждение под негромкий ритмичный гул разговора взрослых. Постепенно, не торопясь, слова развеивали дрему, и наступало время пиршества

воображения. Так, плавно вырвавшись из ласковых объятий сна под тропическим небом, Хубило протирал глаза и готовился внимать каждому слову отца.

В тот день речь зашла о генерале Вилье и его корпусе телеграфистов. Всем известно, что одним из факторов успеха Вильи как военачальника являлось то внимание, какое он уделял средствам связи. Он отчетливо сознавал всю мощь этого новшества по тем временам и великолепно сумел применить его. В качестве примера отец привел один случай, когда использование телеграфа обеспечило повстанцам возможность захватить целый город — Сьюдад-Хуарес.

Этот приграничный город, очень важный по своему расположению, был настоящей крепостью — хорошо укрепленной и отлично снабжаемой. Вилья решил не вступать в открытое сражение с федералами; перейти границу, чтобы окружить город, он не мог. Вот он и придумал захватить эшелон с углем, направлявшийся в Сьюдад-Хуарес из Чихуахуа, чтобы использовать его в качестве этакого «троянского коня». Погрузив в вагоны всю свою армию, он на первой же промежуточной станции приказал захватить телеграф и вместо тамошнего телеграфиста посадил своего

человека, который тотчас же отправил федералам телеграмму: «Вилья преследует нас по пятам. Что делать?»

Ответ был получен следующий: «Двигайтесь в Сьюдад-Хуарес как можно быстрее». Так они и сделали. Угольный эшелон прибыл в Сьюдад-Хуарес глубокой ночью. Федералы пропустили его в город, а когда выяснилось, что вагоны под завязку забиты не углем, а вооруженными повстанцами, было уже поздно. Таким образом Вилье удалось захватить Сьюдад-Хуарес практически бескровно.

Как говорится: «Тому, кто умеет слушать, много раз повторять не надо». Хубило было достаточно услышать, как его отец произнес: «Без помощи того телеграфиста генерал Вилья ни за что не одержал бы победу», как образ этого безымянного героя предстал в его воображении. Если этим человеком так восторгается его отец — он тоже хочет стать телеграфистом! Ему надоело догонять братьев и сестер, у которых была фора величиною в целые годы учебы и самой жизни. Тот из них, кто не стал юристом, выучился на врача, та, что не танцевала лучше всех, была необыкновенно умна. Все они являлись средоточием добродетелей, достоинств и вполне реализован-

ных возможностей. Хубило то и дело замечал, что отцу было в какой-то мере интереснее разговаривать с его братьями и сестрами, чем с ним самим, смешнее казались отцу и их шутки, серьезнее относился он и к их успехам. Младший чувствовал себя обойденным и мечтал выделиться перед отцом любым способом. Он хотел предстать в глазах отца настоящим героем, и вот стало ясно, что нет для этого способа лучше, чем сделаться телеграфистом. Хубило уже знал за собой особый дар слышать и передавать чужие слова, так что эта работа не должна была оказаться ему в тягость. Он рвался как можно скорее стать одним из них, тех самых героев.

Что нужно для того, чтобы стать телеграфистом? Где на них учатся? Как долго? Вопросы сыпались из него со скоростью пулеметной очереди, и ответы не заставляли себя ждать. Больше всего его взволновало известие о том, что, для того чтобы быть телеграфистом, нужно, оказывается, знать азбуку Морзе — особый алфавит, ключ для передачи информации, владеют которым лишь немногие.

Перспективы вырисовывались самые радужные! Если то, что нужно передать, понимать будет он один, значит, и формулировать полученную

информацию можно будет по своему усмотрению! Мысленно он уже соединял влюбленных, улаживал семейные распри, восстанавливал пошатнувшиеся браки и прекращал всякого рода вражду и раздоры. Кому, как не ему, суждено было стать лучшим телеграфистом в мире! Это он чувствовал сердцем. Доказательством могли служить установившиеся наконец, не без его участия, добрые отношения между мамой и бабушкой. Вряд ли овладение азбукой Морзе окажется более сложной задачей. А кроме того, он ощущал в себе особый дар. Умение «слышать» истинные чувства человека, скрытые за прочной стеной произносимых им слов, свойственно далеко не каждому. Чего Хубило в те дни не мог предвидеть, так это того, что дар этот превратится с годами в его главнейшее несчастье. Оказалось, что умение читать секреты и невысказанные желания людей — вовсе не так приятно и забавно, наоборот, этот талант в своем роде видеть других насквозь очень быстро становится причиной множества переживаний, головной боли — в прямом и переносном смысле, — а также огромных любовных разочарований.

Но в те веселые и радостные дни кто мог бы предупредить Хубило о том, что жизнь — тяжелая

штука? Кто смог бы предсказать, что в последние дни он будет прикован к постели, ведя почти растительный образ жизни, и главное — не имея возможности общаться с людьми? Кто?!

* * *

— Привет, Хубиан! Как ты?

— Да… никак.

— Да ты что? А на мой взгляд, так ты — еще ничего.

— А ты… на мой… нет…

— В каком смысле? Что, я, по-твоему, плохо выгляжу?

— Да нет же, дон Чучо. Папа имеет в виду, что он вас совсем не видит, а не то, что у вас нездоровый вид. Это шутка, просто вы не дали ему договорить.

— Извини, старина, ты говоришь так медленно, вот я и поторопился.

— Да, к сожалению, это доставляет ему большие неприятности. Вот на днях Аврорита, его сестра-сиделка, спросила его, не хочет ли он пообедать с нами вместе. Он, конечно, ответил, что да, но сначала ему нужно в ванную. Ну, Аврорита сажает его в кресло-каталку, везет в ванную, поднимает и начинает расстегивать ему ширинку. Вот тут

папа и произносит, неторопливо так: «Не надо, я только руки хотел помыть». Аврорита, конечно, смеется и говорит: «Ай-яй-яй, дон Хубило! Ну и зачем я вам тогда штаны расстегиваю?» На что мой папа ей заявляет: «А я думал, ты это так — по собственному желанию…»

— Ну, старина, ты даешь! Годы идут, а ты все такой же, не меняешься.

— Нет… да и чего ради-то?

— Дон Чучо, скажите, а что, отец всегда был такой шутник?

— Всегда ли? Что скажешь, Хубиан? Да сколько я его знаю!

— А сколько?

— Ну, я уж и не упомню. Ему, наверное, тогда лет девять было, а мне — лет шесть, кажется. Он только что приехал из Прогресо: по-моему, там закрылась экспортная контора твоего дедушки, вот они сюда и перебрались. Как сейчас помню, как я его впервые увидел: стоит себе рядом с чемоданом, только-только с поезда. Я еще удивился, что на нем были короткие штанишки — ну, знаешь, матросский костюмчик такой. Само собой, вся наша компания соседских детей собралась поглазеть на новенького, ну и давай над ним зубоскалить… Мол, матрос, где же твой корабль,

да как тебя сюда занесло, до моря-то отсюда… Спрашиваем его, где сегодня бал-маскарад, ну да сама знаешь, как дети дразнятся.

— А что папа?

— Да ничего. Рассмеялся в ответ и говорит: «Какой еще бал-маскарад? Вам разве еще не сказали, что я и море с собой привез? Вон и волна следом идет — смотрите!» Мы и давай вертеться да оглядываться, в общем, стоим как дураки. Ну, тут уж папочка твой от души посмеялся. Вот с того дня мы с ним и дружим, он мне как-то сразу понравился. Мы тогда жили на улице Альсате, твой папа — в доме двадцать семь, а мы напротив. Так что мы целыми днями играли вместе, друзья были — водой не разольешь. А потом мы переехали на Наранхо, и Хубиан после школы каждый вечер заходил ко мне. Мы все время играли на улице; тогда ведь было совсем спокойно, никто ни на кого не нападал, машины проезжали редко-редко, а уж грузовики и вовсе в диковинку были. Да жизнь совсем другая была, квартал наш — рай земной, не то что сейчас: не успеешь выйти на улицу вечерком, как тебя тут же изобьют или ограбят. Когда со мной такое приключилось, так пришлось даже в больницу лечь. Такое творится, что даже в аптеке на углу — помнишь угловую

аптеку, Хубиан? — даже там поставили на окна решетки, чтобы ее не ограбили. А я помню, как в том же доме, над аптекой, жили сестры Гонсалес, и мы вечерком попозже приходили к их окнам, чтобы, если повезет, подсмотреть, как те будут раздеваться и укладываться спать. Эй, Хубиан, ты меня слышишь? Воспользуюсь-ка я тем, что ты толком говорить не можешь, и открою глаза твоей дочке кое на что, а то ты бы мне быстро рот заткнул.

— Это… я бы… с радостью…

— Не сомневаюсь. Единственное, что меня успокаивает, так это то, что ты и пошевелиться толком не можешь. Что, старина, съел? То-то же… Кстати, а ты знаешь, что твой отец по молодости был ох как не дурак подраться?

— Нет.

— Да ты что? Такого не знать? Между прочим, он даже умудрился нокаутировать самого Чуэко Лопеса, это боксер такой был в наше время, он еще за твоей мамой хотел приволочиться.

— Правда?

— Конечно. Дело вот как было: мы собрались у меня, на Наранхо, по какому поводу — даже не помню. Вышли втроем на балкон, а тут на улице появляется Чуэко и тотчас же лезет на бли-

жайший столб, чтобы — представь себе только — пофлиртовать с твоей мамой. Ну а дальше — понятное дело: папочка твой рассердился, полез в драку с Лопесом и набил-таки ему морду!

— А почему он так рассердился? Они давно были знакомы с мамой? Он уже считался ее парнем?

— Да что ты! Я их только-только познакомил! Нет, дело было в том, что Хубиану, понимаешь ли, показалось, будто Чуэко недостаточно уважительно обошелся с твоей мамой, хотя, если уж говорить начистоту, — Хубиан, ты слышишь? — все это происходило у меня на глазах, и я не припомню ни единого его слова, которое можно было бы считать оскорблением…

— Он… не сказал, но… но подумал!

— Брось, Хубиан!

— Подождите, дон Чучо, так это вы познакомили моих родителей?

— Увы, да, и твой папа так и не может мне этого простить. Правда, старина?

— Н-ни… за что!..

— Мог бы и снять с меня проклятье, в конце концов виноват-то ты сам. В тот вечер, вместо того чтобы лупить несчастного Чуэко, лучше бы подсобил ему, приободрил. Глядишь — он и

женился бы на Люче, так нет же… И какая муха тебя тогда укусила?

— Да как бы я… такую свинью… парню… я ведь… им восхищался…

— Бедняга Лопес, добрейший был человек. Он ведь и меня научил боксу, представляешь себе? Возился со мной, хотя сам уже известным боксером был, потом он даже выступал на «Арене Мехико» и «Арене Либертад». А тренировать меня он стал, потому что пожалел: меня в школе лупили почем зря. Я ему как-то пожаловался, и он меня спросил, не хочу ли я научиться драться. Я, конечно, ответил, что да, и он стал заниматься со мной. У него дома в подвале висел мешок для отработки ударов, ну штанга там была, перекладина, вот я и усваивал там первые уроки. Главное, говорил он мне, никогда не закрывай глаза, потому что противник только того и ждет. Я потом всегда повторял это Хубиану: когда баба тебя лупит, ты только глаза не закрывай, тогда и увернешься. Да что толку-то, отец твой никогда меня не слушал… Ну да ладно, жизнь — она такая штука: вот Чуэко Лопес — проморгал да прогулял все, пить начал, а под конец дошел до того, что стал подавальщиком в парикмахерской.

— Это как же?

— Ну, раньше в парикмахерской клиенту всегда рюмочку подносили, пульке[2] или еще чего-нибудь. Сейчас уже такого нет. А делал это специально нанятый человек, официант не официант, а так, просто на побегушках. Ну да все проходит… вот и мы тут сидим… Чуэко-то давно умер, а мы еще барахтаемся… вот я и пытаюсь пожить в свое удовольствие, пока живется. Хожу в кегельбан, люблю я это дело; по три раза в неделю играю. Партнерам моим — и партнершам — лет по семьдесят будет, а многим и поболее. Одному недавно девяносто исполнилось, а он ничего — держится, играет. И неплохо у него получается. В такие-то годы… а там один шар десять фунтов весит! Плохо только, что стали дорого брать за это дело, по восемьдесят песо за дорожку. С нашими-то пенсиями такие деньги — куда там. Ни за что бы себе не позволил. А тут — такое дело: иду я по улице Салливан и вдруг вижу кегельбан на втором этаже, прямо над обувным магазином. Смотрю, играют там девчонка одна и мужик какой-то. Ну, я и спрашиваю, можно ли поиграть и сколько это будет стоить. Оказалось, это заведение специально арендовано, чтобы по

---

[2] Примечания: 2
Алкогольный напиток из сока молодой агавы.

утрам там могли играть пенсионеры-профсоюзники. Я им говорю, что я, мол, тоже пенсионер, но только у меня государственная пенсия, так представляешь, они ответили, что это неважно и что я тоже могу поиграть. Там за дорожку берут по восемнадцать песо, но это для всех, а нам, пенсионерам, вообще по девять уступают, да к тому же угощают чашкой кофе. А я, сам понимаешь, сумел подружиться с хозяйкой буфета, так она мне и две, и три чашечки нальет, а я ей, ясное дело — то коробки помогу нести, то еще что… Всяко мне легче, чем ей, вот и дружим. Я ведь уже лет тридцать в кегли играю, а все так, ни шатко ни валко, средненько получается. В среднем сто пятьдесят — сто семьдесят выбиваю, хотя сам знаешь, любому, кто играет, неймется пять сотен сразу отхватить. Тут пару недель назад я пятьсот восемьдесят три выбил — с трех попыток-то! Представляешь себе? Хубиан? Эй, Хубиан… Устал ты, похоже, от моей болтовни… молчишь.

— Нет, дон Чучо, дело не в этом. С ним такое бывает: не то устает, не то еще что… особенно когда речь о маме заходит.

— Ну и дела! А кстати, она его что — не навещает?

— Да нет. Говорит — не хочет.

Последние слова я произношу с опаской. Почти тайком. Уж кто-кто, а я-то знаю, насколько хорошо отец может услышать разговор, что ведется одновременно. Вот он вроде и забылся, потерялся в воспоминаниях, но это вовсе не мешает ему следить за нашей беседой. Долгие годы работы на телеграфе оставили ему в наследство редкое умение управляться сразу с несколькими делами и сообщениями.

А мне меньше всего хотелось бы, чтобы он узнал, что думает мама по поводу его болезни. Хотя, с другой стороны, вполне вероятно — именно о ней он будет думать в свою последнюю минуту, несмотря на то что вот уже столько лет ее не видел.

Каков, интересно, образ мамы, сохранившийся в его памяти? Какая она для него теперь? Такая, как в день их расставания? Или такая, какой он впервые увидел ее? Или как в тот день, когда она стояла на балконе, пробуждая все мыслимые желания в мужчинах, что с восхищением глядели в ее лицо?

А мама… каким остался для нее отец? Может ли она представить его таким, какой он сейчас? Думает ли она о нем по вечерам, отсмотрев свои сериалы? Если да, то каким он видится ей? Я

постоянно спрашиваю себя, способна ли она представить его улыбающимся — как в лучшие времена, когда они танцевали дансон[3] на центральной площади Веракруса и магнит севера притягивал к себе волны прилива в глазах цвета моря.

[3] Примечания: 3
Национальный мексиканский танец кубинского происхождения.

II

Мелодия дансона топила в себе центральную площадь Веракруса. Пары скользили по танцплощадке с лебединой грацией. И при каждом шаге тела источали чувственность. Густую атмосферу сладострастия, казалось, можно было резать ножом и подавать кусками.

Одна пара отличалась от всех остальных. Это были Хубило и его жена. Сам Хубило был одет в белый льняной костюм, а Люс Мария, его супруга, в платье из органзы — тоже белое. Цвет одежды контрастировал с бронзой загара на их коже. Вот уже месяц они ежедневно ходили на пляж, и результат не замедлил сказаться. Солнечный жар, собранный, сконцентрированный в их телах, вырывался наружу, излучая пылкость, и страсть, и плотские желания. Люс Мария, для своих просто Люча, лишь слегка поводила бедрами, но особая чувствительность Хубило приумножала это движение и воспринимала его словно накатывающуюся волну огня, лихорадочного жара, пьянящего, льющегося пламени, поднимавшего и без того запредельную температуру его тела. Пальцы Хубило, умевшие передавать телеграф-

ные сообщения с невероятной быстротой, только на вид неподвижно лежали на спине и на талии партнерши. На самом деле они ежесекундно ощущали и передавали ему каждое ее движение, каждую частицу ее страсти, ее желания, таящегося под кожей. Ненасытные антенны, подушечки его пальцев, ловили электрические импульсы, которые она непрерывно посылала ему, словно бесконечно приказывая двигаться в ритме играющей музыки. Люче не нужны были слова, чтобы сказать мужу о том, как она его любит и как она его желает. Если слова движутся со скоростью желания, то, отправляя любовные послания, можно обойтись и без них. Единственное, что нужно, чтобы расшифровать такое послание, это особый чувствительный аппарат, которым Хубило обладал с рождения сполна, и находился тот прямо в его сердце. Он мог получать и расшифровывать любое количество посланий, исходивших из сердца другого человека, независимо от того, хотел ли тот, чтобы его сообщение было прочитано, или нет. Хубило обладал способностью перехватывать послания раньше, еще до того как те обретут словесную форму.

Не раз и не два эта способность подбрасывала ему лишние заботы: люди ведь не привыкли к то-

му, чтобы их истинные намерения становились понятны другим. Они скрывают их от посторонних, прячут под покрывалом красивых речей, заглушают их, чтобы не нарушать принятого порядка вещей.

Это несоответствие, что существует между желаниями и словами, порождает всякого рода коммуникационные проблемы и служит почвой для появления двойной морали как у отдельных людей, так и у целых народов, которые, говоря одно, делают другое. Потому-то обычные люди, привыкшие в основном следовать за словами, оказываются в полном тупике, обнаружив, что чьи-либо поступки в очередной раз противоречат заявленному ранее. Немалых трудов им стоит догадаться о лживости слов говорящего, но почему-то они предпочитают быть снова обманутыми и не признавать предупреждений таких людей, как Хубило, об истинных намерениях того или иного человека. Хубило даже привык к тому, что его самого обвиняли во лжи как раз тогда, когда он говорил чистую правду.

К счастью, электрические импульсы, пробегавшие сейчас по телу его жены, имели только одно значение и целиком совпадали с тем, что она думала, а кроме того, с тем, чего желал Хубило.

То, как согласованно двигались в танце их тела, предвосхищало удовольствие, что ожидало их позже, по возвращении домой.

Женаты они были всего полгода и до сих пор занимались лишь тем, что познавали друг друга, целуясь и предаваясь любви в каждом из тех городишек, куда Хубило отправляли в командировку, — как квалифицированный телеграфист он временно исполнял обязанности местных сотрудников телеграфа, уходивших в отпуск или на больничный. На этот раз ему выпала очередь ехать в великолепный Веракрус, за что молодая пара могла лишь благодарить судьбу.

Это назначение стало для них настоящим подарком, особенно для Хубило, которого совершенно измотали события последних нескольких месяцев. Морские купания, соленый песок, запах свежей рыбы и кофе в «Ла Паррокии» оказались для него прекрасным тонизирующим и общеукрепляющим средством. По крайней мере, куда лучше, чем «Эмульсия Скотта», которую пыталась навязать ему Люча. Крики чаек, шелест вееров и шум набегающих на берег волн оживляли его, мысленно возвращая в бесконечно счастливые дни детства. Он снова осознал, что жизнь — приятная штука и что в ней у него нет иных

обязанностей, кроме как заниматься любовью. Хотя, если уж говорить совсем начистоту, он не мог не признаться себе в том, что не способен думать ни о чем, кроме плотских утех, независимо от того, находился ли он сейчас в Веракрусе или в Кочинчине. Причем — даже на работе.

Отправляя телеграммы, он постоянно помнил, как его пальцы ласкают самые интимные места Лючи. Играя с ее клитором, они словно посылали ей сообщения азбукой Морзе, и если она и не понимала их дословно, они все равно были достаточно красноречивы, чтобы Люча отвечала на них взрывом страсти. Это был тот случай, когда сознание Хубило не отделяло любовную игру от работы, а работу от самой нежной ласки. Он оправдывал себя тем, что на самом деле эти два занятия тесно связаны между собой. Во-первых, и для того и для другого требовался электрический ток. Телеграф получал его по проводам, а в маленьких удаленных деревнях, где еще не было света, телеграфная служба работала при помощи специальных приемных устройств: стеклянные, сантиметров тридцать — сорок в высоту и около пятнадцати в диаметре, они наполнялись кусочками сульфата и заливались водой. В верхней части сосуда помещалась медная спи-

раль с двумя контактами: один уходил в воду, другой примыкал к спирали. Плюс и минус. Эти склянки работали, как батареи Вольта: чтобы получить нужное напряжение, их устанавливали по несколько штук последовательно.

Влагалище его жены функционировало сходным образом: в нем имелась влага, и размер его как раз соответствовал тому, чтобы при контакте с половым членом мужа, этим усложненным подобием медного кабеля, возникал источник электрического тока, подобный Вольтовой батарее.

Хорошо это или плохо — в зависимости от того, как посмотреть, — но батарейки Хубило хватало ненадолго, и ему то и дело требовалось вновь подзарядиться, для чего следовало в очередной раз подсоединить приемный кабель к источнику тока. Они с Лючей просыпались рано утром и занимались любовью; затем Хубило собирался и уходил на работу. Отправив положенное количество телеграмм, он отправлялся на обеденный перерыв — домой. Пообедав, они с Лючей вновь занимались любовью, затем он снова шел работать. Передав очередную порцию сообщений, он возвращался домой. Вечером они выходили прогуляться, ужинали и перед сном опять

занимались любовью. Единственным изменением в этом режиме стало по приезде в Веракрус ежедневное посещение пляжа. Но в общем их жизнь представляла собой эту радостную рутину новобрачных. Впрочем, в последнее время в ней наметились некоторые перемены. Это ни в коем случае не означает того, что их встречи стали менее страстными, или того, что беременность супруги воспрепятствовала их бесчисленным совокуплениям, но тем не менее Хубило стал ощущать некое воздействие, препятствующее энергетическому обмену между ним и его женой. Он не знал, как это выразить, но подсознательно ощущал, что Люча что-то от него скрывает. Она не отваживалась объясниться перед ним, а самому Хубило никак не удавалось определить, что происходит, что едва заметно течет у нее в крови. Так можно объяснить происходившее, если принять во внимание, будто мысль подобна электрическому импульсу, который бежит по лучшему из проводников — человеческой крови. Вот почему Хубило было нетрудно «ощутить» мысли жены в минуты энергетического обмена, что происходил между ними, когда они занимались любовью. Лоно жены было для него источником энергии, компанией-поставщиком электричества, и в

последнее время напряжение этого тока стало давать сбои. Хубило пришел в отчаяние. Он спрашивал Лючу, но та все отрицала, а у него не было аппарата, подобного телеграфному, который смог бы уловить и расшифровать эти скрываемые от него мысли. Приходилось строить догадки, а как бы ему хотелось вместо этого превратить эти электрические импульсы в слова! Если бы только найти ключ к ним, придумать дешифровщик мыслей!

По его разумению, мысли представляли собой особые частицы или даже существа, которые начинают свое бытие с того момента, как их обдумывают; затем, воплотившись в сгустки энергии, они путешествуют и вибрируют в пространстве — невидимые и неслышимые — до тех пор, пока их не перехватит какой-нибудь приемный механизм, преобразуя их в письменный текст, в устную речь или — а почему бы и нет? — в зрительный образ. Хубило верил в то, что в один прекрасный день будет изобретен специальный аппарат для преобразования мыслей в соответствующие им видимые образы. С его точки зрения, непреодолимых препятствий этому не было. Пока же ему приходилось довольствоваться единственной доступной си-

стемой восприятия, которую представлял он сам. И вполне возможно, что требовалось всего-то тоньше настроить свой приемник, чтобы иметь возможность поймать самые слабые волны, и это позволило бы ему невероятно усилить свои способности к непосредственной коммуникации с окружающим миром.

Хубило твердо верил в то, что все сущее во Вселенной имеет душу, чувствует, мыслит. Все — от крохотного цветка до самой далекой галактики. Каждый по-своему заявляет миру: «Я здесь, я существую». По его теории получалось, что звезды говорят, общаются, обладают способностью создавать и пересылать сигналы, отражающие их самые потаенные мысли и переживания. Древние майя ощущали свою связь с разумом Солнца и считали, что если человек сумеет установить контакт с Королем Звезд, то ему станут ведомы не только его мысли, но и его желания. И Хубило, как достойный потомок своего великого народа, не переставал себе на радость упражняться в попытках открыть разум, распахнуть его навстречу мысленному излучению солнца, звезд и других галактик; он изо всех сил пытался найти чей-нибудь сигнал, послание, какой-нибудь знак или скрытое за ним значение, любую пульсирующую

вибрацию, которая обратилась бы прямо к нему.

Как же грустно, наверное, осознавать, что твои импульсы никем не будут приняты! Чувствовать, что никто и никогда не поймет их скрытый смысл! Знать, что отправляемые тобой сообщения сгинут навеки в ночи времен!

Наверное, для Хубило не существовало ничего более тревожного, более противоестественного, чем мысль о послании, которое не приходит к своему адресату. Он, родившийся с такой необыкновенной восприимчивостью, позволявшей ему принимать и передавать послания, отправленные практически в любой форме, приходил в отчаяние, обнаружив отправленное и никем не принятое сообщение, на которое так и не поступило ответа. Это словно ласка, которой не суждено прикоснуться к коже возлюбленного, словно спелый финик, незаметно упавший на пол и так никем и не съеденный, сгнивший где-то под порогом. По мысли Хубило, самое горькое заключалось в том, что в мире было немало таких посланий — отправленных, но не полученных и потому беспорядочно мечущихся по Вселенной. Сколько же этих пульсирующих сущностей — невидимых и неслышимых — вьются вокруг каждого человека, вокруг какой-либо планеты

или звезды? Эта простая мысль наполняла Хубило чувством вины, заставляла его ощущать свою ничтожность — словно он был обязан принять все не полученные другими адресатами сообщения. Как бы он хотел объявить всему миру, что он… он способен, готов принимать все, что отправлено, что он знает цену этим посланиям, что они вибрируют в космосе не напрасно! С годами он обнаружил, что лучший способ предоставить людям подтверждение в получении их послания — это воплотить свои самые потаенные желания посредством честного и добросовестного отношения к своей работе.

Возможно, зародилось в нем это чувство в тот день, когда бабушка отвела его далеко в сельву и показала дорогу к потайному месту, путь к которому еще не был осквернен историками и археологами. Там на небольшой поляне стояла древняя стела народа майя. Ребенку она показалась таким огромным сооружением, которое и взглядом-то объять — нелегкое дело. Столь же велика была ее способность притягивать к себе внимание. Высеченные на каменных боках иероглифы мгновенно пробуждали воображение всякого, кто останавливал на них взгляд. Бабушка с внуком долго осматривали стелу, причем донья

Итцель все это время курила сигару. Эти сигары она делала сама, завертывая табак в лист кукурузы. Речь идет о целом, неразрезанном кукурузном листе, так что сигары получались чудовищных размеров, а следовательно, и курились они, прямо скажем, не быстро. В общем, пока бабушка разбиралась со своим творением, прошло немало времени, в течение которого Хубило неотрывно разглядывал иероглифы.

— Бабушка, что здесь написано?

— Не знаю, родной мой, не знаю. Говорят, на этой стеле отмечены какие-то важные даты, но расшифровать, понять их до сих пор никому не удалось.

Маленький Хубило пришел в ужас от этого известия. Если древние майя потратили столько сил и времени, чтобы высечь эти даты на камне, то, наверное, считали их особенно важными. Как же могло получиться, что о них забыли? Нет, он не мог в это поверить.

— Бабушка, ну правда, ну скажи, неужели действительно никто не понимает, что это за цифры?

— Да нет, *Che'ehunche'eh Wich*, дело-то не в этом. Что тут за цифры — известно, вот только непонятно, какому году нашего календаря они

соответствуют. У майя был другой календарь, не такой, как у нас, и теперь нам не хватает главного — ключа, с помощью которого можно было бы расшифровать эти надписи.

— А где этот ключ? У кого он?

— Нигде и ни у кого. Этот ключ был утерян, когда нашу страну захватили испанцы. Я ведь тебе уже рассказывала, что они сожгли книги майя, и мы теперь уже никогда не узнаем многого о наших предках.

И пока донья Итцель докуривала свою сигару, Хубило даже позволил себе пустить слезу. Он отказывался верить в то, что все потеряно безвозвратно. Этого просто не могло быть! Вот он — этот камень, и он говорит с ним, и пусть его язык пока непонятен, Хубило уверен, что рано или поздно он его разгадает, ну или хотя бы попытается сделать это.

Немало времени он провел, изучая систему счисления майя. Система была двадцатичной — от одного до двадцати, и для записи чисел в ней использовались точки и черточки. Самое любопытное заключалось в том, что эти занятия помогли ему много лет спустя изучить азбуку Морзе. Но в то время он еще не знал, что ему суждено стать телеграфистом, и его ум занимала

одна задача: найти ключ к расшифровке календаря майя. Что касается его бабушки, то едва ли он мог доставить ей большее удовольствие чем-либо еще. Видеть внука, поглощенного изучением культуры древних майя, было для нее поводом к нескрываемой гордости. По всей видимости, это увлечение Хубило и помогло ей мирно, со спокойной душой уйти в лучший мир: она могла быть уверена, что ее наследие не пропадет, но сохранится и продолжит жить хотя бы в одном из потомков. В том, что Хубило не забудет своих предков и свой народ, сомнений не оставалось.

Она умерла спокойно, с улыбкой на лице. И Хубило, как бы ему ни было жаль бабушку, не переставал благодарить судьбу за это. Донья Итцель умерла вовремя — чуть-чуть не дожив до того времени, когда бурное развитие экономики и техники, сметая все на своем пути, ворвалось в Прогресо, ее родной город. По иронии судьбы донье Итцель довелось жить в городе с таким символичным названием, хотя она несмотря на всю необратимость своих взглядов и участие в революционной борьбе, ни в коей мере не разделяла идею неизбежности и необходимости прогресса, столь бурного именно в те времена. Она признавала за женщинами право курить и

право бороться за другие права Более того, в 1916 году она поддержала движение, выступавшее за разрешение в Юкатане абортов, но при всем этом до конца своих дней не желала примириться с появлением телеграфа, телефона, железной дороги и прочих достижений цивилизации, которые, по ее мнению, только забивали людям головы лишним шумом, заставляя их жить наспех и отвлекая от всего истинно важного.

В какой-то степени бабушка считала технические достижения проявлением позитивистского мировоззрения, которому следовала так называемая «группа ученых». Этой компании ничтожеств тем не менее удавалось в течение довольно продолжительного времени удерживать у власти президента Порфирио Диаса. Именно в период его диктатуры, в 1901 году, была опубликована работа врача-позитивиста Порфирио Парры «Мексика: ее социальная эволюция». Этот «научный» труд оказался неопровержимым свидетельством того, что думали столь уважаемые и утонченные представители государственной элиты о мексиканском народе. В этой книге абсолютно безапелляционно отвергалось какое бы то ни было значение индейского наследия. Оно просто отбрасывалось в сторону. При этом

утверждалось, что до пришествия испанцев индейцы не умели считать больше чем до двадцати и что их познания в арифметике если и могли худо-бедно обеспечивать повседневные нужды, то уж ни в коей мере не служили научным инструментарием.

По словам Парры, у истоков мексиканской науки стояли знания, привнесенные конкистадорами, но никак не те, что были на вооружении у индейцев. Это утверждение отдавало расистским душком, не говоря уже о том, что демонстрировало невежество автора. Тем не менее донья Итцель не без основания опасалась того, что все эти достижения современной науки предадут забвению борьбу великих мексиканцев, таких как Хосе Васконселос, Антонио Касо, Диего Ривера, Мартин Луис Гусман и Альфонсо Рейес, против мрачного наследия, оставленного этой «позитивистской наукой», борьбу за возрождение «духа», за развитие гуманитарных наук, за новое обретение мексиканской реальности, наконец, борьбу за индейца.

Для нее было ясно, что главное в железной дороге — это не возможность быстро добраться куда-либо, а то, зачем это делается. Все технические новшества не стоят ломаного гроша,

если их не сопровождает духовное развитие. Вот эту-то опасность ясно видела донья Итцель. Ведь несмотря на все победы, несмотря даже на революцию, мексиканцы так и не обрели более цельного понимания того, кто они такие. А живя впопыхах, все время догоняя кого-то или что-то, как можно восстановить утерянную связь с собственным прошлым? И когда теперь, в какой миг истории им суждено перестать быть теми, кем они не являются и не должны быть?

Бабушка умерла, так и не найдя ответа на свои вопросы, и Хубило, несмотря на то что ее уход на какое-то время сильно выбил его из колеи, решил не оставлять попыток разгадать тайну иероглифов. Занятия в области математики привели его к тому, что он открыл для себя календарь майя. При помощи всего тринадцати цифр и двадцати символов майя сумели описать всю мудрость, которой овладели их превосходные астрономы. Древний народ прекрасно ориентировался в небе и в пути движения планет. Майя могли не только предсказывать затмения, но и рассчитывать орбиту, по которой Земля движется вокруг Солнца, причем делали это с невероятной точностью — их расчеты до тысячных долей после запятой совпадают с теми, что производит современная

наука. Как объяснить наличие подобных знаний у цивилизации, не имевшей современных измерительных приборов, у культуры, которая даже не открыла для себя колесо в качестве транспортного средства? Хубило пришел к выводу, что причиной этому была особо прочная связь, которую майя сумели установить с окружающим их миром. Сами майя использовали термин Кихап Suum для определения того, в чем именно состоит наша связь с Галактикой.

Кихап Suum переводится как «Небесный Путь, ведущий к пуповине Вселенной». Речь идет о своего рода энергетической пуповине каждого человека, которая выходит из его солнечного сплетения, проходит насквозь через Солнце и достигает *Huban-Ku*, что означает «Источник жизни, находящийся дальше, чем Солнце».

Для майя Вселенная не была прерывистой, разделенной на атомы. Они верили в то, что некие тончайшие невидимые волокна осуществляют связь одних предметов с другими; иными словами, в то, что Галактика представляет собой некую резонирующую матрицу, внутри которой происходит непрерывная передача информации и знаний. Таким образом, люди, обладающие восприимчивостью, достаточной для того, чтобы

поймать вибрацию предметов и их систем, могут подключаться к этому процессу обмена информацией и получать космические знания напрямую.

Конечно, когда *Кихап Suum* скрывается во мраке, наша способность к восприятию резко снижается, и Солнце, даже оказавшись прямо перед нашими глазами, не в силах передать нам хоть что-либо.

Представлять Галактику в виде огромного резонатора оказалось крайне интересно. Резонировать — значит снова, повторно звучать. А звучать — значит вибрировать. Весь космос пульсирует, вибрирует, звучит и — резонирует. Где? В предметах, способных воспринимать энергетические волны.

Хубило открыл для себя, что остроконечные предметы значительно лучше принимают энергетические колебания, чем те, что по форме ближе к кругу. Благодаря этому открытию обрели логическую связь пирамиды, возведенные его предками, и вертикально установленные телеграфные столбы, которые современники стремились расположить как можно выше.

Понимание этой закономерности натолкнуло его на дальнейшие умозаключения: так, например, его угловатый на ощупь череп представлял

собой мощную антенну, позволявшую воистину чудесным образом подключаться к космосу. Антенной был и его напряженный половой член, готовый в таком состоянии к неимоверно глубокому контакту с самым чувствительным резонатором мира — тем, что принадлежал телу его женщины. Отсюда понятна легкость, с какой Хубило устанавливал отношения со всеми людьми, даже на расстоянии. Ничуть не хуже устанавливал он связь и с предметами, и с сущностями куда более абстрактными, например — с числами. Возможным объяснением этого феномена может служить то, что Хубило, как всякая высокочастотная антенна, не только перехватывал малейшие, едва заметные колебания, но и начинал вибрировать с ними в унисон.

Говоря другими словами, Хубило не довольствовался тем, чтобы перехватить нужную волну, но стремился к тому, дабы погрузиться в нее и начать вибрировать на той же ноте, с той же частотой и амплитудой. Совсем как гитарная струна, которая, уловив звук струны другого инструмента, настроенного в той же тональности, начинает звучать сама, не дожидаясь прикосновений пальцев музыканта. Зазвучать в унисон — вот чего добивался Хубило, настроившись на

ту или иную вибрацию, говорящую: «Я здесь, я существую». Это было своего рода ответом, его способом сказать: «Я тоже здесь, я тоже существую, и я вибрирую, звучу вместе с тобой».

Вот почему нет ничего странного в том, что Хубило так хорошо поладил с числами. За долгое время, посвященное изучению нумерологии майя, он раз и навсегда понял, что написать, например, цифру «пять» — это вовсе не то же самое, что изобразить «четыре». И дело даже не в ином наборе элементов, а в том, что каждая цифра звучала, вибрировала по-своему, как по-разному звучат все музыкальные ноты. Для Хубило, который прекрасно отличал «до», скажем, от «соль», не составляло большого труда увидеть также масть и достоинство любой перевернутой карты, положенной на стол. Это делало его невероятно удачливым игроком, но, что интересно, играл он очень редко и никогда — с друзьями. Ему казалось нечестным использовать свои способности для извлечения материальной выгоды. Исключение он сделал единственный раз в жизни. Было это в Уичапане, небольшом городке у подножия Сьерра-де-Пуэблы, где он, как обычно, заменял ушедшего в отпуск штатного телеграфиста.

Уичапан был типичным городком Тихооке-

анского побережья: не проходило и дня, чтобы на него не обрушивался сильнейший ливень. Длинные козырьки свисали с крыши каждого дома, чтобы, проходя по улицам, люди имели хоть слабую защиту от дождя. Такой климат способствовал развитию в местных жителях своеобразной разновидности меланхолии, которая пропитывала их до самых костей — куда быстрее, чем вездесущая влага. Все места, где можно было собраться, располагались под крышами, и ни одно из них не могло сравниться по популярности с местной таверной. Впрочем, за те две недели, что Хубило и Люча уже провели в этом городке, у Хубило не возникло ни малейшего желания познакомиться со столь популярным у местных жителей заведением. Он предпочитал проводить любой свободный час в постели с женой, но… в один прекрасный день к нему на телеграф зашел один из самых постоянных клиентов почтовой службы в городе — молодой крестьянин по имени Хесус. Он зашел к Хубило, чтобы отправить очередную телеграмму Люпите, своей невесте, жившей в Пуэбле.

Через пол месяца Люпита и Хесус собирались пожениться. Подготовка к свадьбе шла полным ходом, и Хубило уже успел переслать невесте

бесчисленное множество телеграмм, в которых ей сообщалось о дате и времени венчания в местной церкви, о том, сколько цветов и свечей будут украшать саму церковь, скольким курицам предстоит принести себя в жертву праздничному обеду… К тому же Хубило был в курсе того, сколько раз собирался Хесус поцеловать свою ненаглядную Люпиту, а самое главное — куда.

Разумеется, эти сведения поступали к нему от жениха не напрямую. Утечка столь конфиденциальной информации происходила подсознательно, и Хубило лишь, сам того не желая, получал ее, наблюдая за тем, как Хесус сочиняет телеграммы. Он стал, таким образом, своего рода непрошеным союзником в этом любовном заговоре.

Но в то утро, едва увидев Хесуса, вошедшего в помещение телеграфа, Хубило понял, что стряслось что-то ужасное. Хесус появился опустив голову, печальный и подавленный. Вода, стекавшая с полей его неснятой шляпы, залила бланки, разложенные на стойке, но он даже не заметил этого. Похоже, парню было ни до чего, даже не до минимума хороших манер. Хубило, стараясь не обращать на себя внимания, сумел отодвинуть стопку телеграфных бланков так, чтобы те не попадали под печальную капель; Хесус брал

из этой стопки лист за листом, но очередной вариант телеграммы неизменно отправлялся в мусорную корзину. Не нужно было обладать особой чувствительностью, чтобы понять: Хесусу предстояло сообщить невесте весьма и весьма неприятные известия. Желая хоть как-то помочь несчастному влюбленному, Хубило тактично предложил ему помочь в составлении телеграммы и при этом сумел так расположить его к себе, что парень взял да и поделился всем, что случилось с ним накануне.

Хесус был заядлым игроком в покер и каждую пятницу ходил играть в таверну. Но в прошлую пятницу он принял фатальное решение: перенести игру на субботу, чтобы она совпала с обещанным друзьям прощанием с холостяцкой жизнью. Результат оказался ужасен. Начав играть, Хесус проиграл все. Все! Ранчо, где они с Люпитой собирались жить, деньги на свадьбу — на церковь и на банкет, на платье невесты и даже на свадебное путешествие, о котором они так мечтали.

Описывать состояние парня нет необходимости. Помимо всего прочего, проиграл он свое имущество не кому-нибудь, а дону Педро, крупному местному землевладельцу; этот человек,

вдобавок к грубости, невоспитанности и нечестности, славился жадностью и умением особо изощренно пользоваться несчастьями других — и все это не считая прочих отрицательных черт характера. Хубило никак не мог понять, почему, зная все это, Хесус решился играть против него, да к тому же поставить на кон все свое имущество. Это просто не укладывалось в его голове. Хесус пытался объяснить свой поступок тем, что избежать этого было невозможно: дон Педро ни с того ни с сего подошел к их столу и спросил, нельзя ли присоединиться к игре. Отказать ему, естественно, никто не посмел.

Это было вполне понятно. Без объяснения оставалось другое: почему Хесус решил рискнуть всем, что у него было. Слушая сбивчивый рассказ парня, из которого следовало, что виной всему оказалась лишняя пара рюмок, выпитых к тому времени, Хубило мало-помалу настроился на волну страдания Хесуса и вскоре нашел ответ, который скрывался за полными слез глазами и унылыми словами проигравшего: причиной всему была слабая, почти не осознанная даже для самого Хесуса надежда на то, что ему удастся выиграть — единственный раз обыграть человека, который столько лет держал в подчинении

всю его семью, порой лишая крестьян последнего куска хлеба.

Это объяснение придавало некую логику внешне абсолютно иррациональному поведению Хесуса за карточным столом в тот вечер. Теперь, когда последняя надежда была растоптана, на парня накатила волна сознания собственного бессилия. Бессилия многих поколений крестьян, терпевших всевозможные издевательства со стороны богатых латифундистов. Хубило настолько настроился на волну горя Хесуса, что сам почувствовал это бессилие, снесенные оскорбления, очередное унижение. В тот же миг он возжелал стать мстителем, которому суждено отплатить за несчастного, вынужденного теперь ломать голову над тем, как сообщить невесте, что свадьбу, которая должна была состояться через пару недель, придется отложить на неопределенное время. А ведь дело шло к тому, что в ближайшие дни Люпита и ее родственники собирались покинуть Пуэблу и направиться в Уичапан, где семья Хесуса с нетерпением ждала их приезда.

Как теперь объяснить, что произошло? Как извиняться? Хесус никак не мог найти подходящие слова. Хубило сумел убедить его в том, что отчаяние — не лучший советчик и редактор и

что до тех пор, пока оно заполняет сердце, ему вряд ли удастся написать хоть одну внятную, осмысленную фразу. Ему даже удалось отправить Хесуса домой: разумеется, с обещанием тотчас же составить и отослать подобающую положению дел телеграмму.

Так он и поступил. Само собой, в его послании ничего не говорилось об отмене свадьбы, зато Люпите, от имени ее жениха, вновь сообщили, как он ее любит. Говорить что-либо еще не было смысла. По крайней мере, пока. Предстояло еще многое сделать, но дело Хесуса вовсе не представлялось Хубило неразрешимым. Единственное, что требовалось, — это время, а именно его-то и было в обрез. Поэтому Хесус, не тратя ни минуты даром, тотчас же принялся строить планы восстановления справедливости.

Среди тех немногих черт, что Хубило не мог терпеть в людях, было злоупотребление властью или силой. За то недолгое время, пока он пробыл в городке, ему уже стали известны многие неблаговидные поступки, совершенные доном Педро. Знал он и не об одной обесчещенной помещиком девушке, и о том, как тот нещадно эксплуатирует крестьян, как без стыда обворовывает их при расчетах, равно как и о том, что тот жульничает,

организуя петушиные бои и, как теперь выяснилось, играя в покер.

Хубило так разозлился, что, даже будучи едва ли не самым миролюбивым человеком на свете, уже всерьез пожалел о том, что этому самому дону Педро удалось пережить революцию. Вот было бы здорово, если бы восставшие, пользуясь всеобщей сумятицей, влепили ему пулю в лоб! Таким образом они оказали бы изрядную услугу обществу и к тому же избавили бы Хесуса от лишних страданий. Но — ввиду явного упущения со стороны революционеров — за дело предстояло взяться самому Хубило. В уточнении планов мести прошла рабочая неделя, настала суббота — вечер покера в таверне.

В восемь ноль-ноль он появился в зале и прямиком направился к столику дона Педро. Играть Хубило был готов на свои сбережения и зарплату, полученную за последний месяц. Дон Педро встретил его с распростертыми объятиями, словно какой-нибудь вампир — пятнадцатилетнюю девушку. В Хубило он явно видел очередную возможность сорвать деньжат по-легкому. Хубило почти мгновенно вычислил, каким образом дон Педро устанавливает свои правила за столом. Если первая сданная ему карта оказывалась

тузом, всем остальным надеяться было уже не на что. Дон Педро начинал взвинчивать ставки, вынуждая таким образом небогатых партнеров отказаться от игры. Остаться и вести игру по-крупному — на это хватало азарта и силы духа совсем у немногих.

Вдобавок ко всему дон Педро был игроком не только очень искусным, но и невероятно везучим. Если у кого-то из соперников выстраивалась на руках тройка, он перебивал ее другой — более высокого достоинства. Если кто-то ухитрялся выстроить каре, дон Педро перекрывал его флешем. В тех редких случаях, когда ему действительно не везло, он прибегал к испытанному средству — блефовал, поднимая ставки до сумм, рисковать которыми большинство из его партнеров не могли себе позволить. Разумеется, доверия к его словам никто не испытывал, однако все предпочитали оставаться при своих сомнениях, но и при деньгах. Проверка комбинации, имевшейся на руках у дона Педро, могла обойтись слишком дорого, потому как к моменту, когда следовало открывать карты, на кону оказывалась сумма, равная целому состоянию одного из игроков, весьма, впрочем, скромная для второго.

Дон Педро не любил проигрывать и потратил

немало усилий на то, чтобы овладеть всеми приемами, помогающими выигрывать. Прибегал он к ним умело, в зависимости от складывавшейся обстановки. Более того, он внимательно следил за каждым движением, за малейшим изменением в поведении своих оппонентов. Если человек хотя бы на миг выказывал сомнение или нерешительность перед тем, как уравнять ставку, дон Педро делал вывод о том, что у него на руках не больше захудалой пары, и старался тотчас же воспользоваться ситуацией. Если противник равнял ставки решительно — следовало поостеречься, вполне возможно, неплохой комбинации у него на руках. Если же тот выставлял фишки на стол не только не раздумывая, но даже перебивал его ставку, дон Педро не рисковал и предпочитал пропустить игру. Вот так просто. Не рисковать и не заигрываться, просчитывать каждую ставку — вот нехитрые правила, следуя которым дону Педро удавалось почти всегда выигрывать и лишь изредка оставаться при своих деньгах.

Ловко управляясь с цифрами, Хубило позволил дону Педро обыграть себя несколько раз — даже при том, что у него на руках порой оказывались лучшие карты. Ничего, ночь предстояла длинная, и Хубило хотел, чтобы дон Педро поверил

в легкую победу. Так и получилось: где-то через час игры дон Педро пребывал уже в полной уверенности, что его противник — весьма посредственный игрок и расправиться с ним будет совсем не сложно. Тем временем Хубило стал потихоньку менять ритм игры. Он воспользовался тем, что сдавать выпало Сесару, местному аптекарю, сидевшему слева от него. При таком раскладе Хубило имел возможность почувствовать, что ему выпало. Настал черед сдачи пятой карты — последняя возможность для дона Педро заказать ставку. На столе перед каждым из игроков лежало по четыре карты — три открытые и одна вверх рубашкой. У дона Педро были открыты валет, восьмерка и тройка, закрытым же оставался еще один валет. У Хубило были девятка, семерка и король открытыми, и еще один король — закрытым; следовательно, его пара была сильнее, чем у дона Педро, о чем тот наверняка знать не мог. Чтобы выяснить это обстоятельство, дон Педро поднял ставку, ожидая, что, будь у противника на руках два короля, он тотчас же постарается перебить его ставку. Хубило не стал этого делать. Если бы дон Педро понял, что у соперника на руках лучшие карты, он того и гляди вышел бы из игры, а вот как раз этого Хубило хотелось меньше

всего. Он мечтал разбить противника наголову и знал, что второго шанса у него не будет. Поэтому Хубило ограничился тем, что уравнял ставку, да и то предварительно изобразив сомнения и нерешительность. Для дона Педро такое поведение противника послужило сигналом о том, что у того на руках, скорее всего, какая-нибудь пара девяток — курам на смех!

Дон Педро успокоился. Сумма на кону стояла уже не маленькая, и он твердо вознамерился унести ее сегодня всю без остатка. Перед сдачей последней карты дон Педро открыл свою пару, рассчитывая, что Хубило не станет рисковать и откроет свои девятки. Тот же, к удивлению противника, оставил своего короля закрытым, чем вынудил Сесара сдать еще по одной карте. Хубило был уверен в том, что ему достанется еще один король, а дону Педро — очередной валет, что, впрочем, уже не имело большого значения — три его короля в любом случае были сильнее любой взлетной тройки. Когда Сесар положил на стол последнюю карту, среди зрителей послышались перешептывания и удивленные возгласы. Король величественно, как в замедленной съемке, лег на стол под бесстрастным взглядом дона Педро. По всем его расчетам, у Хубило была на руках

пара девяток, открыл же он двух королей. Это дону Педро совсем не понравилось. Хубило, того и гляди, грозил уйти из-под его контроля Вынув изо рта сигару, он неспешно придвинул к себе свою последнюю карту и так же, не торопясь, посмотрел ее. У него едва не вырвался вздох облегчения, а на лице расплылась торжествующая улыбка, когда он увидел, что получил третьего валета. Балетная тройка! А это значит, что он выиграл! Имея пару королей, противник мог бы и поднять ставку, но он этого не сделал и предпочел спасовать. У дона Педро участился пульс. Он, уже уверенный в победе, лихо поднял ставку на девяносто песо. Хубило только того и ждал. Он спокойно уравнял ставку и, к удивлению дона Педро, еще и перебил ее на двадцать песо — все остававшиеся у него деньги. Дон Педро решил, что Хубило по неопытности слишком рассчитывает на две свои карты и не предполагает вполне очевидной вероятности того, что у противника запросто может оказаться полноценная тройка. В общем, он преспокойно уравнял ставку и уже в качестве формальности поинтересовался:

— Ну, и что мы имеем?

На что, как гром среди ясного неба, прозвучал ответ Хубило:

— Три короля.

Дон Педро не был сломлен проигрышем. Наоборот, эта столь редкая для него ситуация подхлестнула его. Красный от злости, он сосредоточился и, используя все свои знания, приемы и опыт, навалился на Хубило изо всех сил. Если Хубило делал ставку, он пропускал ход. Когда же, напротив, ставку делал дон Педро, у Хубило как назло оказывались на руках хорошие карты, и он продолжал игру. В общем, мало-помалу дон Педро отыграл все то, что было так неожиданно проиграно.

У Хубило игра пошла плохо, он стал нервничать. Сколько он ни пытался сосредоточиться, ему уже не удавалось определить, какая карта шла к нему, а уж тем более — какие были на руках у дона Педро. Объяснения происходящему он не находил, но было ясно, что волшебная связь с числами оборвалась, и играть ему приходится вслепую. Ладони его взмокли, зато во рту пересохло. От выигрыша не осталось и следа, и вскоре он уже проигрывал свои последние запасы. На столе у него лежала пара семерок. Дон Педро открыл только одиночные карты. Сдали по последней. Хубило не повезло, он остался со своими двумя семерками. Ему оставалось только ждать, пока дон

Педро увидит свою последнюю карту и сделает ставку, что позволит предположить, насколько она оказалась для него удачной. До этого момента у дона Педро не было никакой комбинации, но карты его были сильнее, чем те, что лежали перед Хубило. А значит — любая образовавшаяся пара обеспечивала дону Педро победу. Посмотрев последнюю карту, дои Педро уверенно заявил:

— Ставлю весь ваш остаток.

Хубило засомневался. Прочие игроки давно ушли из-за стола, и если он не согласится со ставкой, то никто уже не узнает, что за карты оказались на руках у его соперника. С другой стороны — дон Педро делает ставку на все оставшиеся у Хубило деньги! За километр было видно, что землевладелец старается оставить противника нищим: он ведь наверняка знал, что деньги, последние в этой игре, являются и последними сбережениями небогатого телеграфиста. Хубило мысленно пытался подсчитать все варианты, при которых он мог выиграть. Велика была вероятность того, что дон Педро блефует, но единственный способ выяснить это — согласиться с его ставкой, потому что всякая способность связываться напрямую с людьми, вещами и цифрами, казалось, была потеряна раз и навсегда. В

общем, он уравнял ставку — лишь затем, чтобы с болью в сердце обнаружить в руках дона Педро взлетную пару. Словно ледяная волна окатила Хубило с ног до головы. Он проиграл все. ВСЕ. Ставить больше было нечего. Дон Педро, собрав тем временем при читавшиеся ему фишки, не выпуская сигару изо рта, сказал:

— Большое спасибо, дружище. Похоже, вам больше нечего ставить?

— Увы…

— А что вы скажете о вашем симпатичном «паккардике»? Не хотите сыграть на него?

Хубило как обухом по голове ударили. Да, они с Лючей действительно приехали в этот город на машине, но у него и в мыслях не было поставить «паккард» на кон хотя бы потому, что тот ему вовсе не принадлежал. Это был свадебный подарок тестя и тещи. Семья Лючи была весьма богата, и подарок, помимо демонстрации добрых чувств к новобрачным, имел целью облегчить «сокровищу», доставшемуся Хубило, поездки по «медвежьим углам», куда загоняли семью телеграфиста его постоянные командировки. Машина стоила примерно три с половиной тысячи песо.

Неожиданно легко для самого себя Хубило заявил:

— Идет! Машина так машина!

Дон Педро улыбнулся. С тех пор как Хубило и его красавица жена появились в городе, землевладелец едва не умер от зависти. Это страстное чувство вызывали у него как машина, так и женщина. По мнению дона Педро, возжелавшего обладать обеими, Хубило не заслуживал ни той, ни другой. И вот телеграфист сам предоставил ему возможность воплотить в реальность одно из этих желаний.

Дон Педро стал быстро мешать карты, но тут Хубило после небольшой паузы прервал его, сказав:

— Только в покер я больше играть не буду. Не везет сегодня. Я ставлю машину плюс ко всему, что есть на столе, но ставлю на победу Кида Ацтека в бое за звание чемпиона мира во втором полусреднем весе, который проходит сегодня в Мехико.

Дону Педро это предложение показалось весьма соблазнительным, но, приняв его, он утрачивал контроль над ситуацией. Никакие его хитрости, никакие уловки не могли повлиять на результат. Все зависело от слепого случая. Но в ту ночь ему так везло, никогда еще он не выигрывал так красиво столь крупную сумму… В общем, дон Педро,

почти не колеблясь, принял пари. Сложность была всего одна, и заключалась она в том, что репортаж об этом бое по радио не передавали, и единственной возможностью узнать результат было дождаться утра, когда в город привозили свежие газеты. Так как было уже далеко за полночь и до рассвета оставалось всего несколько часов, Хубило предложил пересчитать находившиеся на столе деньги — целое состояние, как оказалось, — и всем вместе пойти на станцию, чтобы там уже дожидаться утреннего поезда, этого своего рода средства распространения массовой информации. Взяв газету из первой же пачки, они выяснят, кто выиграл, отдадут победителю деньги — и дело с концом.

Все присутствовавшие, включая и дона Педро, с готовностью согласились с предложенным планом и вместе отправились на железнодорожную станцию. По дороге компания обсуждала это необычное пари, звучали самые разные комментарии, кто-то восторгался идеей, кто-то — рисковостью игроков, а кто-то даже пытался предугадать окончательный исход Не было там ни одного человека, не желавшего победы Хубило, большинство ненавидели дона Педро лютой ненавистью, а оставшимся не хватало

самой малости, чтобы воспылать к нему тем же чувством. Сам же Хубило в основном молчал. Он чуть поотстал от компании, чтобы покурить в свое удовольствие. Взгляд его был прикован к горизонту, руки засунуты в карманы. Товарищи по игре с уважением отнеслись к его праву на одиночество, полагая, что его, наверное, раздирает сейчас на части неуверенность, схожее с пыткой ожидание в неведении. Никому и в голову не могло прийти, что в эти минуты страдания Хубило были совсем иного рода: его мучили угрызения совести.

Чучо, друг детства Хубило и коллега по работе, жил в Мехико и был большим любителем бокса. Он посмотрел матч, а позже сообщил Хубило результат по телеграфу. До того, как тот вышел с работы и направился в таверну. Итак, заключая пари, Хубило уже знал, кто победил на ринге. Ставка была стопроцентно верной. И вот теперь чувство вины сжигало его. Нет, дело было не в том, что дон Педро не заслуживал тарелки каши, сваренной по его же рецепту, а в том, что Хубило нарушил тайну пересылки информации, которую всем телеграфистам полагается свято чтить. Единственное, что хоть как-то могло утешить его, — это то, что у Хесуса и Люпиты теперь будут

деньги на свадьбу, да еще то, что Люча, его супруга, когда он наконец явится домой уже утром, сможет потребовать с него отчет только о том, где он пропадал, но не о том, куда он подевал их «паккард».

Накатившее на него уныние не позволило ему порадоваться вместе со всеми, послушать радостные возгласы знакомых, с должным рвением принять их поздравления. А между прочим, всеобщая радость была такова, что победителя подняли на руки и чуть было так и не понесли домой. Единственный, кому не пришелся по душе выигрыш Хубило, был, разумеется, дои Педро. Прочитав газету, он развернулся и пошел прочь, матерясь во весь голос.

Он не умел проигрывать. Учиться этому ему особо не приходилось, а переучиваться в пятьдесят лет уже достаточно сложно. Мысленно он поклялся когда-нибудь отомстить обидчику.

Взгляд, который дон Педро бросил на Хубило перед тем, как уйти со станции, красноречиво свидетельствовал, что у того появился заклятый и беспощадный враг — на всю жизнь. Но Хубило не стал придавать этому значения. Через две недели его собирались перевести в Патцкуаро, и он надеялся, что судьба больше никогда не сведет

его с доном Педро. Ему не суждено было знать, что у судьбы имелись на их счет другие планы. Впрочем, в тот момент он не был способен думать о чем-либо, кроме того, чтобы побыстрее оказаться в объятиях Лючи. К тому же он страшно устал и хотел поскорее забыть об этой ночи, вернуться к привычной жизни, но… было уже поздно. Эта ночь стала водоразделом, поворотным пунктом всей его жизни.

Кое-кто из собравшихся намекнул на то, чтобы отправиться на открывшийся уже рынок и поесть козлятины, свежезажаренной на открытом огне, да пропустить по рюмочке — просто чтобы отпраздновать его победу. Но Хубило было не до того, он как мог вежливо извинился перед приятелями и поспешил удалиться. Отпраздновать? А что ему праздновать-то? Победу? Так разве это победа? Сам себя Хубило ощущал проигравшимся вчистую.

Проиграл он многое: пропала его связь с числами, себя самого он подвел, оказавшись никуда не годной приемной антенной. На благородное имя телеграфиста легло пятно позора. Рухнуло всё. все важнейшие победы и достижения его жизни. Теперь даже солнце — и то не могло согреть его. И это вовсе не было просто метафорой. Мелкий

дождик, «чипи-чипи», как называли его местные жители, потихоньку поливал улицы городка. Шума от него не было, но мешал он от этого не меньше. Морось, висевшая в воздухе, как нельзя лучше соответствовала настроению Хубило. У него болело все тело, до костей, но еще сильнее — душа. А затянутое тучами небо лишало его последнего средства, что могло бы облегчить его участь. Для Хубило огромным наказанием была невозможность видеть солнце, подключиться к его теплу, окунуться в его согревающие лучи.

Неожиданно, словно небо сжалилось над ним, облака расступились и позволили первым солнечным лучам коснуться земли. Хубило тотчас же остановился, чтобы, не торопясь и не отвлекаясь, встретить чудо рассвета. Вот уже много лет такая встреча солнца была для него своего рода ритуалом. Бабушка научила его этому, и он старался строго следовать заведенному порядку, да так, что чувствовал себя не в своей тарелке, если с утра не получал благословения небесного светила.

Хубило поднял руки к небу и привычно поприветствовал восходящее солнце, но на этот раз не было ему ответа. Солнце отказалось говорить с ним. Хубило понял, что таково будет

его наказание. Не подобало ему использовать свои способности медиума и передатчика для столь мелкого и ничтожного занятия, как игра в карты. Нельзя и пользоваться полученной по секрету информацией для своей личной, к тому же материальной, выгоды. Но тем не менее он почему-то чувствовал, что назначенное ему наказание излишне сурово. Нет, он признавал и осознавал свои ошибки, был готов отвечать за содеянное, но — не в такой же степени! Впервые в жизни он просто ошибся. Все эти толкования неполадок в коммуникации, все предположения, касающиеся степени вины, не имели ничего общего с реальностью.

Солнце вовсе не отказывалось говорить с ним и уж никак не собиралось наказывать его. На самом деле все обстояло так: Земля попала под воздействие атмосферных явлений, причиной которых является изменение солнечной активности. Когда на Солнце появляются видимые даже с Земли пятна, происходят возмущения в электромагнитном поле нашей планеты, в результате чего затрудняется прием радиосигналов, нарушается их передача. В том, 1937-м, году Солнце находилось на пике активности, и не стоило ожидать, что каждая попытка Хубило установить

связь со светилом увенчается успехом. По этой же причине он не мог перехватить сигналы, подаваемые мыслями дона Педро во время игры; она же мешала ему до конца понять Лючу, женщину, отмеченную магнитом севера, страдавшую, как никто другой, при появлении пятен на Солнце.

Знай он тогда об этом — и многие проблемы решились бы сами собой. В первую очередь он понял бы, что иногда одного лишь желания, одной доброй воли мало для того, чтобы установить надежную связь с космосом; что из-за появления солнечных пятен порой повисает какой-нибудь не подключенный ни к чему провод, остается неустановленной какая-либо связь, а то или иное не нашедшее своего адресата желание превращается в яркую вспышку метеорита, перечеркивающую небо.

К сожалению, Хубило узнал обо всем этом много позднее, когда проходил курс дополнительной подготовки для работы оператором радиоаппаратуры в Мексиканской Государственной авиакомпании. Зато ему, к счастью, не пришлось ждать столько лет, чтобы понять: способность получать не высказанные вслух сообщения не пропала, не исчезла навсегда. Там, в Веракрусе, рядом с морем, рядом с Лючей, рядом с его

предками-майя он вновь обрел этот дар. Танцуя дансон, он уловил послание. Исходило оно от его жены. Отправлено оно было посредством едва заметного движения бедер, и Хубило не только сумел принять его, но и прочитал абсолютно безошибочно. Какое же это счастье, когда ничто не мешает передаче и приему! Как здорово, когда едва уловимое «клик-клик» отзывается искрой понимания в сознании того, кому оно адресовано. Эти мгновения — сравнить их, поставить вровень можно только с оргазмом. Бедра Лючи, двигаясь в ритме и темпе, задаваемом музыкой, словно твердили мужу, отстукивали ему этакой азбукой Морзе:

— Я люблю тебя, Хубило… Я хочу тебя… Люблю… Хочу…

В этот миг мир был совершенен; ничто не могло нарушить их единства. Жар тропического вечера, музыка, соло на трубе, сердца, бьющиеся в унисон, попадающие в резонанс желания…

— Я… хочу…

— Чего желаете, дон Хубило? Хотите, чтобы я измерила вам давление?

— Хочу…

— Нет? Хотите, я подниму вам голову?

— Хочу…

— Нет? Может быть, подать вам судно? Или нет — хотите воды?

— Хочу… тра-хать-ся!

— Ай, дон Хубило! Ну вы и проказник! Разве так можно? Давайте-давайте, вот мы снова засыпаем, глазки закрываем, ну… Что? Включить вам музыку?.. Ну хорошо, только негромко и ненадолго. А то вы опять не выспитесь, а ведь завтра к вам гости придут, и вы должны быть в форме…

III

Быть рядом с отцом и не понимать, что он говорит, — это приводит меня в отчаяние. Словно смотришь на стелу майя, скрывающую в себе целый мир древних знаний, и осознаешь их недоступность для непосвященных. В профиль, в лучах послеполуденного солнца, в лице отца становятся виднее те черты, что роднят его с народом майя. Плоский лоб, орлиный нос, скошенный подбородок.

Вот только что отец повернулся лицом к окну, словно желая выйти за пределы комнаты. Я пытаюсь представить себе, что это такое — не иметь возможности говорить, и понимаю, что для него это должно быть сущей пыткой. Сегодня у нас в гостях были его друзья, они только что ушли, и после них остался в комнате какой-то кисло-сладкий запах. Отец, наверное, сильнее воспринимает запахи, чем я. А мне, кстати, эти визиты оказались очень полезны: я все больше узнаю для себя отца, понимаю, что по-настоящему и не знала его раньше. Это совсем другой человек, не тот, что учил меня ходить и кататься на велосипеде, читал мне сказки и вместе со мной

делал уроки, помогал мне во всем. За привычным обликом отца вдруг открывается совершенно новый человек — непростой и загадочный, человек, большая часть жизни которого прошла рядом с товарищами по работе. Этот, другой человек, оказывается, любил порой выпить, умел говорить женщинам комплименты и был не прочь пофлиртовать с кем-нибудь из секретарш. А еще он, оказывается, был когда-то ребенком, мальчишкой, которому так нравилось гонять мяч по бульвару Санта-Мария-ла-Ривера. Потом этот мальчишка, почувствовав в себе мужчину, тайком подглядывал за раздевавшимися перед сном соседками. Сколько же он успел за свою жизнь — пошутить, вкусно поесть, потанцевать, провести бессонные ночи в компании вот этих самых друзей, от которых мы, дети, сами того не желая, отбирали его. Меня невероятно трогает то, насколько эти люди легко общаются между собой, как мгновенно понимают друг друга, хотя порой я даже сержусь на них за то, что не чувствую себя посвященной в этот круговорот намеков и заговорщицких подмигиваний. Чтобы расхохотаться, им бывает достаточно одной фразы, одного «а помнишь?» — и вот уже между ними установилась особая неподвластная мне связь.

За то время, что они пробыли у нас, я успела к ним присмотреться и почувствовать, что за шутками-прибаутками все скрывают огромную боль. Нет, они, конечно, стараются ничего не показывать, но мне все равно ясно, чего им стоит видеть моего отца в таком состоянии. Я уж не говорю о том, что их должно приводить в ужас сознание того, что любого из них может ждать та же участь.

Рейес, дольше всех не видевшийся с отцом, чуть не разрыдался, подойдя к нему. Он-то помнил его сильным, энергичным, абсолютно дееспособным. Контраст оказался невыносимым. Могу только представить, чего стоило признаться в том, что от Хубило-спортсмена, Хубило — рассказчика баек и анекдотов не осталось ровным счетом ничего. Перед Рейесом предстал исхудавший старик в инвалидном кресле, слепой и почти потерявший способность говорить. Впрочем, чувство юмора он сумел сохранить в полной мере, что и помогло всем собравшимся взять себя в руки, преодолеть боль и провести эти полдня как нельзя лучше.

Появление в доме этих старых телеграфистов не оставило сомнений: отец мне вовсе не принадлежит. Мой папа, мой любимый, обожаемый папочка, оказывается, далеко не только мой. Он

в такой же мере принадлежит своим друзьям, городским улицам, лестницам из каррарского мрамора на старом Центральном телеграфе, прибрежному песку, по которому он учился ходить. А еще он принадлежит воздуху — его любимой стихии, которая — вот ведь ирония судьбы — давно уже не вибрирует, разнося во все стороны звуки его голоса.

Недавно к нам заходил мой сын с женой. Федерико и Лорена поспешили сообщить мне и дедушке, что скоро у них будет ребенок. По улыбке, которой одарил их отец, стало ясно, как по душе пришлась ему эта новость. После всех объятий и поздравлений мне вдруг сделалось грустно. Я отчетливо поняла, что моему будущему внуку уже не суждено будет узнать голос моего отца. Это навело меня на мысль о том, как мне повезло слышать его, наслаждаться его звучанием, принимать адресованные мне нежные слова. Голос моего папы… Только в этот миг я осознала, как мне его не хватает, как я по нему скучаю и насколько важно сделать так, чтобы он не исчез навсегда, чтобы хоть в какой-то мере сохранился для будущих поколений нашей семьи.

Несколько дней назад, пытаясь обрести эхо утраченного голоса, я отправилась прогуляться

по району, где когда-то жили мои родители. Я решила начать с дома № 56 по улице Наранхо, где поселился отец, только-только переехав в Мехико, и, найдя его, увидела старое и едва живое здание — точь-в-точь как мой отец. Как никогда остро я ощутила горечь от упадка, в котором находится наше городское хозяйство. Как же так? Неужели никому нет дела до того, что у нас на глазах гибнет целая культура? Неужели никому не приходит в голову привести в божеский вид фонтан на бульваре Санта-Мария, где мой папа учился стоять на роликовых коньках? А как же Мавританский павильон, где впервые поцеловались мои родители? У меня комок в горле застрял, когда я перешагнула порог музея Чопо, куда отец столько раз приводил меня за руку. Какое счастье, что хоть это здание было выстроено из стекла и стали — эта конструкция позволила ему безболезненно противостоять течению времени. Я вспомнила, что когда-то это помещение принадлежало Музею естественной истории и была здесь великолепная экспозиция кукол в самых разных костюмах. Если не считать китайской крестьянки, больше всего мне нравилась свадебная пара: невеста в белом платье с букетом и жених в черном костюме и гетрах — я

почему-то была уверена, что именно так выглядели мои родители в тот день, когда поженились. Мама всегда смеялась, когда я так говорила, и я старалась при всяком подходящем случае повторить свои слова — уж очень мне нравилось, как ее смех разносится под стеклянными сводами анфилады музейных залов.

Затем я повернула к тому дому, где долгое время располагался Французский колледж — школа, где училась мама. Я постояла, прислонившись спиной к дереву, что росло точь-в-точь напротив входной двери, на противоположной стороне улицы. Мне показалось, что именно здесь отец должен был сотни раз дожидаться, пока закончатся уроки и отпустят домой «тощих кобыл», как называли довольно щегольски одетых девочек в платьях цвета морской волны с изящной бахромой и белоснежными манжетами, воротничком и поясом.

Не знаю, печаль или ностальгия, а может быть, и то и другое послужило причиной тому, что у меня в груди что-то зазвучало. Я, пожалуй, не смогу объяснить этого, но не связать эти вибрации с бархатным мягким звучанием отцовского голоса было невозможно. Любимый, такой знакомый с детства голос. Его отзвук во мне был едва уловим,

чуть слышен, но он успокоил и ободрил меня. Я почувствовала себя защищенной и окруженной заботой, как в детстве, когда отец укладывал меня спать и ласково желал спокойной ночи.

Часы на здании Геологического музея отбили шесть, разрушив колдовские чары. Пора было возвращаться домой — кормить отца. Я быстрым шагом направилась к булочной «Ла Роза», которая, к счастью, оставалась на том же месте, и купила несколько булочек. Вернувшись домой, я приготовила отцу его любимый шоколад так, как готовила его бабушка — на воде, в деревянной кружке, и перед тем как сесть за стол, поставила музыку — пластинку трио «Лос Панчос». Совершенно неожиданно я как никогда раньше ясно представила себе отца, поющего эти песни. Мама как-то рассказывала, что папа, было дело, тоже баловался пением и вместе с двумя приятелями не раз исполнял серенады под ее окнами. Что же случилось потом? — задалась я вопросом. Почему отец больше никогда не играл на гитаре? Почему я никогда не слышала, чтобы он пел песни о любви? Чтобы найти ответы, мне теперь придется научиться слушать его молчание.

Я чувствую, что отец мыслями сейчас не здесь, где-то в мире своих воспоминаний. На память

мне приходит давний образ: после обеда отец готовит себе свой «куба либре»[4] и, поставив пластинку Вирхинии Лопес, закуривает сигару. В такие минуты я старалась не подходить к нему, не беспокоить. Мне это казалось бестактным. Такое же чувство я испытываю сейчас. В его глазах я вижу желание побыть одному. Наверное, одиночество — это то, что ему нужно после ухода гостей. И я не нарушу этого одиночества.

Мне тоже нужно побыть одной. Тем более что появилась у меня одна мысль, которая никак не дает мне покоя.

Сегодня, когда у нас были гости, отцу в какой-то момент настолько захотелось нормально поговорить с друзьями, что Рейес попытался облегчить его страдания, соорудив импровизированный «телеграф». Этот, с позволения сказать, аппарат представлял собой всего-навсего две ложки, сложенные вместе и сжатые в руке отца. Их перестук, пусть даже едва слышный, позволял бывшим коллегам-телеграфистам понимать то, что «говорил» им отец. Эксперимент прошел не гладко, но вполне успешно, и теперь я с каждой минутой обретаю все большую уверенность в

---

[4] Примечания: 4
Коктейль, смешанный из рома, кока-колы и сока лайма (лимона).

том, что можно помочь отцу общаться с миром при помощи волшебного ключа — азбуки Морзе, а мне дать возможность докопаться наконец до расшифровки тайных знаний, что заключены в голове этого наследника древних майя.

Мама всегда говорит, что у всего, что существует, есть свое «почему». Мне бы очень хотелось узнать, какое «почему» скрывается за тем, что мои родители расстались. Почему они не только разошлись, но и перестали разговаривать друг с другом? Чего отец так не хотел видеть, что ослеп? Что хотел сохранить, удержать любой ценой, всеми силами — так, что от напряжения его даже поразила болезнь Паркинсона? Что он сделал такого, отчего перестали звучать в унисон эти две струны? В какой миг эти два тела перестали танцевать в одном ритме?

IV

Любить — это глагол. Тот, кто любит, являет свое чувство в действиях. И тот, кого любят, ощущает это, получая поцелуи любящего, объятия, ласку и благородные поступки. Человек, который любит, всегда будет заботиться о том, чтобы тому, кого он любит, было хорошо и душой и телом.

Никто не поверит матери, которая, заявляя, что любит своего ребенка, не будет кормить его, заботиться о нем, укутывать, когда ему холодно, не будет прикладывать все усилия для того, чтобы он вырос, выучился, встал на ноги.

Никто не поверит мужчине, что он любит жену, если вместо того, чтобы обеспечивать свою семью, тот станет тратить деньги на выпивку и шлюх. То, что мужчина первым делом думает о нуждах семьи, а не о своих потребностях, — это и есть проявление любви. Может быть, поэтому мужчине, способному на это, нравится признание его заслуг, и его переполняет гордость, когда супруга говорит: «Дорогой, какое чудесное платье ты мне подарил! Оно мне так нравится».

Эти слова дают мужчине столь нужное подтверждение того, что подарок был выбран правильно,

что он не только смог выбрать эту вещь, но и оплатить ее, что он, наконец, просто способен сделать счастливой свою половину.

Как видим, глагол «любить» можно спрягать по-разному: либо поцелуями, ласками и комплиментами, либо подарив своей возлюбленной безбедную жизнь. Накормить, выучить, одеть-обуть — все это можно истолковать как проявление любви. Мы демонстрируем человеку свою любовь, целуя его или покупая так нужную ему пару обуви. В этом смысле туфли могут быть приравнены к поцелую. Они тоже являются доказательством любви. Но это вовсе не значит, что они смогут заменить, подменить собой любовь. Материальные блага, передаваемые без любви, служат лишь подтверждением состоявшейся сделки купли-продажи, на которую одни люди идут ради того, чтобы обеспечить себе расположение и благосклонность других.

Если считать верным, что не хлебом единым жив человек, то нельзя не отказать в справедливости и утверждению о том, что «одной любовью сыт не будешь». Вот почему столь печальное зрелище представляет собой бедный влюбленный. Как бы безупречны и восхитительны ни были отношения двух людей, преданных друг другу

душой и телом, нехватка денег может омрачить, а с течением времени свести на нет даже самое сильное чувство.

Люс-Мария Ласкуррайн, девочка из очень обеспеченной семьи, привыкла получать самые разные подарки и всевозможные знаки внимания. Не было куклы, которой она не могла бы играть, платья, которого ей не могли бы купить, лакомства, которое она не могла бы себе позволить.

Она была младшей из четырнадцати братьев и сестер, а значит, и самой избалованной. У нее было все, что нужно, и, можно сказать, много чего еще. Все знали, что семья Ласкуррайн первой приобрела телефон, патефон и, уже позднее, радио. Отец Лючи, дон Карлос, полагал, что деньги — это необходимое средство для того, чтобы занять должное место в современном мире, чтобы получить все блага, предлагаемые развивающейся наукой и техникой. Он никогда не пытался сэкономить на чем-либо из новомодных приспособлений, призванных сделать более комфортной повседневную жизнь, — за что супруга была ему безмерно благодарна. Деньгам он был обязан и тем, что смог перевезти семью с севера страны в столицу, где его близким была обеспе-

чена куда более надежная защита от опасностей революционного времени. Переехали они в Мехико, когда Люче исполнился месяц, и провели опасные годы за стенами роскошного особняка на Санта-Мария-л а-Ривера. Таким образом, для четы Ласкуррайн деньги означали спокойствие, безопасность и уверенность в том, что своим детям они смогут дать достойное место в быстро меняющемся мире. Учитывая такое воспитание, можно понять, что для Лючи, чтобы жить спокойно и уверенно, а также иметь возможность проявлять любовь, были нужны деньги. Она выросла, видя, как обладание немалыми финансовыми средствами обеспечивало счастье ее семьи.

Хубило, в свою очередь, провел детство совершенно в иной обстановке. Для его родителей нехватка денег никогда не служила препятствием тому, чтобы продемонстрировать свою любовь друг к другу, а уж тем более — к детям. Те, несмотря на то что имели лишь самое необходимое, выросли в атмосфере любви. Дон Либрадо, когда началась неразбериха в экономике и рухнула его компания по экспорту агавы, тоже был вынужден перебраться в столицу, но сделать это ему пришлось несколько в иных условиях, нежели главе семьи Ласкуррайн. Сбережений хватило

ненадолго. Детям пришлось ходить в простую государственную школу и забыть обо всех излишествах. Разумеется, сам дон Либрадо тоже подсчитывал все до гроша, прежде чем сделать какую-либо покупку.

Хубило это никогда не было в тягость. Наоборот, по его мнению, обладание даже простой одеждой и мебелью, не говоря уже о роскоши, делало человека рабом своей собственности. Он считал, что следует хорошенько подумать, перед тем как купить что-либо: ведь любая вещь требует к себе определенного внимания, и все вместе они постепенно превращаются в бесполезных тиранов, требующих, чтобы их защищали от охотников до чужого добра, содержали в должном состоянии… В общем, получалось, что владеть — значит быть зависимым, а Хубило слишком любил свободу, чтобы тратить деньги на собственные же веревки и кандалы. По этой же причине он не спешил делать людям дорогие подарки. Во-первых, потому что не считал это необходимым средством проявления нежных чувств, а во-вторых, поскольку полагал, что, делая такой подарок, он вручает человеку частицу рабства, лишает его доли свободы. Само собой, это не относилось к недолговечным милым пустячкам вроде цветов

или шоколадных конфет.

По его разумению, ценность вещей заключалась в том, что они значили для дарящего, а не в его платежеспособности. Он не придавал деньгам никакой ценности и менее всего полагал их достойной мерой проявления любви. Для него, например, серенада, исполненная в три часа ночи под окном возлюбленной, несомненно стоила куда больше, чем браслет с бриллиантами. Первый подарок свидетельствовал о том, что он готов не спать, мерзнуть, рисковать нарваться на хулиганов или грабителей, а то и быть облитым водой или помоями из соседних окон. Это стоило куда больше, чем опустошение толстого кошелька. Ценность вещей была для него весьма относительной. А деньги оказывались всего лишь большим увеличительным стеклом, к тому же кривым, искажающим реальность и позволяющим вещам занимать в наших глазах куда больше места, чем им положено.

Сколько стоит любовное письмо? С точки зрения Хубило — немало. И в этом смысле он был готов выложить все, что у него хранилось в душе, ради того чтобы продемонстрировать свою любовь. Делал он это от всего сердца, вовсе не считая, что чем-то жертвует. Для него любовь

являлась жизненной силой, самой важной из всех, что поддерживают существование человека. Только ощутив ее прилив, человек способен забыть о себе и думать о другом, желать быть с ним, обнимать его, слиться с ним воедино. Для этого нет необходимости сорить деньгами, для этого достаточно желания.

Он лучше, чем кто-либо другой, знал, что желания и слова идут рука об руку; и те и другие влекомы стремлением соединить, связать, найти общее в двух людях независимо от того, говорим ли мы о словах, оставленных на бумаге или только произнесенных. Хубило видел в любом слове возможность выйти за рамки себя самого и передать сообщение другому человеку. Разумеется, больше всего ему нравились слова-путешественники, те, что способны долететь далеко-далеко, до самых неожиданных, невероятных мест. Вот почему встреча с радио произвела на него такое впечатление.

Услышав впервые доносящийся из какого-то ящика голос, он подумал, что столкнулся с колдовством. Было это в доме Фернандо, его старшего брата, купившего для семьи эту новинку, познакомиться с которой Хубило пригласили племянники-одногодки. Радио представляло

собой в то время внушительных размеров ящик, к нему можно было подключать до восьми пар наушников — динамики тогда еще не были придуманы. Тот, кто хотел испытать новое достижение прогресса, должен был сесть рядом с остальными и, водрузив наушники на голову, присоединиться к слушающим. Получалось, что восемь человек, одновременно слушавших одно и то же, оказывались особым образом связаны между собой и, понимая это, переглядывались с видом заговорщиков.

Уже переехав в Мехико, Хубило узнал про радио с громкоговорителем. Он всегда с нежностью вспоминал не только этот момент, но и весь тот день, когда это случилось, день особенный и необыкновенный.

Шел 1923 год, и дон Либрадо, отец Хубило, решив познакомить сына с городом, в котором тому предстояло жить, взял мальчика на прогулку. Для ребенка, только что приехавшего в столицу, все было в диковинку. На каждом шагу он делал открытия. Главным оказалось одиночество. Ему не хватало жары родного города, дружеской компании племянников, привычной кухни и более всего — юкатанского акцента.

В столице говорили по-другому, и Хубило чув-

ствовал себя иностранцем в своей родной стране. Тем более он был благодарен отцу за то, что тот предоставил ему возможность поближе познакомиться с этим городом. Они наняли повозку и вместе с мамой отправились в путь. Не успели они толком отъехать от дома, как начался сильный дождь, не отставший от них весь день. Кучер развернул войлочный навес, прикрывавший в хорошую погоду заднюю часть экипажа, и Хубило пришлось отодвигать драпировку, чтобы увидеть хоть что-то. Дождь, наскоро сполоснувший улицы, придал городу свежести и очарования. В те годы столица была не такой уж большой: на востоке она заканчивалась вокзалом Сан-Ласаро, перестроенным теперь под Палату депутатов. На западе Мехико доходил до Рио Консуладо, до Тлакспаны — в общем, обрывался там, где сейчас проходит Внутренняя кольцевая. Границей города на севере считался мост Альварадо, рядом с которым располагался железнодорожный вокзал Буэна-Виста. А на юге город заканчивался у вокзала Колония, там, где сейчас проходит улица Салливан.

Вот и все. Но и этого оказалось достаточно, чтобы произвести неизгладимое впечатление на Хубило и убедить мальчишку в том, что он,

пожалуй, действительно сможет выжить здесь, так далеко от моря. Стук колес, катившихся по булыжной мостовой, казался великолепным заменителем гула волн. Кроме этого ласкового звука, город не поскупился, даровав Хубило целую палитру восхитительных шумов: гудение толпы, шарканье, стрекотание, какие-то скрипы, треск. А в довершение ко всем приятным событиям этого дня уже на подъезде к дому они встретили Чучо, соседского мальчика, который, чтобы засвидетельствовать новичку свою дружбу, пригласил его к себе домой — послушать радио. Так и получилось, что все друзья-приятели встретились 8 мая 1923 года, чтобы послушать первый передававшийся на всю страну концерт. Радиостанция называлась тогда «Ла Каса дель Радио», и принадлежала она газете «Эль Универсаль Илюстрадо».

В тот вечер глазам, точнее, ушам Хубило открылся целый мир. Ему показалось невероятным, что голоса дикторов могут казаться настолько близкими, что при желании можно вообразить себя в компании этих незнакомых людей, которые смогут облегчить твои страдания, заменить оставшихся вдалеке друзей, родственников, школьных приятелей.

Разумеется, его дружба с Чучо с того дня еще более окрепла, и по вечерам, наигравшись на улице, они приходили домой, чтобы послушать музыку. Хубило следовал за другом повсюду, куда того забрасывало: его родители, казалось, были одержимы навязчивой идеей переезжать с места на место при каждом удобном случае, по малейшему поводу. Было похоже, что переезды просто доставляют им удовольствие. К счастью, все новоселья ограничивались пределами одного района и не препятствовали дружбе Хубило и Чучо; от друзей лишь требовалось подстроиться под растянувшееся или сократившееся число шагов или кварталов, разделявших их дома, а это препятствие не было достаточно серьезным для того, чтобы заставить их отвыкнуть от чуть ли не ежевечернего прослушивания самых разных радиопередач.

С годами изменилась лишь частота их встреч. Хубило пошел в школу раньше Чучо и вскоре оказался изрядно занят уроками и домашними заданиями. Шарики, волчки, мячи и кегли мало-помалу стали перебираться в ящик с воспоминаниями. Но друзья по-прежнему встречались по выходным, чтобы сходить в кино, покататься на велосипеде или тайком покурить. Каникулы

Хубило обычно проводил в Юкатане, у родственников.

Вернувшись после очередного отъезда, он обнаружил, что друг опять куда-то переехал. Хубило решил немедленно повидать его хотя бы для того, чтобы продемонстрировать Чучо свои начавшие пробиваться усы. Направляясь к тому дому, где жил теперь Чучо, Хубило почувствовал, как в животе у него словно завязался большой узел. Нет, больно не было, просто этот узел вздрагивал, будто пытаясь сказать о чем-то. Ощущение было похоже на своего рода предчувствие — или на страх.

Завернув за угол, он тотчас же наткнулся на Чучо. Друзья помахали друг другу руками, и Чучо, болтавший до этого с двумя знакомыми, поспешил представить им Хубило. Это были брат с сестрой, и, направляясь к ним, Хубило ощутил, как растет внутри него незнакомое, беспокойное чувство. Ему захотелось остановиться, повернуться и броситься бежать, но поступить так он не мог: во-первых, Чучо уже видел его, а во-вторых, вся компания явно его поджидала.

Совершенно некстати он вдруг вспомнил, как голуби, жившие под крышей его дома, однажды все до единого улетели куда-то, за день предуга-

дав обрушившееся на Мехико землетрясение.

Делая последние шаги, он уже понял все: перед ним стояла девочка лет тринадцати — самая красивая из всех, когда-либо им виденных Чучо должным образом представил друзей — Хубило и Люс-Марию с Хуаном Ласкуррайн. Протянув девочке руку, Хубило чуть не согнулся пополам от боли, полоснувшей его по животу.

Прикосновение к ней, к ее коже перевернуло его мир, навсегда лишило его спокойного сна. Улыбнувшись, Люс-Мария сказала, что ей больше нравится, когда ее называют Лючей. Хубило хотел что-то произнести, но во рту у него пересохло, и из горла вырвалось лишь нечто, напоминающее петушиный крик. Все посмеялись над его ломающимся голосом. Хубило покраснел, но рассмеялся вместе с остальными, и причиной его радости была вовсе не комичность ситуации, — он различил в себе звучание воистину нового голоса — голоса любви.

Это был какой-то особый гул, слышавшийся в смехе, в шуме прибоя, в раскатах грома и шорохе сухих листьев, несомых ветром. Он священной музыкой звучал внутри него, в животе, в волосах, вибрировал по всей поверхности кожи и, конечно, раздавался в ушах.

Звук любви обрушился на него так неожиданно и с такой силой, что на миг Хубило полностью оглох. А тем временем Люча, очарованная его смехом, пригласила всех к себе домой послушать новую пластинку Глена Миллера. Хубило, разумеется, тотчас же принял приглашение, и компания направилась к дому семьи Ласкуррайн.

Дом Лючи был, пожалуй, тем местом, где больше всего любили собираться ее знакомые. Ее родители были людьми веселыми и общительными; двери их дома всегда были распахнуты для друзей. Хубило не стал исключением, его приняли как родного, мгновенно причислив к компании старых друзей Лючи. Хубило был несказанно благодарен им за это — по многим причинам: во-первых, здесь он получил возможность встретить новых друзей; во-вторых, здесь он мог сколько угодно слушать радио и граммофон, которых у него дома не было; а самое главное — здесь он находился рядом с Лючей, этой тринадцатилетней девочкой, раз и навсегда лишившей его покоя.

Люча была на два года младше Хубило, но, как это обычно происходит в таком возрасте, казалась при этом взрослее его. В то время как у Хубило только-только ломался голос и пробивались усы,

у Лючи уже была довольно соблазнительная грудь, а бедра день ото дня становились все более широкими. Она снилась Хубило каждую ночь, и по утрам он просыпался на влажных простынях. Она была героиней его самых ярких и волнующих эротических фантазий. Только ее образ стоял перед ним при всех — от первой до последней — поллюциях. Весь мир вращался вокруг нее, становясь от этого только ярче и светлее.

Вскоре на уроке физики Хубило узнал, что своим магнетизмом Земля обязана слою расплавленного железа, медленно циркулирующего вокруг ее ядра. Учитель рассказал и о том, что в крови людей и животных также есть элемент под названием магнетит, который позволяет им улавливать электромагнитное излучение планеты. У некоторых эта способность выражена гораздо лучше, чем у большинства других. В наличии этого элемента кроется и способность некоторых животных «предчувствовать» перемены, происходящие в толще Земли и готовые вырваться на поверхность. Обычно следствием этого бывает землетрясение, и животные, чтобы не погибнуть, бегут от того места, где оно может произойти.

Хубило тотчас же вспомнил день, когда он познакомился с Лючей. Без сомнения, его магнетит

в тот миг попал в резонанс с магнитным центром Лючи и попытался предупредить его о грозящей катастрофе. Его хотели предостеречь: его жизнь в опасности, по крайней мере его прежняя жизнь, сказать, что с этого дня его существование будет поделено на «до» и «после» знакомства с Лючей, что жизнь его изменится до неузнаваемости.

Хубило полагал, что железо, входившее в состав крови Лючи, было каким-то особенным и могло излучать магнетизм, очень схожий с магнетизмом Земли; к этой девочке, словно пчелы на нектар, слетались пробужденные ею мужские желания. Эти желания, оставшись неудовлетворенными, продолжали кружиться вокруг, попадая в резонанс с ее магнетизмом и увеличивая его до угрожающих размеров.

Во всей округе не было ни одного парня, не хотевшего стать ее избранником, тем, кто первым поцелует ее, станет ее первым мужчиной. Этим счастливчиком оказался Хубило. Спустя каких-то несколько месяцев после знакомства, на рождественских каникулах, он признался ей в любви, и, к удивлению родственников, друзей и знакомых, Люча — неприступная Люча — ответила ему согласием.

В первые месяцы после помолвки Хубило был

образцовым в смысле скромности женихом. Он позволял себе лишь держать Лючу за руку да легким поцелуем прикасался к ее губам. Но мало-помалу он стал решаться на большее.

Люча навсегда запомнила, как язык Хубило впервые скользнул между ее губами. Это ощущение было очень странным. Она даже не могла бы сказать наверняка, было ей это приятно или нет. Зато на следующий день она точно не могла посмотреть ему в глаза, не покраснев при этом до ушей.

С тех пор они стали позволять себе подолгу обниматься и целоваться. С течением времени росло их доверие друг к другу, не говоря уже о кипевшей в обоих страсти. Объятия становились более крепкими, тела их плотно прижимались друг к другу… так что однажды Люча почувствовала, как к ее лобку прижимается напряженный член Хубило. В таких объятиях руки Хубило позволяли себе робко скользить по спине Лючи. Вот здесь-то и начиналось самое трудное для нее.

Люча привыкла получать все, чего ей хотелось. А теперь, когда она страстно желала, чтобы Хубило позволил себе ласкать не только ее спину, но и чуть ниже, ей приходилось брать себя в руки, чтобы не попросить его об этом. То же самое

происходило с ней, когда, сидя в гостиной, они слушали музыку и он брал ее за руку. Иногда Хубило, желая или не желая того, прикасался рукой к ее ногам, отчего кожа девушки покрывалась мурашками. Как бы ей хотелось, чтобы он не прячась погладил ее колени и там — выше, но всякая подобная возможность начисто отвергалась существовавшими в то время нормами морали. Вот только после того, как Хубило уходил, белье Лючи становилось влажным, ее щеки пылали, и она при этом учащенно дышала.

С каждым днем они все более настойчиво искали возможность побыть наедине. Удавалось им это далеко не всегда: у них не было недостатка в непрошеных соглядатаях, будь то кто-нибудь из еще неженатых братьев или незамужних сестер Лючи, ее родители или прислуга.

Однажды им выпала редкая удача. Одна из сестер дона Карлоса скончалась, и вся семья уехала на похороны. Лючу оставили дома, потому что у нее страшно разболелась голова. Причиной болезни было не что иное, как тайное желание, тщательно подавлявшееся и копившееся в течение уже семи лет знакомства. Не успела она остаться дома одна, как Хубило заглянул с обычным своим визитом. Они вместе прошли в гостиную, и, пока

звучала пластинка Дюка Эллингтона, Люча вдруг взяла руку Хубило и положила ее прямо себе на грудь. Хубило, наполовину довольный и наполовину испуганный, принял столь откровенное предложение и стал ласкать ее со страстью, но и с не меньшей нежностью. В тот день Люча поняла, что настало ей время выходить замуж за Хубило, потому как негоже приличной девушке позволять жениху такие вольности. Более того, ей стало понятно и то, что путь назад отрезан. Страсть могла вот-вот вырваться из-под контроля. Она устала и не могла больше сдерживать так долго подавляемое желание. Но в таком случае оказывалось очевидным, что ей не удастся пойти под венец девственницей, чего от нее ожидали и на что надеялись родители.

Люче этот тезис общественной морали казался полным абсурдом. Если чистота женщины утрачивается вместе с потерей девственности, получается, что самой нечистой вещью в мире является пенис. А вот с этим она не могла согласиться. В течение долгих лет обучения в католической школе ей повторяли, что Бог создал человека по своему образу и подобию. Следовательно, в человеческом теле не должно быть ни одной неподобающей, нечистой части, ибо все

они соответствовали божественному замыслу.

Кроме того, ей казалась еще большей чушью мысль о том, что Бог дал мужчинам руки с условием не прикасаться к женщинам, а женщинам — клитор только для того, чтобы никто никогда к нему не притрагивался. Разумеется, ей и в голову не приходило использовать эти аргументы, чтобы уговорить родителей позволить ей выйти замуж за Хубило. Нет. Она воспользовалась множеством других, убедивших их в том, что младшая дочка крепко вбила эту блажь себе в голову, и теперь легче разрешить ей выйти замуж, чем пытаться доказать неверность этого шага. По их мнению, Хубило в свои двадцать два года не мог в достаточной мере обеспечивать ее сейчас, и, более того, блестящих перспектив у него не вырисовывалось и в обозримом будущем.

Люча добилась своего, но вот теперь, получив желаемое, она обнаружила, что ей многого не хватает. Она никогда не задумывалась о том, что быть замужем не так уж легко, а стать женой человека небогатого — вдвойне. Родители предупреждал и ее, но — кто же слушает родительские советы, когда любит, любит, любит?.. Никто.

Часы, проводимые в постели вдвоем с Хубило, были великолепны. Но потом он уходил на

работу, а она оставалась дома, одна. Как только за Хубило закрывалась дверь, дом погружался в тишину. Смех уходил вместе с ним. Говорить Люче было не с кем. Ей очень недоставало родных. Она скучала по подругам, по шуму и суете родительского дома. Ей хотелось снова услышать разговоры прислуги, скрип тачки, на которой привозили на кухню овощи, посвист домашних канареек. Очень не хватало ей граммофона и любимых пластинок. Будь у нее хотя бы радио, ей не было бы так скучно одной. Но радио не было и в ближайшее время не предвиделось, потому что Хубило откладывал все, до последнего сентаво, чтобы поскорее купить собственный дом.

Тоска по прежней жизни все сильнее охватывала Лючу. При этом рядом с ней не было никого, кто бы мог развеять ее опасения. В тех городках, куда они приезжали не больше чем на месяц, она не успевала завязать достаточно доверительные отношения ни с кем из женщин, которым можно было бы поведать о своих трудностях. Вообще люди в провинции оказались довольно скрытными и подозрительными. К тому же Люча не понимала, что само ее появление в этих городках уже воспринималось как вызов. Ее прическа, ее манера одеваться, делавшие ее похожей на жен-

щин, которых здесь видели только на страницах модных журналов, вызывали пересуды и неодобрительное перешептывание за ее спиной. Людям вообще свойственно критиковать всех, кто ведет себя не так, как они, и в этом отношении Люча была прекрасной мишенью.

Она была молода, красива, одевалась, как актрисы в кино, и к тому же — водила машину, причем свою! Естественно, она не могла не привлекать к себе внимания. Вот только это не помогало ей избавиться от одиночества. Особенно мрачно оказалось в Уичапане. Постоянный дождь нагонял на нее уныние, ей страшно не хватало солнца. Мама с детства повторяла ей, что солнечные лучи отбеливают ткань и делают ее чище. Теперь Люча была уверена в том, что очистительные свойства солнца простираются куда дальше, что солнцу дано отмыть самую черную душевную грязь. У себя дома в Мехико, ну, если точнее, в доме, где она жила раньше, у родителей, она всегда могла выйти в сад и полежать на солнышке; особенно это помогало в те минуты, когда хотелось развеять тоску.

Для девочки, выросшей в атмосфере всеобщей любви и восхищения, жизнь рядом с Хубило не могла не казаться трудной. И дело было не в

том, что он недостаточно сильно любил ее или уделял мало внимания. Нет, просто семейная жизнь вышла совсем не такой, какой она ее себе представляла. Люча предполагала, что у нее, как у ее мамы, будет прислуга, которая возьмет на себя все заботы по дому, а ей останется только музицировать, принимать гостей, болтать с подружками да ходить по магазинам.

Родители воспитывали ее как будущую даму высшего света. В школе она изучала два иностранных языка — английский и французский, умела играть на фортепиано и могла накрыть стол по всем правилам высокого этикета. Были у нее и уроки «домоводства», но готовить ее учили на газовой плите, а не на дровяной, и не мексиканские, а по большей части французские блюда. О Мексике она, по большому счету, вообще знала немного, и менее всего — о национальной кухне. Ее Мексика ограничивалась столицей, скорее даже тем районом, где располагался их дом. Она с чистой душой полагала, что во всей стране едят так, как у них в семье, а после обеда убирают то, что осталось, в холодильник. Ей и в голову не могло прийти, что выпить чашечку кофе — независимо от времени суток — означает необходимость встать, пойти на кухню и расто-

пить печь! Этому ее просто никогда не учили. А все освоенные ею премудрости в этой жизни применить не было никакой возможности. Ей пришлось на собственном опыте познавать то, чему не учил ее никто из учителей, например тому, что продукты, если нет возможности хранить их в холодильнике, очень быстро портятся, протухают, скисают, в них заводятся черни, от них исходит зловоние. Чтобы суметь прожить без холодильника, потребовалась настоящая перестройка сознания. Пришлось по-настоящему заняться дисциплиной ума, чтобы постоянно помнить, когда, чего и сколько нужно купить в магазине или на рынке. Не помогло полученное образование и в области стирки вручную в тазу. Дома у мамы Лючи была стиральная машина — последняя модель, на подшипниках, — и стирка руками оказалась для нее неприятным открытием. Вдобавок ни одна из вещей ее гардероба, как оказалось, не была приспособлена к тому, чтобы выполнять в ней домашнюю работу. Люча чувствовала себя совершенно не на своем месте — словно какой-нибудь заезжий гринго на деревенских танцах.

Единственным утешением было то, что Хубило во всем помогал ей. Рядом с ним проблемы вооб-

ще имели обыкновение решаться сами собой. Эта, не знакомая ей, Мексика к нему оборачивалась с радушной улыбкой на лице. Рядом с ее мужем еда, купленная на деревенском базаре, становилась деликатесом, и даже конский навоз на улице не омерзительно вонял, а источал запах дальних странствий и едва ли не будущих свершений. Благодаря Хубило Люча узнала настоящую Мексику, ее провинцию, индейцев, ее бедность и отсталость. Страну, которая только-только понемногу покрывалась сетью железных дорог и телеграфных линий. Правда, Люче казалось, что эта сеть — паутина, тянущая страну к прогрессу, — лично ее оставила по другую сторону новой жизни, навсегда отделив от благ цивилизации. Перемены, произошедшие в ее жизни, стали пугать ее, она оказалась совершенно не готова к ним. Больше всего ее мучила нехватка денег будь их достаточно, все бы пошло по-другому. Начать с малого: имей она возможность подкупить другой одежки-обувки — и не чувствовала бы себя таким инородным телом на местном рынке. Не помешала бы ей и пара джутовых сумок, чтобы носить покупки домой. С другой стороны, оставшись без износившихся шелковых чулок, Люча тоже сильно страдала. Новая жизнь потребова-

ла от нее по-новому одеваться, причесываться, носить другую обувь, а у нее не было денег! Как не было их и у человека, от которого она теперь полностью зависела.

Нет, выходя замуж, она знала, что ее избранник молод, небогат и толком не устроен — его карьера телеграфного служащего только-только начиналась. Но ей и в голову не приходило, какое огромное значение все это имеет в реальной жизни. Ей так не терпелось лишиться девственности — и вот теперь пришло время рассчитываться за это, навсегда забыв жизнь изнеженной, избалованной девочки. Она осталась без ежедневного, ежечасного внимания матери, братьев, сестер и няни, а главное, без материальной поддержки отца. Приходилось все делать самой: разжигать плиту по утрам, готовить на огне, стирать вручную, выбивать и вытирать пыль, учиться обходиться без духов и зубной пасты «Colgate», да еще стараться делать все это так, чтобы Хубило не замечал ее недовольства. Он вовсе не заслуживал лишних неприятностей. Он всегда был предельно добр и ласков с женой и старался дать ей все, что мог, и пусть это «все» было весьма скромным, отдавал он от всего сердца. Люча не могла не признать, что он изо всех сил старался сделать ее

счастливой и что рядом с ним она не скучала ни по дому, ни по друзьям, ни по семейным праздникам, ни даже по пластинкам и радио. Но — стоило ему уйти, и она начинала плакать, причем слезы могли покатиться у нее из глаз в самый неподходящий момент, даже тогда, когда нужно было пересчитать деньги, выделенные на очередной ежедневный обход продуктовых лавок. Перед выходом из дому ей нужно было просчитать расходы на все предстоящие покупки до сентаво, да еще и постараться по возможности сэкономить. Покупки и приготовление пищи стали для нее невольным способом тренировки фантазии: каждый день она решала для себя задачу, как приготовить полноценный обед из наименьшего количества продуктов. Купив необходимое, она шла домой, продумывая, как лучше использовать уже имеющийся набор продуктов, и ни на секунду не прекращая мечтать о том дне, когда все эти проблемы навсегда уйдут из ее жизни.

В то утро, когда Хубило вернулся из таверны с большим выигрышем, она было решила, что этот день настал. Ей взбрело в голову взять да и потратить все деньги сразу. Хубило воспротивился такому безрассудству, и это стало поводом для их первой серьезной ссоры. Люча в сердцах заявила

ему, что он даже не отдает себе отчета, без скольких нужных вещей ей приходится обходиться. На что Хубило возразил, что, именно осознавая это, он и решил не тратить деньги, а продолжать копить их, чтобы как можно скорее купить приличный дом где-нибудь по соседству с домом родителей Лючи, чтобы она не так скучала по привычной жизни. Она видела скорое решение проблемы, он же считал его не столь быстрым. Она жаждала скорейшего, пусть даже временного облегчения, он, в свою очередь, был намерен со временем решить проблему раз и навсегда. В конце концов было найдено некое подобие компромисса: Хубило разрешил Люче купить себе кое-что из белья и одежды, а она обязалась не трогать до поры до времени оставшиеся деньги.

Возможность купить себе хоть что-то привела Лючу в восторг. Она смело могла сказать, что приобретение плаща-дождевика буквально изменило ее жизнь. Она наконец обзавелась столь полезной и по-своему элегантной вещью, ставшей с тех пор непременной составной частью ее гардероба.

Люча гордо шла по улице, затянув на шее застежку новенькой накидки. Со дня свадьбы она впервые отправилась не за насущными покупка-

ми — на рынок или по продуктовым лавкам, — а просто решила пройтись по магазинам! Невероятно гордая и довольная собой, она уже по пути домой заглянула в угловой магазинчик, чтобы купить свечек — про запас. На прилавке стояли две вазы: с маринованным перцем-чиле и с острыми оливками. Запах маринада стоял в воздухе, отчего у Лючи в буквальном смысле потекли слюнки. Вот уже несколько месяцев она была вынуждена обходиться без острых закусок, и пройти мимо них сегодня было выше ее сил. Она попросила взвесить ей граммов сто оливок, но, открыв кошелек, обнаружила, что деньги, взятые с собой, почти закончились. На свечи у нее еще хватало, но на оливки — уже нет. Она стала лихорадочно пересчитывать монеты по одному-два сентаво, надеясь с помощью выуженной со дна кошелька мелочи выйти из неприятного положения, и надо же было такому случиться, что именно в этот момент в магазин зашел дон Педро, от цепкого взгляда которого, разумеется, этот конфуз ускользнуть не мог. Он не раздумывая достал из кармана несколько монет — примерно столько, сколько недоставало Люче, — и положил деньги на прилавок, при этом по возможности любезно прибавив:

— Разрешите мне… с вашего позволения…

Люча обернулась, и ее взгляд словно споткнулся об это злобное лицо, которое, даже с натянутой на него улыбкой, никак нельзя было назвать приветливым. И принадлежала эта физиономия не кому иному, как человеку, которого Хубило накануне обыграл на такую крупную сумму! Люча вежливо, но твердо отодвинула монеты и возразила:

— Нет, ни в коем случае. Очень любезно с вашей стороны, но в этом нет никакой необходимости. Я сейчас схожу домой и доплачу недостающую сумму.

— Такая очаровательная женщина не заслуживает столь печальной участи: я имею в виду лишнюю прогулку под дождем. Я прошу вас, примите эту ничтожную помощь в знак моего к вам уважения.

— Я повторяю: премного вам благодарна, но я в помощи не нуждаюсь. Мне не трудно снова зайти сюда, тем более что для этого мне даже не придется мокнуть под дождем. Я пользуюсь машиной и не хожу пешком.

— В любом случае, мне кажется неразумным ездить сюда дважды из-за такой ерунды. Прошу вас, не обижайте меня: три сентаво — слишком

смешные деньги, чтобы вообще задумываться о них. Предоставьте мне эту скромную возможность быть вам хоть чем-то полезным.

С этими словами дон Педро взял Лючу за руку и запечатлел на ней легкий учтивый поцелуй, явно давая понять, что считает дискуссию законченной.

Люча не знала, как поступить. Ей за версту было понятно, что этот человек не привык к тому, чтобы ему в чем-то отказывали. Проще было уступить, чем пытаться его переспорить. В конце концов, речь шла о сущем пустяке, а аромат оливок уже изрядно пробудил в ней чувство голода; в общем, подумав, она решила поступить так: сухо поблагодарив назойливого «благодетеля», она забрала покупки и, не оглядываясь, вышла из магазина. При этом ее не покидало ощущение, будто она делает что-то плохое. Больше всего ей не понравилась довольная улыбка, расплывшаяся на лице дона Педро, когда она все-таки соизволила взять у него деньги. Люча никак не могла понять, в чем дело и почему такая, в общем-то, ерунда никак не дает ей покоя. Она и не подозревала, что дон Педро безошибочно нащупал ахиллесову пяту Хубило и нанес первый ответный удар в это уязвимое место.

Маслины «пошли» не так хорошо, как того ожидала Люча. В животе у нее что-то бурлило, сжималось и дрожало. С одной стороны, ее давило сознание только что проявленной слабости. С другой — в противоречие вступало удовольствие от возможности позволить себе пусть крохотную, но все-таки роскошь — покупку не чего-нибудь необходимого, но очень-очень вкусного. Разумеется, эти два чувства не могли мирно соседствовать в ее душе. Что в ней происходило — этого Люча точно сказать бы не смогла. Ей было стыдно, словно она каким-то образом подвела Хубило, словно лично распахнула двери собственного дома перед самим Люцифером, словно теперь они с Хубило оказались по ее вине перед лицом неизвестной, но очень серьезной опасности. Это походило на некое предчувствие, которое заставляло ее нервничать, беспокоиться и даже подкатывало тошнотой к горлу. Чем-то это напоминало то чувство, которое она испытала в миг знакомства с Хубило, но… нет же, тогда все было иначе. Тогда этот комок в горле, поднимающийся куда-то вверх, был даже приятен, а дрожь, вызванная им, скорее походила на какое-то редкостное удовольствие. Чем-то это напоминало гул, которым отвечает большой

барабан на легкое к нему прикосновение. Разница заключалась в том, что тогда ее внутренняя вибрация входила в резонанс с энергией, исходившей от Хубило, а сейчас — звучала в унисон с чем-то темным, грубым, отвергаемым всем ее существом, но готовым неожиданно обдать ее волной раздражения, заставить «резонировать» со злобой, подключиться напрямую к некоему черному солнцу, излучающему темный свет.

Люча ощутила, как наваливается на нее эта неведомая прежде сила, как проникает к ней в душу. Ей никак не удавалось избавиться от брезгливого воспоминания о прикосновении липких губ дона Педро к ее руке. Кроме того, этот внешне учтивый поцелуй был воплощением греховности. Люче казалось, что, позволив дону Педро такое, она раз и навсегда потеряла чистоту и невинность. Забыть, стать такой, как прежде, — это, по ее мнению, стало невозможным.

Пытаясь успокоить саму себя, она отправилась на телеграф. Ей хотелось скорее услышать голос Хубило, его звонкий смех. Ей хотелось очиститься, освободиться от налипшей на нее грязи, и произойти это могло только рядом с мужем. Когда он был близко, все становилось светлее и чище.

Неожиданный визит Лючи привел Хубило в

восторг. Его улыбка заставила ее на миг забыть обо всех неприятностях. Глаза Хубило сверкали так, что в долю секунды достигли того же, что и солнечные лучи, которые Люча часами ловила в саду у себя дома, желая очистить душу. Она мигом снова ощутила себя прежней — чистой, светлой, легкой и невинной. Хубило попросил ее подождать, пока он закончит обслуживать «вон ту сеньору»; до обеденного перерыва оставались считанные минуты, и ему захотелось съездить домой вместе с нею. Люча с радостью согласилась и отошла подальше от стойки, чтобы не мешать мужу работать.

«Сеньора» оказалась торговкой с рынка, попавшей точь-в-точь в такую же ситуацию, в которой некоторое время назад оказалась Люча. У нее не хватало денег на телеграмму, которую нужно было отправить как можно скорее. У Лючи на глаза навернулись слезы, и, чтобы Хубило этого не заметил, она отвернулась и стала смотреть в окно.

По правде говоря, эта предосторожность была излишней. Хубило был настолько поглощен своей работой, так стремился помочь посетительнице, что вряд ли замечал вокруг себя что-либо, кроме очередного бланка, который та безнадежно пыталась заполнить нужными словами. Пораз-

мыслив, он предложил женщине свою помощь в составлении краткого по возможности текста, который передал бы суть проблемы и при этом не выходил бы за пределы имевшейся у нее суммы. Изначально в телеграмме говорилось: «Знаю, что уже должна Вам денег и не смогла вовремя заплатить долг. Но все равно мне очень нужны десять ящиков помидоров. Умоляю Вас выслать их. Как только продам, рассчитаюсь за весь долг».

После вмешательства Хубило послание приняло следующую форму: «Заключила отличную сделку. Продав десять ящиков помидоров, верну долг. Срочно высылайте, жду».

Сократив текст таким образом втрое, Хубило не только сэкономил женщине деньги на телеграмму, исправил ошибки, но и сделал куда Гюлее вероятным благоприятный для отправительницы исход дела. Скорее всего, получив такую телеграмму, ее кредитор отправил бы ей требуемый груз.

Плохо было другое: за то время, что Люча была предоставлена самой себе, она, погрузившись в свои мысли, снова стала изводить себя воспоминаниями о том, что произошло в магазине. И опять выходило, что виной всем неприятностям в жизни — отсутствие денег. Будь у нее с собой

достаточно наличных — и она ни за что не оказалась бы в такой ситуации, в которой пришлось принять помощь от дона Педро.

Другим подтверждением того, что корень всех бед кроется в финансовом неблагополучии, служил пример несчастной посетительницы телеграфа, оказавшейся в еще более сложном положении, чем Люча, — она действительно попала в зависимость от своих кредиторов. Люче было не по душе ощущение собственной беззащитности и уязвимости. Ее пугала перспектива оставаться зависимой от человека бедного, недостаточно обеспеченного.

Окружавший ее мир был создан для богатых, бедным в нем нечего было делать. Ей вдруг стало понятно, почему произошла Мексиканская революция. Быть бедным — страшно. А она, если бы не необходимость ездить вместе с мужем по всей стране, никогда бы и не узнала, в какой бедности, в каких чудовищных условиях живут десятки и сотни тысяч мексиканцев. Люча лучше знала Европу, чем родную страну, и самым горьким для нее открытием стала нищета, в которой живет большинство ее соотечественников. Чтобы в доме была тарелка супа — нужны деньги. Чтобы земля давала урожай — нужны деньги. Чтобы

переехать из одного места в другое — деньги. Построить дом — тоже деньги. Деньги нужны на все: чтобы поставить телеграфные столбы, чтобы иметь возможность связываться с дорогими тебе людьми. И когда женщина оказывается в зависимости от другого человека, от того, сколько он зарабатывает или сколько выделяет ей этих самых денег, ее право на принятие решений оказывается изрядно урезанным.

Тот, у кого есть деньги, может заплатить. Те, у кого они есть, решают, что, когда и сколько будет есть крестьянин. Какой сорт кукурузы ему сеять. Да что там! Даже то, в котором часу кукарекать петухам! Люче казалось несправедливостью то, что за телеграмму нужно платить, что кто-то ставит условия и ограничения тем, кому надо связаться друг с другом, что от наличия или отсутствия денег зависит, будет ли доступно человеку это средство связи, которое, по идее, должно принадлежать всем и каждому. Все это мучило и даже злило Лючу, которая не привыкла к тому, чтобы кто-то или что-то ограничивали ее желания и диктовали, как ей вести себя, как поступать. Единственное, что могло ее на время утешить, это то, что Хубило наконец закончил возиться с телеграммой и был готов отправиться

домой.

Близость Хубило тотчас же убаюкала Лючу. Рядом с ним все проблемы казались пустяками, никакое препятствие не выглядело непреодолимым. Этот редкий дар был в полной мере присущ мужу Лючи. Отсутствие денег тотчас отошло на второй план. Ей не нужны были деньги, чтобы погладить мужа по руке, посмотреть ему в глаза, страстно поцеловать его, ощутить его эрекцию. Не успев войти в дом, они бросились в спальню и предались любви как безумные. Люча испытала какое-то новое, невероятно сильное удовольствие от того, как пенис Хубило входил в нее; тем большим было ее удивление, когда Хубило неожиданно отстранился и произнес:

— Ты… ты какая-то другая… Люча, я чувствую, что ты не такая… не такая, как раньше.

Сердце Лючи чуть не остановилось. Ее страшная, позорная тайна была открыта! Ей показалось, что Хубило каким-то непостижимым образом уже узнал о злосчастных трех сентаво дона Педро. Она отвела взгляд и срочно стала искать подходящие извинения. Через несколько секунд ей удалось выдавить из себя лишь бессмысленные уточняющие вопросы:

— Не такая, говоришь… А какая? Какая — дру-

гая?

Хубило не ответил, но зачем-то положил ладонь ей на живот… Передвинул ладонь чуть выше, затем ниже, прижал немного плотнее… и вдруг расхохотался на всю комнату:

— Да ты же беременна! Люча, любимая, у нас будет ребенок!

Он осыпал ее поцелуями. Люча была поражена. Да, у нее действительно случилась задержка — несколько дней, меньше недели, но срок был еще такой небольшой, что она даже не подумала всерьез о такой возможности.

— А ты откуда знаешь?

— Я чувствую. Не знаю, как тебе это объяснить. Ты излучаешь совсем другую энергию.

Люча впервые слышала от него такие слова. Она, конечно, знала, что у Хубило особенно чувствительные руки, но чтобы настолько… Тем не менее она с готовностью поверила ему. В общем-то, ничего такого уж сверхъестественного в этом не было. Если разобраться, врачи ведь ставят диагнозы, приложив одну руку к телу пациента и легко постукивая по ней другой. По тому, как отзывается на стук тот или иной орган человеческого тела, можно определить, в каком из них обосновалась болезнь. Так что не было ничего

удивительного, что Хубило сумел прочувствовать малейшие изменения в том, как вибрировали, как отзывались на его прикосновения ее детородные органы.

Но не только это подтолкнуло Лючу к скорейшему согласию с Хубило. Ну конечно, она беременна! Никаких сомнений! И это, только лишь это было причиной тошноты и головокружения, которые навалились на нее, когда дон Педро поцеловал ей руку. В таком свете все выглядело по-иному, обретало другой смысл. Если поразмыслить спокойно, то и ничего зазорного в ее поведении не было. Каприз беременной женщины — острые маринованные оливки, ее же слабость — позволить постороннему мужчине добавить какую-то мелочь, которой у нее не оказалось с собой! Просто пустяк, не более того. И нечего переживать и мучиться из-за такого пустяка: волнение матери может плохо отразиться на будущем ребенке. Еще, чего доброго, родится какой-нибудь… не такой…

Со слезами на глазах она обняла Хубило, вместе они отпраздновали это событие — еще не зная о том, что несчастье, злая судьба уже выбрали их себе в жертву.

V

Дон Хубило проснулся, задыхаясь. В последние дни его мучил один и тот же кошмар: он плыл под водой, где-то в глубине моря, и, хотя никакого водолазного костюма на нем не было, дышал он в воде легко и спокойно. Движения его были плавными и неторопливыми, вода — приятно теплой; несколько разноцветных рыбок сопровождали его в этом плавании. Неяркого, рассеянного света было тем не менее вполне достаточно, чтобы видеть все вокруг. Неожиданно до его слуха начинали доноситься какие-то голоса, затем чей-то смех. Эти звуки шли сверху, с поверхности моря. Хубило поднимал голову и видел над собой яркие солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь толщу воды и заставлявшие ее играть всеми цветами радуги. В этот миг, без какой бы то ни было видимой причины, он узнавал это море. Именно то море, в котором он когда-то учился плавать. Он прекрасно понимал, что вот эта самая вода, эти самые волны плескались у берега, где стоял дом его родителей.

Хубило это знал, как знал и то, что голоса, издали доносившиеся до него, принадлежат бабушке

Итцель, донье Хесусе — его маме, дону Либрадо — его отцу. Хубило хотелось оказаться рядом с ними, разделить их разговор, смех, веселье. Он делал попытку всплыть, чтобы выйти из воды, но обнаруживал, что ноги его ушли в песок, который крепко удерживает их, не давая ему сдвинуться с места, несмотря на все усилия. Хубило начинал кричать, но его никто не слышал. Звуки вырывались из его горла пузырьками воздуха, но, поднявшись на поверхность, они лопались в полном безмолвии. Отчаяние охватывало его, он кричал все сильнее, но все так же безрезультатно. Вода заливала ему легкие, он начинал задыхаться, но никто ничего не слышал и не мог прийти к нему на помощь.

К счастью, на этот раз его вовремя разбудила Льювия[5], его дочь.

— Папа, к тебе гости, твои друзья. Что случилось? Дурной сон?

Дон Хубило лишь кивнул в ответ. Вот уже почти месяц, как он практически не говорил. Ему приходилось прикладывать невероятные усилия, чтобы издать несколько слабых звуков, которые, увы, частенько были непонятны для тех, кто

---

[5] Примечания: 5

Льювия (lluvia) — дождь (*исп.*). Также редкое женское имя.

пытался его слушать.

Стараясь найти способ исправить такое положение, Льювия вспомнила об эксперименте дона Чучо с парой ложек и тотчас же приступила к поискам телеграфного аппарата. Первым делом она, разумеется, зашла на ближайшую почту, но, услышав ее вопрос, служащие, отвечавшие за прием и отправку телеграмм, чуть не рассмеялись.

Оказалось, что телеграф как таковой в его изначальном виде уже давно нигде не используется. Где можно найти такой аппарат — никто не знал и не мог подсказать. После нескольких неудачных походов на Лагунилья — блошиный рынок — Льювия решила поискать нужную ей вещь в магазинах, торгующих антиквариатом. Поиски оказались нелегкими, ей даже пришлось перенести их из столицы в другие города. Наконец старый телеграфный аппарат был найден.

Первым порывом Льювии было сразу же отдать его отцу, но она заставила себя удержаться от такого рискованного шага. Отца нельзя было волновать попусту. Получив в руки телеграфный ключ, дон Хубило немедленно начнет отстукивать свои сообщения, которые, к его ужасу, никто не сможет расшифровать. Дети Льювии подска-

зали ей, что существует специальная программа, позволяющая вводить информацию в компьютер не с обычной клавиатуры, а при помощи азбуки Морзе. Практически одновременно программа расшифровывала эти точки-тире, переводя их в привычный текст, высвечивающийся на экране монитора. Таким образом любой человек мог бы прочесть то, что «говорил» дон Хубило. Льювии это приспособление показалось просто чудом. Но в силу своей редкости и ограниченности применения оно не поступало в свободную продажу. Пришлось заказывать его у специализированной фирмы и три недели ждать изготовления и доставки по почте. Чтобы не терять времени, Льювия решила сама заняться освоением телеграфного мастерства или, по крайней мере, пройти базовый курс обучения, который позволил бы ей понять первые «слова» отца без помощи компьютера. Первым делом она обратилась за помощью к дону Чучо, другу детства ее отца. К сожалению, тот большую часть времени проводил в больнице у жены, страдавшей закупоркой сосудов головного мозга. Чучо посоветовал ей обратиться к Рейесу, коллеге Хубило по работе. Тот с удовольствием согласился поучить Льювию азбуке Морзе. Медсестра Аврорита, не

желавшая отставать от Льювии, присоединилась к занятиям. Она ухаживала за доном Хубило уже достаточно долгое время, и между нею и ее пациентом давно установились особые близкодружественные отношения. С годами Хубило стал для нее лучшим другом, благодаря его советам Аврорита сумела преодолеть кризис в своей личной жизни, научилась смеяться над жизненными трудностями и видеть мир с его лучшей стороны. Она была так благодарна дону Хубило, что сделала бы все возможное, лишь бы лишний раз выразить ему свое нежное отношение и сочувствие. Аврорита отнеслась к занятиям с таким же интересом и прилежанием, с каким она читала своему подопечному вслух, вывозила на прогулку, делала массаж или кормила с ложечки.

Третьей ученицей в группе стала Наталия, ночная сиделка, нянечка, которую все ласково звали Нати и у которой, как и у Аврориты, установились с доном Хубило настолько теплые и близкие отношения, что Льювия порой просыпалась посреди ночи от смеха, разносившегося по дому из комнаты отца. И это несмотря на то, что двери в ее спальню, как и в отцовскую, всегда были закрыты. Шутки дона Хубило рождались в любое время суток, а звонкий смех Нати встречал их в

любой час с неизменным энтузиазмом. Сиделка была лучшим товарищем в бессонные ночи. У нее было отменное чувство юмора и при этом уникальная способность проявлять нежность. Эта невысокая полноватая женщина приняла дона Хубило, как принимают в семью ребенка. Она меняла ему белье и простыни, купала его, помогала одеться и раздеться, баюкала, мурлыкая его любимые болеро[6] и по-матерински гладя по голове.

Нати и Аврорита стали важнейшими участницами трио «девочек» дона Хубило. Им так недоставало его шуток, баек, советов! Голосовые связки дона Хубило превратились в твердые прутья решетки под воздействием лекарств, призванных облегчить болезнь Паркинсона. Эта решетка заключила в суровую тюрьму жившие в Хубило слова и мысли. И Льювия, равно как и Нати с Авроритой, с нетерпением ожидали, когда же наконец вырвутся на свободу эти слова, комом стоявшие в горле Хубило.

Телеграф представлялся им неким великим спасителем, освободителем и — вновь, впервые после окончания его славной истории, — со-

[6] Примечания: 6

Народный музыкальный жанр в Испании и Латинской Америке, включающий в себя слова, положенные на мелодию, и танец.

единителем душ и чувств. Льювия, до сего дня сопротивлявшаяся разным новшествам в быту, теперь готова была боготворить науку и технику за то, что те предлагали ей способ снова дать отцу возможность общаться с миром. Самой серьезной проблемой оказалось то, что Льювия принадлежала к поколению, мало знакомому с компьютером. Ее дети спокойно пользовались им, она — нет. Ей исполнился пятьдесят один год, она старалась поддерживать себя в форме и была достаточно энергична. Считать себя старой для чего-либо ей не пришло бы в голову, но вот что касается компьютера… Льювия обнаружила, что принадлежит к поколению *on/off*[7], которое умеет только включать и выключать механизмы, нажимая одну-две клавиши, но никак не общаться с интеллектуальной машиной. Пожалуй, этот порог был единственной неразрешимой проблемой в ее отношениях с новым поколением.

Льювия не без труда освоила видеомагнитофон, и то пользовалась им лишь на самом примитивном уровне. Она могла поставить кассету и посмотреть какой-нибудь фильм, но, например, запрограммировать аппарат на прием и запись

---

[7] Примечания: 7
Вкл./выкл. (*англ.*)

нужной ей передачи — куда там, об этом не шло и речи. В инструкциях по пользованию она не понимала абсолютно ничего. Ей казалось, что для того, чтобы разбираться в этой китайской грамоте, нужен как минимум диплом Гарвардского университета. Поэтому, купив тот или иной электронный аппарат, она, чтобы не усложнять понапрасну себе жизнь, просила детей объяснить, как им пользоваться, а инструкцию запихивала куда-нибудь в нижний ящик стола. И вот ей потребовалось освоить не что-нибудь, а настоящий компьютер. Она готова была сойти с ума — ей не было понятно ни-че-го!

«Ввести» и «вывести» информацию? Что за чушь такая?! Куда ее вводить и откуда она выводится? И где, кстати, все это добро хранится? Создать файл и сохранить его — а где он на самом деле будет лежать и не потеряется ли? Перла, ее дочь, взяла на себя труд научить маму пользоваться Интернетом. Ей удалось заинтересовать и порадовать Льювию образным сравнением этой диковины со всемирной сетью или паутиной пользователей. Льювии очень понравилось, что через Интернет можно ощутить себя подключенной ко всему миру.

С дилетантской точки зрения Льювии, Ин-

тернет представлялся небесполезной и уж совершенно точно — абсолютно безопасной игрушкой. Само собой, ни Перла, ни Федерико не стали рассказывать ей о том, как неонацисты используют электронную связь для координации своих преступных действий, или о том, что при помощи нескольких нажатий на клавишу любой человек может получить сведения, достаточные для того, чтобы собрать и привести в действие атомную бомбу. Смысла пугать маму не было, а что касается любого достижения цивилизации, так всегда найдется кто-то, кому по душе использовать его отнюдь не в гуманных целях. Маме же и без того хватало проблем: одновременно с компьютером она узнала азбуку Морзе.

Если уж Льювии приходилось нелегко, то что говорить о бедных Нати и Аврорите! Они к компьютеру в жизни близко не подходили и, впервые прикоснувшись к клавиатуре, почувствовали себя, наверное, так же, как первый человек, шагнувший на поверхность Луны. Тем не менее привязанность к дону Хубило оказалась сильнее всех препятствий, и Льювии оставалось только удивляться способностям к обучению, открывшимся у обеих женщин. Перла с удовольствием занималась с ними, как с малыми детьми, и не

переставала напоминать о том, что не следовало бы им так утруждать себя. Но им было не до того: научи их пользоваться компьютером — и все тут! Изучение азбуки Морзе Перле казалось и вовсе делом излишним. К чему дополнительные мучения, если компьютер прекрасно переведет то, что дедушка настучит своим телеграфом? Но «девочки» дона Хубило отметали все сомнения вполне резонным доводом, что, мол, делают это на тот случай, если компьютер вдруг сломается или в доме отключат электричество. Обе они вовсе не желали попадать в излишнюю зависимость от техники.

Шли дни напряженных тренировок. Занятия решено было проводить по вечерам, когда освобождалась Аврорита. Все ждали, пока дон Хубило закончит полдник и уснет. После этого начинался урок. Дон Хубило спал на больничной кровати с металлическими перекладинами по бокам. Эти перекладины, с одной стороны, не позволили бы больному случайно упасть, а с другой — изрядно облегчали ему задачу изменить положение тела. К одной из этих штуковин Льювия прикрепила маленький передатчик с микрофоном, который обычно использовался в тех случаях, когда у нее оставался ночевать маленький внук. Ребенок

ложился спать, а бабушка, оставаясь в другой комнате, могла слышать все, что происходит около детской кроватки. Что старый, что малый — теперь дон Хубило находился под наблюдением, словно младенец. Впрочем, обычно он спал спокойно, и пары часов его предвечернего сна вполне хватало для урока.

Дополнительное очарование этим занятиям придавал музыкальный фон, так как дон Хубило имел обыкновение включать радио, чтобы скорее заснуть. Его любимой станцией была та, что находилась на частоте 790 и передавала в основном музыку прошлых лет. В программу включались лучшие романтические болеро разных времен, которые через передатчик на кровати доносились до соседней комнаты, приспособленной под «школу телеграфисток». Так у Льювии выработался своего рода условный рефлекс: стоило ей услышать музыку, как пальцы тотчас же начинали искать ключ, чтобы немедленно передавать сообщение.

Для того чтобы стать хорошим телеграфистом, прежде всего нужна хорошая память. Слова передаются линейно, буква за буквой, и эту последовательность точек и тире следовало запомнить с первого раза, чтобы составить из них

слово. Затем его тотчас же нужно было записать на бумаге, а передача сообщения между тем не прекращалась. Таким образом, одновременно надо было, с одной стороны, записывать только что расшифрованное, а с другой — слушать, запоминать и продолжать расшифровывать все новые и новые слова. Делом это оказалось непривычным и далеко не простым. К тому же после достаточно длительного сеанса перевода звуков в письменную речь начинали сильно болеть уши.

О человеке можно сказать, что у него хороший телеграфный «почерк», если в его исполнении знаки звучат четко и хорошо различимы, а значит, легко воспринимаются на слух. Но есть и те, у кого «почерк» неровный, их точки тянутся почти так же долго, как тире, и понимать сообщения таких телеграфистов куда сложнее. Во второй категории безоговорочно оказались как Льювия, так и Аврорита с Нати. «Хороший почерк» был только у Рейеса, что, впрочем, и неудивительно: как-никак тот сорок лет проработал на телеграфе и даже после многолетнего перерыва восстановил навык за каких-то несколько часов занятий. В отличие от него, «девочки» дона Хубило с трудом осваивали это ремесло: то у них точки сливались с тире в одну непрерывную линию, то они путали

группы знаков на приеме, а значит, записывали не те буквы, никак не желавшие складываться в слова. В общем, ученицы они были, говоря начистоту, не самые способные, но зато отменно прилежные.

Чтобы по-настоящему освоить эту профессию, им потребовались бы еще долгие недели, если не месяцы и годы занятий. Но за первые три недели они наловчились принимать сообщения хотя бы в той мере, чтобы понять первые слова дона Хубило.

Настал знаменательный день. Льювия пригласила Рейеса и Чучо — присутствовать при столь важном событии. Еще была приглашена Лолита, их общая давняя подруга, проработавшая всю жизнь секретарем в Центральном управлении телеграфа.

Все собрались минута в минуту. Гостей уже ждали Льювия, Перла с Федерико, а также Аврорита и Нати. Дон Хубило ни о чем не подозревал, но, узнав о приходе дона Чучо, стал догадываться, что должно произойти какое-то важное событие: иначе чего ради тому приходить сюда, а не сидеть в больнице рядом с тяжелобольной женой. Но, само собой, ему и в голову не могло прийти, какой подарок приготовили для него друзья и

родные. Когда внучка Перла установила у него на коленях компьютер-ноутбук и телеграфный аппарат, лицо дона Хубило просияло. Никто из видевших его в тот миг никогда не забудет улыбку, осветившую его лицо, когда пальцы слепого старика ощупали и мгновенно узнали телеграфный ключ. Что-либо долго объяснять не было необходимости. Хубило сразу понял, для чего ему принесли эту штуковину, и не заставил себя долго упрашивать. Чуть робко, но все же достаточно твердо он отстучал свое первое после многолетнего перерыва послание:

— Спасибо тебе, дочка. Я так люблю тебя.

У Льювии на глаза навернулись слезы, и она, боясь разрыдаться, положила руку на ключ, чтобы отстучать в ответ:

— Я тебя тоже очень люблю.

Дон Хубило широко открыл невидящие глаза. Как это? Его дочь знает азбуку Морзе? Вот это сюрприз так сюрприз! А в довершение всего выяснилось, что и обе его «девочки» тоже владеют этим волшебным ключом! Аврорита с Нати попросили слова и по очереди тоже засвидетельствовали азбукой Морзе свою любовь к дону Хубило. Своеобразный, ни на что не похожий звук телеграфного аппарата буквально прорвал

плотину, не позволявшую красноречию дона Хубило излиться в мир. Момент был очень волнующим. Лолита вспомнила слезы, пролитые в день официальных похорон старого телеграфа в 1992 году. Она присутствовала на церемонии, прекратившей навсегда использование этого «чуда техники» в системе государственной связи. Телеграфист, которому выпала честь отстучать последнюю телеграмму в зале Центрального телеграфа, позволил себе добавить motu proprio[8]: «Прощай, мой Морзе, прощай навсегда». И если тогда слезы Лолиты были слезами печали, то теперь она проливала их от радости. Слезами телеграф провожали, слезами же приветствовали его возвращение.

Федерико, который полагал, что так хорошо, как он, дедушку не знает никто, вспомнил, что дон Хубило не любил демонстрировать на людях свои эмоции. Увидев слезы в глазах деда, Федерико решил нарушить сентиментальность момента, прочитав короткую, но содержательную лекцию о принципах работы программы-переводчика. Отношения Федерико и дона Хубило действительно были очень теплыми. Дедушка вообще

[8] Примечания: 8

Motu proprio — букв.: «собственным движением»; от себя, по своему решению (*лат.*).

считал детей Льювии своими лучшими, самыми любимыми и близкими внуками. К сожалению, отношения с тремя сыновьями Рауля у него складывались неровно и напряженно.

Рауль еще в молодости уехал работать за границу, и повелось так, что в Мексику он приезжал только в отпуск или вместе с детьми — на каникулы. А в последнее время и эти визиты стали совсем редкими. Ребята выросли, обзавелись собственными женами и детьми и уже — увы — не так часто приезжали навестить своих мексиканских родственников. Общение с этой ветвью семьи Хубило поддерживал только по почте да изредка по телефону. Зато что касается детей Льювии — он видел, как они появились на свет, помогал им учиться ходить, до изнеможения играл с ними, сажал их на велосипед, учил запускать волчок и сбивать кегли, а с тех пор, как Льювия развелась с мужем, во многом заменил им отца. Этот отец был на редкость мудрым, понимающим и безмерно любящим. Он помог им преодолеть подростковый возраст и достойно ступить в юность, научил водить машину и даже разрешил брать ее, когда им уж очень нужно было куда-нибудь съездить. А еще — он никогда не давал советов, пока его не просили об этом, и

как никто другой умел с уважением отнестись к образу жизни и манере поведения своих внуков. Учитывая такой опыт сосуществования, нет причин удивляться тому, как Перла и Федерико обожали дедушку и как переживали, когда болезнь свалила его с ног.

Дон Хубило внимательно слушал рассказ внука о компьютере и особой программе — переводчике азбуки Морзе в привычные слова, а сам тем временем ласково поглаживал чуть вздрагивающими руками телеграфный аппарат — словно ему на колени положили самую большую драгоценность за всю его жизнь. Когда Федерико закончил объяснения, дон Хубило снова взял слово и отстучал:

— Эта штуковина дарит мне целый мир новых возможностей. Спасибо вам всем огромное!

— Не стоит благодарности, старина. Зря ты так расчувствовался. На самом деле мы просто придумали способ побыстрее «отбить» деньги, вложенные в это дело Льювией. Держись, скоро мы тебя вытащим куда-нибудь на площадь Санто-Доминго, будешь сидеть себе да подрабатывать писцом. Тебе будут надиктовывать тексты, а кто не сможет выразить свою мысль, так ты уж за него додумаешь…

Льювия давно не слышала, чтобы ее отец так легко и искренне смеялся.

Идею тем временем подхватили и стали развивать:

— Льювия, разве ты не знаешь, что твой папа, когда было худо с деньгами…

Дон Хубило застучал ключом, вступая в разговор:

— …Что значит — постоянно…

— …Нет, серьезно! Он в свое время подрабатывал на Санто-Доминго, сочиняя любовные письма. И знаешь, каким успехом пользовались его услуги!

— Да вот только, как говорится, что пользуется спросом, то рано или поздно ломается. В те времена я еще мог говорить и самостоятельно передвигаться…

— Может быть, ты ничего и не видишь, но своего не упустишь. Что схватил, то у тебя уже не вырвешь. Смотри-ка, как вцепился в аппарат, да и стучишь ловко.

Все рассмеялись и удивились тому, насколько быстро и точно пользовался ключом Хубило, несмотря на долгие годы перерыва. Присмотревшись профессиональным взглядом к его движениям, Рейес сказал:

— Нет, старина, ты молодец. Даже я не смог бы так ловко управиться с этой штуковиной.

— Эй, в каком это смысле — «даже я»? Ты что, считаешь себя более классным телеграфистом, чем я?

— Ладно тебе, Хубиан, оставь его в покое. Видишь, какой он важный стал? А все почему? Потому что он, видите ли, принимает меньше таблеток, чем любой из нас.

— Ничего подобного! Ты, Чучо, вообще здоров как бык, наверное, и не знаешь, что такое лекарства.

— Кто — я? Да ты что! Я их принимаю от давления, для пищеварения, от сердца и от астмы!

— Ну вот, а я по шесть штук глотаю. На две больше, чем ты!

— А ну кончай спорить, ребята! А не то я вас, как раньше, выставлю отсюда в шею.

— Ты посмотри на этого лежачего больного! Вот разошелся-то. Ладно, старина, я у тебя в долгу: познакомил с девочкой — на твою голову. Такая кого хочешь в могилу сведет.

Льювия, Перла, Федерико, Аврорита и Нати радовались, видя, как смеются старые друзья. И пусть их познания азбуки Морзе пока были невелики, чтобы участвовать в таком разговоре

на равных, — прочитав фразы, появлявшиеся на экране компьютера, они с удовольствием смеялись над шутками стариков.

Льювия была в восторге, поняв, что отец действительно сможет теперь «говорить» — общаться, вспоминать разные истории из своей жизни. При помощи компьютера она, например, тотчас же узнала о том, как папа подшутил над Рейесом, чуть не доведя того до инфаркта.

В течение нескольких лет они были сменщиками по работе на телеграфном узле Мексиканской нефтяной компании. Дон Хубило дежурил днем, вечерняя же смена доставалась Рейесу. Работа там была не столько трудной, сколько тяготила одиночеством; Хубило очень скучал по друзьям из Главного управления. Здесь же ни поговорить было не с кем, ни анекдот рассказать… Вот они с Рейесом потихоньку и обзавелись собственной системой шуток и развлечений. Подшучивать друг над другом стало у них нормой, едва ли не правилом. Удачные и не очень, легкие и по-настоящему «черные», эти шутки помогали худо-бедно скрасить однообразие долгих часов, проводимых на рабочем месте.

На этот приемный пункт стекалась информация, поступавшая с разных нефтяных вышек

со всех месторождений. Помещение было достаточно просторным, чтобы разместить в нем всю необходимую аппаратуру для приема радиосигналов. При этом было там очень холодно. Работали в этом «холодильнике» только Хубило с Рейесом. Зимой Рейес приспосабливал какой-то электрообогреватель, чтобы хоть немного поднять температуру возле своего рабочего места. Нельзя при этом забывать и о том, что Хубило работал днем, когда помещение более-менее прогревалось солнцем, ему даже удавалось порой немного позагорать. Вечерами же, в смену Рейеса, об этом оставалось только мечтать.

Как-то раз, в декабре — а дело было как раз на неделе Посады[9], — Рейес пришел на работу, включил свой обогреватель, сел в кресло, поплотнее закутавшись в плед. Вскоре до его слуха донесся звук нескольких взрывов. Волосы у Рейеса встали дыбом. Он вскочил с места, не зная толком, что делать. Ему показалось, что один за другим повыходили из строя все приемники. Такой катастрофы даже инструкции не предусматривали. Когда же он, взяв себя в руки, попытался разобраться в случившемся, то обна-

[9] Примечания: 9
Народный праздник, приходится на 16–24 декабря.

ружил, что Хубило подложил на обогреватель упаковку петард, фитили которых, естественно, воспламенились, когда температура поднялась достаточно высоко.

Отомстил Рейес быстро — на следующий же день — и сурово. Он просто-напросто позвонил напарнику домой и осведомился у Лючи, не знает ли та, куда, мол, подевался Хубило, якобы вот уже неделю не показывавшийся на работе.

На этом месте рассказ был прерван взрывом общего хохота. Все прекрасно знали, какой фурией могла стать донья Люча, если заставить ее попусту беспокоиться. А если еще и не попусту… В общем, все живо представили себе, каково пришлось в тот день дону Хубило. Когда все отсмеялись и немного отдышались, Лолита вдруг начала вспоминать, как подшучивали друг над другом в Управлении.

— Помните, как кто-то забил гвоздем ящик стола Чучо, а он все пытался вытащить его, не понимая, что же могло случиться?

— А что вы скажете о том, чтобы обклеить копировальной бумагой телефонную трубку дона Педро? Ну, ту ее сторону, что к уху прикладывается…

Вдруг смех как-то стих, а Хубило и вовсе стал

совершенно серьезным. Лолита жестом показала, чтобы друзья поскорее сменили тему, и Рейес поспешил исправить положение:

— Да уж, не знаю, как мы на такое решились, — произнес он и вдруг, вспомнив подходящий случай, оживился: — А еще веселее было, когда я спрятался за колонной, у которой стоял стол Лол иты. На столе у нее, разумеется, было полно всяких бумаг; ну, я стою себе да тихонько так веером помахиваю. Она меня не видит, зато бумаги затрепетали да вдруг как полетят во все стороны. Лолита, само собой, все собрала, сложила аккуратно и не успела сесть, как ее бумажки опять разлетелись. Она их снова собрала, огляделась, подошла к окну, чтобы проверить, плотно ли оно закрыто, и вернулась к столу. А тут как раз опять ветерок подул…

— Да, старина, нашел над кем издеваться. Над Лолитой, скромной, серьезной девушкой. Она, наверное, очень расстроилась… Или нет, подожди-ка, только не говори, что ты тем самым пытался намекнуть ей на что-то…

Все опять рассмеялись. Все, кроме дона Хубило. Льювия не могла этого не заметить. Что-то случилось, у папы пропало настроение… Провожая Лолиту, она уже в дверях спросила:

— Скажите, а кто это такой — ваш дон Педро?

— Да так, один наш начальник, который очень уж был не по душе твоему отцу. Как, впрочем, и всем нам. Ну ладно, дочка пойду я, поздно уже, пока еще до дому доберусь…

Обычно Лолита, любившая поболтать, надолго застревала в прихожей перед тем, как окончательно попрощаться. Сразу было видно, каких трудов ей стоило отказаться от продолжения разговора, и эта ее решительность только больше заинтриговала Льювию. Если уж Лолита не хочет говорить про этого дона Педро, то вот тут-то, наверное, собака и зарыта. Но все расследования пока пришлось отложить — слишком уж много переживаний выпало в этот день. Сейчас ей больше всего нужно принять ванну и хорошенько отдохнуть.

Вода, ее любимая стихия, оказывала на Льювию магическое действие. Она мгновенно успокаивала ее. Погрузившись в воду, та обычно в считанные секунды могла отдохнуть и набраться сил. Обычно, но не сегодня.

Чем больше она представляла радостное, просветлевшее лицо отца, когда ему вручили любимый аппарат, позволивший вновь полноценно общаться с людьми, тем больше вставало в па-

мяти вмиг появившееся на нем печальное, даже мрачное выражение. Таким она отца, пожалуй, никогда еще не видела. Удивившись и поразмыслив, она связала перемену в его настроении со старой фотографией, что принесла им в подарок Лолита. Это была обычная коллективная фотография на память: среди множества сотрудников телеграфа Льювия узнала Лолиту — еще без очков, дона Чучо с роскошной в те годы шевелюрой, Рейеса, тогда подтянутого и не седого, разумеется, отца — в полном расцвете сил и маму — явно на немалом сроке беременности. Фотография молчала, но и без слов, по глазам отца Льювии было понятно, что в тот миг его что-то беспокоило, причиняло ему боль.

Судя по всему, сотрудники отмечали чей-то день рождения или какой-нибудь праздник, но по лицу отца было видно, что ему совсем не до веселья. Что-то мучило его. Рядом с ним стояла ее мама, красивая как всегда; он нежно обнимал ее за талию, но, несмотря на эту телесную близость, Льювия не могла избавиться от ощущения того, что между родителями пролегла какая-то трещина. На обороте фотографии стояла дата: сентябрь 1946 года. Два года до рождения самой Льювии.

Глядя на маму, можно было смело предполо-

жить, что она на пятом-шестом месяце. Попытавшись отсчитать нужный срок, Льювия стала загибать пальцы и обнаружила, что все это время держала их так, словно собиралась настучать ключом какие-то слова. Оказывается, навык работы на телеграфном аппарате уже становился автоматическим. Если так пойдет и дальше, — не без удовлетворения подумала Льювия, — то вскоре ей удастся догнать отца по скорости работы ключом.

На миг она совсем отвлеклась от текущих проблем; она сосредоточилась на своих руках и задумалась над тем, как разбегаются по поверхности воды чуть заметные волны, порожденные еще менее заметным дрожанием ее пальцев. Ее внимание остановилось на случайно родившейся мысли: чем сильнее дрожат руки, тем больше появляется волн, а следовательно, по их количеству можно определить, если что-то случилось, и даже то, насколько это событие значимо.

Ведь, например, один поцелуй — это не то же самое, что тысяча. Один полученный оргазм не равен пяти. В зависимости от того, сколько раз повторилось то или иное событие, эфир вибрирует по-иному. С этой точки зрения числа представляли собой не только средство обозначения

количества денег, как полагала мама Льювии, но, скорее, имели глубокое символическое значение, ибо обеспечивали прямую связь с мирозданием, и к этой связи взывал человек, называя то или иное число. Числа, таким образом, становились некими архетипами.

Льювия обнаружила, что со словами получается то же самое. Каждое из них звучало по-своему и в силу этого по-особому отражалось в вибрациях эфира. В этот момент ей пришла в голову мысль, что между числами и словами должна существовать тайная связь. Они должны взаимодействовать друг с другом, как, например, кнопки на пульте дистанционного управления телевизором и кинескоп. Льювия вознамерилась докопаться до этой связи, найти и понять ее.

Поиски начались тотчас же. Для начала она попыталась «написать» какое-нибудь слово азбукой Морзе, используя свои пальцы — подушечки стали точками, а фаланга — тире, черточками. Таким образом она стала переводить слова в последовательность точек и черточек. Следующим шагом стала попытка превратить этот набор знаков в соответствующие нумерологии майя цифры. Затем следовало попытаться найти скрытый в них смысл. Не особо задумываясь, она

взяла для первого эксперимента имена своих родителей, и их сумма, записанная в числовой форме, как оказалось, соответствовала сентябрю 1946 года.

Это открытие заставило ее вернуться к фотографии. Подсчитав заново на пальцах примерный срок, когда маме полагалось произвести на свет ребенка, она обнаружила, что получившаяся дата довольно далеко отстоит от времени ее собственного рождения. Льювии никогда не рассказывали о том, что у нее был (или должен был быть) еще один брат, кроме Рауля.

В чем же дело?

Единственное, в чем Льювия была уверена, так это в том, что состояние здоровья отца никак не соответствует ведению бесед на подобные темы. Следовательно, самым очевидным, даже напрашивающимся решением было нанести визит госпоже Люс-Марии Ласкуррайн, донье Люче.

VI

По значимости сразу после любви следует доверие, и жизнь вдвоем как раз предполагает возможность в полной мере наслаждаться им. Доверие — для того, чтобы обнажить душу и тело, не испытывая стыда. Доверие — чтобы броситься в объятия любимого, отдаться ему, раскрыть все безумие страсти без страха быть неправильно понятым или осужденным. Доверие — чтобы иметь право сказать жене или мужу: «Дорогой (дорогая), у тебя между зубов застрял кусочек фасолевой кожуры» — или, наоборот, не стыдясь, узнать от близкого о том, что у тебя скопился гной в уголке глаза или чуть выглянули из носа сопли.

Любовь и доверие идут рука об руку. Только доверие обеспечивает круговорот любовной энергии между двумя людьми, позволяет им приблизиться друг к другу. Первым признаком того, что доверие утрачено, становится внутреннее сопротивление близкому контакту, когда уходит стремление к ласкам, поцелуям, физической близости.

В течение восьми лет, что Люча и Хубило уже были женаты, они горстями, полной чашей ода-

ривали друг друга безграничным доверием. Ни один из них не обидел другого, ни разу не опустившись до ревности. Они любили и уважали друг друга, несмотря на все имевшееся между ними несходство характеров. Несомненно, важнейшим из них было несоответствие между тем, чего в жизни хотелось Люче, и тем, что мог ей предоставить Хубило. По его мнению, в этом крылась и главная причина того, что его супруга все не могла вновь забеременеть. Впрочем, это не сильно его огорчало. И не потому, что ему не хотелось иметь детей, а потому, что зарплаты телеграфиста и так едва хватало на то, чтобы прокормить Лючу и Рауля, их первенца. Появление других детей было бы роскошью, пока что — непозволительной. По крайней мере, дать им то, что хотелось бы Люче, он не мог, ее требования к жизни были настолько высоки, что он пока и мечтать не смел о том, чтобы исполнить их все.

Тех денег, что он выиграл у дона Педро, после вычета суммы, выделенной Хесусу и Люпите на свадьбу, они едва смогли наскрести на покупку понравившегося Люче дома. Здание было небольшим, но достаточно уютным, а главное — располагалось совсем неподалеку от дома родителей его жены. Находился их новый дом

все в том же районе Санта-Мария-ла-Ривера, разве что чуть ближе к границе Санто-Томаса. Разумеется, размерами он уступал особняку семьи Ласкуррайн, но при этом выглядел очень симпатично. Была в нем элегантная гостиная с балконом-галереей, выходившим на улицу, три спальни с высокими потолками, под которыми виднелись деревянные балки — стропила крыши; двери комнат выходили в коридор с большими керамическими кадками для цветов, в конце коридора располагались столовая и ванная. Рядом со столовой разместилась кухня, выходившая во внутренний дворик, где маленький Рауль мог играть в свое удовольствие.

На какое-то время Люча почувствовала себя счастливой. Обосноваться в столице, в своем собственном доме, после бродячей жизни, которая выпала им сразу после свадьбы, — этого в тот момент было ей вполне достаточно. Выбирать новую мебель и переставлять по своему вкусу что-то из старой казалось ей не менее увлекательным, чем в детстве — играть в кукольный домик. Ей доставляло огромное удовольствие все, что так или иначе было связано с обустройством их нового очага. Впервые с того дня, как она вышла замуж, у нее появилась возможность

забить гвоздь в стену или поставить вазу с цветами там, где ей заблагорассудится. Те дома или гостиничные номера, где они жили до этого, им не принадлежали и не стали для нее настоящим домом. А для Лючи владеть вещью было куда важнее, чем иметь возможность ею пользоваться.

Хубило же, наоборот, казалось, мог утолить жажду обладания одним лишь взглядом. Он с одинаковым удовольствием вдыхал аромат цветов, не задумываясь о том, доносится ли он из соседского сада или с клумбы перед его собственным домом. Зато он умел делать своими чужую боль и печали, умел разделять несчастья друзей, сопереживать им и искренне радоваться их успехам. Может быть, поэтому он и стал хорошим телеграфистом. Отправляя телеграмму, он делал это так, словно речь шла о его собственном деле, за которое надлежит болеть всей душой. И поэтому, наверное, ему так не хватало прямого, непосредственного контакта с людьми.

В маленьких городках, где ему доводилось поработать на пунктах приема телеграмм, он чувствовал себя как дома: если было нужно, он легко изменял текст передаваемого сообщения, зная наверняка, какова будет реакция адресата на ту или иную телеграмму. В столице же, на-

против, его работе недоставало человеческого тепла, личного участия. Он даже не знал толком, куда и как именно передаются проходящие через него сообщения, и потому работа перестала удовлетворять его как раньше, потеряла частицу своего смысла.

Он перестал понимать, зачем так стараться, прикладывать столько усилий. Его дар быть посредником, соединяющим человеческие души, терялся на глазах в силу своей невостребованности. Здесь, в огромном учреждении, от него требовалось только одно — отправлять и получать сообщения с наибольшей возможной быстротой; главное внимание уделялось количеству, а не внутренней, истинной эффективности работы. Хубило ощущал себя несколько потерянным и утешался тем, что все делает правильно: то, чего ждет от него Люча, то, что нужно для их ребенка.

Работал он ради них, а не ради самого себя, и были в этом свои приятные стороны. Возможность видеть, как радуется Люча, получив в распоряжение собственный дом, и осознание того, что его сын одет-обут-накормлен как надо, делали его счастливым. Люча была благодарна ему за прилагаемые усилия, но деньги, которые

он получал за работу, ей казались совершенно недостаточными, особенно при наличии в семье подрастающего ребенка. Она хотела дать ему самое лучшее образование, покупать только лучшую одежду и обувь, дарить ему только лучшие велосипеды и мячи, а на все это требовались деньги. С годами она стала мягко, но настойчиво добиваться, чтобы Хубило брал сверхурочную работу и оставался на дополнительные дежурства, а еще — постоянно пилила его за недостаток честолюбия.

Хубило такая точка зрения казалась несправедливой. Цели, к которым следовало стремиться, у него в жизни были. Другое дело, насколько они совпадали с теми, что ставила для себя Люча. Он не торопился богатеть во что бы то ни стало, не к этому стремилась его душа. Хесуса, его мать, часто говорила, что люди, у которых много денег, очень бедны, потому что, кроме денег, у них нет ничего. Он был абсолютно согласен с этим. В жизни много вещей куда более важных и интересных, чем накопление и правильное вложение средств. С точки зрения Хубило, богатым был тот, кто мог считать себя счастливым, и он по возможности старался добиться этого.

Рауль родился, когда Хубило было двадцать

два года, а Люче и вовсе только исполнилось двадцать. Они сами, по большому счету, были еще детьми. Они поженились так рано, что Хубило по-настоящему и не нагулялся еще с друзьями. В первые месяцы после появления ребенка он чувствовал себя совершенно потерянным, даже обманутым. Этот младенец был самозванцем, лишавшим его большей доли внимания и нежности Лючи. Но стоило малышу начать улыбаться и тянуть к нему ручки, как отношение отца к нему полностью изменилось. Он стал видеть в ребенке младшего брата, которого у него никогда не было, и вскоре они стали лучшими приятелями по играм. Их отношения были настолько близкими, что даже первое слово, сказанное Раулем, было «папа»; если же малыш падал или с ним приключалась какая-нибудь неприятность, он сквозь всхлипывания и слезы не звал маму, но требовал, чтобы в качестве утешителя выступил папа. Чересчур молодой папа, сам еще слишком похожий на подростка, папа, который после напряженного рабочего дня возвращался домой и хотел отдохнуть, что означало для него — поиграть с сыном, а потом — смотаться к друзьям, чтобы побренчать на гитаре и попеть песни.

С точки зрения Лючи, это свидетельствовало о

полном отсутствии стремления к успеху в жизни. Вместо того, чтобы впустую тратить время на свою гитару, как она полагала, Хубило вполне мог пойти на курсы английского или французского языка, бухгалтерского учета или — например — заняться поисками другой, более денежной и перспективной работы, которая обеспечила бы достойное будущее ей и их сыну. То же, что вырисовывалось в ближайшей перспективе, прямо скажем, нисколько ее не обнадеживало.

Рауль рос, и мать хотела отдать его в хорошую школу — в колледж Уильямса или в какое-нибудь подобное заведение. По мнению Хубило, в этом не было необходимости. Когда он с родителями переехал в Мехико, отец определил его в ту самую школу. Впрочем, продолжалась эта роскошь недолго, и по мере того, как таяли семейные сбережения, мальчика пришлось перевести в государственную школу. Хубило там понравилось куда больше, чем в частном заведении, и он не видел смысла зазря мучить своего сына, повторяя ту же самую ошибку. Люча же, отучившаяся полный курс во Французском колледже, полагала, что образование — это главный стартовый капитал в жизни, и, не говоря об этом супругу в открытую, считала, что разница между уровнем

образования, полученного им и ею, видна невооруженным глазом.

Хубило не говорил на иностранных языках, не бывал в Европе, не умел вести себя в обществе и уже поэтому, с точки зрения Лючи, был практически обречен влачить жалкую, усредненную жизнь. Сама же она была уверена в том, что стоит ей захотеть — и ее возьмут на любую работу, а уж дальнейший карьерный рост ей просто обеспечен. Она даже пыталась завести разговоры на эту тему, но Хубило мгновенно пресекал их. Мысль о том, что его жена может пойти работать, мягко говоря, не радовала его. Ему с детства внушали, что в будущем он станет единственным кормильцем в семье. Вот почему, решив положить конец дискуссиям экономического толка, он засучил рукава и, забросив музыку — трио, в котором пел с друзьями песни Гути Карденаса, мечты выступать с концертами, а также вечерние игры и посиделки с Раулем, — устроился на работу оператором радиоаппаратуры в Мексиканской авиакомпании, куда уходил по вечерам, после дневной смены на телеграфе.

Благодаря такому совместительству они с Лючей вскоре смогли купить новый холодильник, хорошую стиральную машину и заменить дровя-

ную колонку на электрический водонагреватель. Люча была счастлива, а глядя на нее, чувствовал себя счастливым и Хубило.

На какое-то время их семейная жизнь заметно наладилась. Люча могла позволить себе прогуляться, сходить в косметический салон и парикмахерскую, пройтись по магазинам. Купленная стиральная машина, скороварка и кухонный комбайн экономили ей время и силы. Она была очень благодарна Хубило за эти подарки и не переставала повторять ему об этом, равно как и превозносить удобство холодильника и прочей домашней техники. Хубило едва ее слышал, потому что возвращался домой полумертвый от усталости и не без труда мог дослушать рассказ жены о том, чем она занималась в течение дня, не заснув при этом крепким сном прямо в гостиной.

Таким образом, у Лючи появился новый повод быть недовольной мужем. Теперь она ставила ему в вину недостаток интереса к ее словам и отсутствие должного внимания к сделанным ради него *manicure* и *pedicure*. Хубило ласково и терпеливо пытался объяснить ей, что дело вовсе не в его невнимательности, а в том, что редкие свободные минуты, когда они могли побыть

вместе, он предпочитал потратить на то, чтобы заняться с ней любовью, а не транжирить драгоценное время на всякую болтовню.

Люча сердилась и кричала ему, что ей нужен человек, с которым можно поговорить, а не только валяться в постели, потому что она личность, а не какая-нибудь проститутка. На это Хубило возразить ничего не мог. С его точки зрения, для женщины было куда более лестно осознавать, что мужчина сходит с ума от любви и желания обладать ею, и он не мог взять в толк, почему его жене было важнее, чтобы он выслушал ее да еще и поддержал беседу.

К счастью, этому непониманию быстро приходил конец. Стоило им обняться, поцеловать друг друга, как оба рассыпались в извинениях и очень скоро оказывались в постели, где им уже было не до бесед.

После одного из таких нежных примирений Люча вернулась к разговору о том, чтобы Хубило разрешил ей устроиться на службу. Хубило, вконец отчаявшийся заработать на все, что требовалось его супруге, сдался перед ее натиском, выставив только одно условие — устраиваться на работу она должна была только в Центральное управление телеграфа. Он считал, что если уж им

обоим придется работать, то, по крайней мере, следует найти возможность быть рядом друг с другом в течение большей части рабочего дня.

Родители Лючи не одобрили такого решения дочери: в их семье ни одна женщина никогда не работала. Тем не менее они согласились помочь ей с устройством именно туда, куда она хотела. Благодаря своему влиянию и знакомствам они организовали нужную встречу в Министерстве связи и попросили, чтобы их дочери предоставили возможность занять должность личного секретаря директора Центрального управления телеграфа: как-никак Люча, пусть и не имевшая специального образования секретаря-референта, великолепно говорила как по-английски, так и по-французски.

Впрочем, приняли ее на это место не столько из-за знания языков, сколько благодаря внешним данным. Директор Управления посчитал, что наличие такой красавицы секретарши сможет значительно повысить его статус.

Появление Лючи в конторе повысило статус не только директора, но и всей организации. Хубило и в голову не пришло ревновать ее, наоборот, он даже гордился тем, что эта женщина, которая пробуждала столько желаний в остальных

мужчинах, была его женой. Впрочем, большинство сотрудников телеграфа были его старыми друзьями, и, испытывая искреннее восхищение Лючей, ни один из них не позволил бы себе ничего лишнего по отношению к ней. Хубило видел это по их глазам, и когда Люча под восхищенными взглядами проходила по просторному залу, где размещались рабочие столы, самое большое удовольствие получал именно он. Чтобы такая жена да была рядом с тобой целый день на работе — об этом он мог только мечтать. Когда она находилась поблизости, ему и работалось легче.

Там, в Центральном управлении, прошли лучшие годы их совместной жизни. Проводить рабочее время вместе оказалось лучшим средством сохранить отношения влюбленных. Встречаясь в коридорах, они обменивались полными нежности взглядами; они постоянно искали, а найдя — не упускали ни малейшей возможности подержаться за руки, поцеловать или обнять друг друга. Оказавшись одни в лифте, они бросались навстречу друг другу и, крепко обнявшись, страстно целовались. Бывали случаи, когда их распаляло настолько, что они запирались в туалете, чтобы овладеть друг другом. Они вели себя скорее как любовники, чем как муж и

жена, и казалось просто невероятным, что у этой парочки растет сын, которому уже исполнилось восемь лет.

Рауль, оставленный на попечение бабушки и дедушки, сначала скучал по родителям, но быстро привык к новому распорядку. С понедельника по пятницу он жил в окружении забот и лучших игрушек, зато по выходным родители целиком и полностью принадлежали ему. Субботы и воскресенья становились праздниками семьи Чи. Хубило пытался по мерс возможности что-то противопоставить влиянию родственников на его сына. Он брал с собой Рауля на прогулку, вместе они ходили обедать на рынок, он показывал мальчику Ксочимилко[10], знакомил с наиболее интересными уголками города, в общем — делал все, чтобы Рауль знал Мехико с самых разных сторон. Ему казалось принципиаль-,но важным, чтобы его сын, прежде чем знакомиться с другими культурами, хорошо узнал и полюбил традиции собственного народа, его историю и культурное наследие.

Люча пользовалась долгими прогулками мужа

---

[10] Примечания: 10

Район Мехико, где сохранились древние ирригационные каналы, по которым передвигаются на лодках. Это небогатый район «дачного типа», чьи постройки напоминают традиционную мексиканскую деревню.

и сына, чтобы отдохнуть, поваляться на солнышке во дворике и набраться сил перед новой рабочей неделей. Когда ребенок был с ними, родители ходили по дому в халатах и пижамах, когда же бабушка забирала Рауля, они большую часть времени проводили обнаженными в спальне.

Таким образом, работа Лючи помогла им на несколько лет вновь почувствовать горячую страсть, ощутить себя молодоженами, если не женихом и невестой. Люча, получив наконец возможность тратить лично ею заработанные деньги, по большей части — на белье и одежду, вновь обрела вкус к жизни, и, казалось, счастье навсегда развеяло все их семейные проблемы.

Тем не менее злая судьба ворвалась в их жизнь, откуда не ждали, и навсегда изменила ее течение.

Первым признаком грядущих перемен стало известие о новой беременности Лючи. Этого не ожидали ни она, ни ее муж. Они уже были уверены в том, что после рождения Рауля у нее никогда больше не будет детей, но, как оказалось, оба ошиблись. Следует принять во внимание и другое совпадение: вместе с новостью о беременности Лючи в их жизни появился и другой персонаж, о котором они оба уже успели забыть, а именно

— дон Педро, тот самый помещик из Уичапана.

Дон Педро принадлежал к той группе беспринципных, но пронырливых дельцов, которые сумели воспользоваться революционной сумятицей, чтобы пролезть на важные государственные посты, с тем чтобы воровать там с размахом, в свое полное удовольствие. Вскоре после того, как Хубило обыграл его в покер, дон Педро вступил в Революционную Институционалистскую партию и добился того, чтобы его избрали депутатом. Позднее он занимал множество управленческих постов, из которых должность руководителя государственного телеграфа была едва ли не самой малозаметной. Но дон Педро умел терпеть и не жаловался, понимая, что время от времени нужно проявить свою исполнительность и верность партийным нуждам.

Такой человек, почти наркотически привязанный к власти, был готов занять любую должность — пусть даже инспектора туалетов в борделях, лишь бы она обеспечивала ему возможность обладать единоличным правом руководства. Кроме того, все увиденное им в первый день на новом рабочем месте оказалось не так уж плохо. Первое, что привлекло его внимание в Управлении телеграфа, было не прекрасной архитектуры

здание, не красота его интерьеров, а парочка крепких ягодиц той женщины, которую ему представили как его будущую секретаршу. Эта попка выглядела так аппетитно и при этом почему-то показалась ему смутно знакомой. Не успев толком поздороваться с ее обладательницей, он поспешил осведомиться:

— Мы с вами раньше не встречались?

На что Люча ответила:

— Да, сеньор. Мы познакомились, когда мой муж временно работал на телеграфе в городе Уичапан. Это было несколько лет назад.

— Ну конечно, конечно! Как же я мог забыть. Ваш супруг еще выиграл у меня тогда изрядную сумму… Да, вот она — жизнь: еще не успел появиться на новой работе, а уже встречаю старых знакомых.

Для Хубило назначение дона Педро пришлось как нельзя некстати. Находиться в подчинении у такого омерзительного человека было весьма нерадостной перспективой. Поздоровались они с доном Педро холодно, как старые враги. Было понятно, что и дону Педро вовсе не улыбалось иметь среди подчиненных мужа секретарши, на которую он уже положил глаз. Он ведь привык добиваться своего: куда прицелился — туда и

стреляй. Что ж, на этот раз дело представлялось несколько более сложным. Это он безошибочно прочел во взгляде Хубило.

Дон Педро ни за что не вспомнил бы своего бывшего партнера по покеру, если бы не более цепкая память на женские ягодицы, на этот раз оказавшиеся частью фигуры жены его обидчика. За прошедшие годы Хубило отрастил усы и отпустил бороду, что придавало ему значительно более серьезный и мужественный вид. А вот дон Педро совсем не изменился, если не считать заметно округлившегося живота. В остальном же он оставался все тем же человеком — без моральных устоев, каких бы то ни было принципов, но теперь обладающим куда большим влиянием и нажившим значительно больший опыт в достижении поставленных целей.

Хубило прекрасно понимал, на что способен его новый начальник, и его подозрениям суждено было подтвердиться весьма скоро. Едва заняв новое кресло, дон Педро ощутил себя полновластным хозяином всего подчиненного ему учреждения. С его точки зрения, ему здесь принадлежало все: здание, мебель, аппаратура, сотрудники — телеграфисты и… и секретарши; он мог делать с ними все, что ему захочется, мог произвольно играть

ими, манипулировать, использовать по своему усмотрению. Среди сотрудников немедленно поползли слухи о том, что дон Педро пристает к своим секретаршам. Совершенно очевидно, что главной его целью была Люча, та, что больше всех ему нравилась и была вынуждена проводить с директором больше всего времени.

Для Лючи работа превратилась в пытку. Ей не только приходилось терпеть все прелести первых месяцев беременности, с их тошнотой, головокружениями и даже обмороками, но и сносить соседство с бесстыжим доном Педро. Каждую секунду она ощущала на себе его взгляд, впившийся ей в грудь или бедра. Люча уже не знала, как одеться, чтобы спрятать привлекающие внимание части своей фигуры. Хуже всего было то, что из-за беременности они становились день ото дня все заметнее. Дон Педро, похоже, не придавал этому значения, зато прекрасно замечал изменения в объемах, которые выглядели для него так соблазнительно. И плевать он хотел на то, что Люча была замужем и более того — беременна! Наоборот, эта ситуация, казалось, возбуждала его еще сильнее. С каждым днем его натиск становился все бесцеремоннее. Если поначалу он позволял себе лишь двусмыс-

ленные шуточки да легкое прикосновение к ее плечу, когда, проходя в кабинет, останавливался у ее стола, то позднее дело дошло до цветов и шоколада, которые появлялись у нее на столе в сопровождении пошловатой, но вполне приличной записочки; наконец, он перешел к этапу целенаправленного психологического давления, даже изматывания избранной им жертвы.

Например, заканчивая диктовать очередное письмо, он осведомлялся у секретарши:

— Что с вами, Лючита? Плохо себя чувствуете?

— Нет, сеньор, — следовал ответ.

— А то вы со мной так строги и неприветливы…

— Да нет, просто я немного не в духе. Что-то мне нехорошо, — срывалось у нее.

— Ну вот, я же говорил! Вы плохо себя чувствуете, возможно, даже приболели. Я вообще не понимаю, как может ваш муж гнать на работу такую очаровательную женщину.

— Он меня никуда не «гонит». Устроиться на работу — это было мое личное решение.

— Ну разумеется, личное. А то как же… Собственное решение, принятое под давлением обстоятельств. Ни одна женщина не променяет дом и детей на ежедневный труд просто ради удо-

вольствия… Вот скажите, только честно: неужели вам не хотелось бы сидеть сейчас дома, в окружении близких и заботливых людей, вместо того чтобы приходить сюда и слушать всякую чушь, которую несет этот старый ловелас?

Люче приходилось срочно продумывать правильный ответ. Ведь согласись она, это выглядело бы подтверждением предположений дона Педро о том, что лишь сложные обстоятельства вынудили ее пойти работать. Если же дать ему отрицательный ответ, он имел бы полное право истолковать его по-своему: мол, на самом деле она в восторге от того, что может находиться здесь, на работе, и выслушивать пошлости, навязываемые ей этим не то что ловеласом, а бесстыдным бабником и похабником. В итоге Люче оставалось просто пожать плечами и выйти из кабинета.

Но по возвращении на свое рабочее место она начинала ощущать действие яда, разлитого в речах ее начальника. Ее гнев и досада мысленно изливались на Хубило. Да, ей действительно куда больше хотелось бы сидеть дома, лелея свою беременность и ощущая свою чистоту, а не придумывать, каким еще бесформенным платьем спрятать живот от наглых взглядов дона Педро. От этих мыслей ее начинало тошнить, и

частенько дело заканчивалось приступом рвоты где-нибудь в женском туалете.

Хубило тоже был в отчаянии. Работа перестала быть для них желанным местом. Опасность словно висела в воздухе, а он не знал, что делать, и чувствовал себя абсолютно бессильным что-то изменить. Он делал все, что мог, чтобы достойно содержать семью, нашел себе дополнительный заработок. Будь в сутках не двадцать четыре часа, а тридцать шесть, он потратил бы их на еще одну работу.

Ему не терпелось, чтобы Люча уволилась с места, но она никак не соглашалась. Нет, ее первым порывом после появления дона Педро было бросить все и никогда больше не приходить туда… но они с Хубило решили купить другой дом, где была бы еще одна комната для ожидавшегося ребенка, и очень рассчитывали на ее зарплату. Поэтому она решила остаться и просто по мере возможности держаться подальше от дона Педро, однако добилась лишь того, что начальник стал изводить ее своим вниманием, а Хубило даже получал меньше денег — поскольку вместо того, чтобы полноценно работать, он то и дело отвлекался и думал о том, что сейчас происходит между доном Педро и его женой.

Хубило был не единственным, кому не нравилась сложившаяся в Управлении обстановка. Одним своим появлением дон Педро разрушил сложившуюся в коллективе дружескую рабочую атмосферу, которую сменила всеобщая неуверенность и подавленность. Кроме того, новый начальник не замедлил приступить к активному руководству — пошли увольнения, и каждый работник стал серьезно опасаться, как бы не оказаться следующим. Исчезло взаимное доверие, сотрудники даже почти перестали подшучивать друг над другом, да и вообще смеяться. Все боялись. Единственный, кто мог бы противостоять общему унынию, — Хубило — был слишком занят своими личными делами. Ситуация ухудшалась день ото дня, час от часа. Наконец наступила развязка.

Как-то раз, уже на шестом месяце беременности, Люча отдыхала в обеденный перерыв в компании Лолиты. Малыш, которого она носила в своем чреве, тоже, видимо, воспользовался подходящей минуткой, чтобы как следует потянуться. Лолита, заметившая, насколько изменилась форма живота Лючи в последнее время, из женского любопытства попросила у подруги разрешения послушать, как двигается ребенок

в утробе матери. Лолита была старой девой, чья жизнь прошла в стенах Управления, и ей не терпелось приложить руку к животу будущей мамы. Люча, само собой, согласилась, и в таком положении их застал дон Педро, который немедленно воспользовался моментом, чтобы попросить у смущенной Лючи разрешения также приложить ладонь к ее животу.

Доводы он привел те же, что и Лолита: ему было любопытно почувствовать под рукой движение плода. Перед Лючей встала дилемма: ей вовсе не хотелось, чтобы этот человек прикасался к ней, но она никак не могла найти достойных аргументов, чтобы отказ не выглядел грубостью — все-таки она только что позволила Лолите то же самое. Пока она обдумывала ответ, дон Педро, не дожидаясь разрешения, перешел от слов к делу. Убрав руку Лолиты с живота Лючи, он заменил ее своей ладонью. Более того, дон Педро позволил себе движение, которое явно свидетельствовало о том, что он намеревается погладить и грудь Лючи. Ей хватило секунды, чтобы успеть вспыхнуть от стыда и злости, потому что именно в этот момент к ним подошел Хубило, одним рывком оттащивший директора от жены.

— Я не желаю, чтобы вы когда-либо впредь

прикасались к моей жене. Надеюсь, я высказался достаточно ясно?

— Да кто ты такой, чтобы приказывать мне?!

Ответ Хубило был краток, но весом. Резко размахнувшись, он изо всех сил врезал кулаком по лицу дона Педро. Прямой правый прошел на редкость удачно, а что касается силы удара, так он был достоин, пожалуй, самого Кида-Ацтека. Пока грузное тело директора катилось вниз по лестнице, по которой только что на цыпочках поднялся Хубило, в помещении Управления стояла полная тишина. Никто сначала не поверил своим глазам. Хубило — всегда любезный, вечно улыбающийся, доброжелательный Хубило, этот парень, умевший, казалось, подружиться с кем угодно, — подрался, да не с кем-нибудь, а с самим директором, внушавшим ужас всем работникам и единодушно ненавидимый всеми.

Нет нужды говорить о том, что общие симпатии были на стороне Хубило, но сотрудникам, затаившим дыхание, пришлось скрывать свои чувства. Рейес, оказавшийся ближе других к скатившемуся с лестницы директору, протянул руку, чтобы помочь тому встать, но дон Педро оттолкнул его, отвергнув помощь.

— Ничего не случилось, — сказал он, поднима-

ясь на ноги. — Я просто споткнулся. Все за работу. Быстро!

Дон Педро встал, отряхнул свой костюм, вынул из кармана носовой платок, чтобы вытереть кровь, текущую из рассеченной губы, и проследовал в кабинет. Едва дверь за ним закрылась, как в голове его завертелись планы мести. Он не любил проигрывать и не умел делать этого достойно, а Хубило уже во второй раз одержал над ним победу! Самое страшное заключалось в том, что обидчик выставил его на посмешище перед подчиненными. Этого прощать было нельзя. Боль в разбитой губе и изрядно пострадавшей челюсти не шла ни в какое сравнение с мучениями уязвленного самолюбия.

Своим поступком Хубило подписал приговор любимой работе, но сейчас это волновало его меньше всего. Он был уверен в правоте своих действий, и единственное, чего ему не хватало, — так это согласия Лючи положить на стол заявление об увольнении одновременно с ним. Люча же, к его удивлению, считала, что следует сначала успокоиться, все обдумать, а уж затем принимать столь серьезное решение. Они находились не в той ситуации, чтобы остаться без работы. Тем более — вдвоем.

В любом случае, это происшествие изрядно подпортило готовившийся праздник. Тот день был днем рождения Лолиты, и сотрудники решили устроить ей сюрприз — настоящее чествование с тортом и свечами и прочими полагающимися по такому случаю атрибутами.

Праздник состоялся, но явно удался куда хуже, чем в былые годы. Больше всего ему недоставало смеха и шуток Хубило. Но, понятное дело, ни самому Хубило, ни всем остальным было не до веселья. Чтобы люди смеялись в свое удовольствие, нужна атмосфера доверия, а в коллективе Управления она таяла не по дням, а по часам. Рейес как мог старался расшевелить коллег, взяв на себя обычные функции Хубило, но максимум, чего ему удалось добиться, — это один раз рассмешить их, заставить улыбнуться широко и непринужденно, чтобы было не стыдно сделать общую фотографию на память.

Льювия осторожно и внимательно рассматривала фотографию. В том, что ее мама на этой карточке беременна, сомнений не оставалось, слишком очевидными были все внешние признаки. Внимание Льювии привлекло то, как ее мать держит руки — выставив их перед животом, словно пытаясь защитить еще не родившееся

дитя от какой-то опасности. Перевернув снимок, она еще раз удостоверилась в том, что он был сделан в 1946 году — за два года до ее рождения. Нет, здесь, наверное, какая-то ошибка. Если верить фотографии и дате, то получается, что ее мама была беременна трижды. Невозможно. Представлялось невероятным, чтобы за все эти годы никто, в первую очередь сама мама, ни словом не обмолвился об этом. Донья Люс-Мария Ласкуррайн не имела обыкновения лгать. Ложь всегда была одним из наиболее жестко осуждаемых в семье пороков. Странно было обнаружить, что ее мать нарушила кодекс чести, свято соблюдавшийся ею в течение всей жизни. А может быть, она вовсе и не обманывала никого, не лгала, а просто не договаривала всю правду, желая скрыть какие-то события, имевшие место в ее жизни, причем очень давно.

А отец? Он-то почему молчал все эти годы? Зачем скрывать предполагавшееся появление на свет этого ребенка? А может быть, все дело в том, что малыш так и не родился — случился выкидыш, преждевременные роды, младенец мог родиться мертвым или умереть сразу после родов… В любом случае, ничто не могло оправдать или объяснить глухую стену молчания,

воздвигнутую вокруг этого события.

А Рауль? Ему ведь тогда было лет восемь — не такой уж младенческий возраст, чтобы не понимать совсем ничего. Если бы ребенок родился, Рауль, конечно же, запомнил бы это, а если нет?.. Точно так же, как и она, он мог остаться в неведении. А может быть, даже зная или о чем-то догадываясь, он никогда не рассказывал ей об этом — комплекс старшего брата-защитника? Льювии никогда не нравилось, что Рауль относится к ней как к беззащитному, слабому до неполноценности созданию, которое нужно оберегать от всего, чтобы оно не погибло под натиском обрушившегося на него мира. Она устала быть младшей сестрой, а если точнее — от того, что с нею так обращаются. Нет, ну почему все, все они — до единого — сговорились, чтобы скрыть от нее эту историю? Она чувствовала себя обманутой и злилась все сильнее и сильнее.

VII

Меня мучает вопрос: сколько времени прошло с того момента, когда Бог сказал: «Да будет свет», и до того, когда «свет стал». Иногда достаточно одной секунды, разделяющей два события, чтобы в течение этого промежутка наша жизнь развернулась на сто восемьдесят градусов.

В какой миг любовь оборачивается ненавистью? Как люди приходят к этой черте? Что дает толчок этому превращению? Бесконечное повторение раздражающих, злых или унизительных поступков или же — одно-единственное событие, но разрушительное по силе, достаточной для того, чтобы разорвать узы любви?

Дома могут долго стареть и постепенно разрушаться в течение многих лет, а могут превратиться в груду развалин в мгновение ока, например, от взрыва бомбы.

Целые города веками растут, а затем постепенно увядают или стираются с лица земли одним мощным толчком землетрясения.

Человек может постепенно слабеть от множества болезней и от старости, а может покинуть этот мир мгновенно. Достаточно, предположим,

всего лишь одной шальной пули.

Так и образ любимого человека в нашей душе может становиться со временем все более ярким и полным, а может стереться в долю секунды. Наш собственный образ точно так же может складываться при помощи теплых слов, адресованных нам, и может разрушиться под воздействием ранящих, злобных признаний. И близость других людей может как сделать нас лучше, так и разрушить раз и навсегда чувство нашего уважения к самим себе. Иногда достаточно одного слова. Одно лишь слово — и рушится уверенность в самом себе, создаваемая годами душевной работы. Вот почему перед тем, как пойти в гости к маме, я привычно воздвигаю вокруг себя стены, призванные защитить меня от исходящего от нее отторжения, от ее недоверия, от склонности отвергать и отрицать все вокруг.

— Здравствуй, дочка. Как дела?

— Все хорошо, мамочка. А у тебя?

— Да так себе… Сама знаешь, огорчений всегда хватает. Но что это мы обо мне, иди сюда, дай я на тебя погляжу. Давненько ты ко мне не заходила… Ой, девочка, как ты плохо выглядишь! Говорила я тебе, не убивайся ты так, ухаживая за отцом. Тебе бы отдохнуть, съездить на море, позагорать.

На твоем месте я бы отправила его в хорошую богадельню, где за ним будут ухаживать, а сама бы пожила нормальной жизнью. Ты вся измучилась, вымоталась, да и твои дети, наверное, устали от того, что в доме все время столько народу, и все посторонние люди… Это несправедливо…

— Вот и папу отправлять в дом престарелых тоже несправедливо! Я тебе это уже сто раз повторяла и больше…

— Все-все-все, не будем спорить. Я не собираюсь лезть в твою жизнь, я только пытаюсь довести до твоего сведения то, что думаю. А кажется мне, что для тебя будет лучше, если… Ну да ладно. Кстати, как дела у Перлы?

— Хорошо, мамочка. Она со своим парнем…

— Эх, дочка, дочка… Если бы ты знала, как я за нее волнуюсь. Ты занята только отцом и за его здоровьем не видишь других проблем. Наплачется еще твоя дочь, я тебе говорю. Это пока все хорошо, но рано или поздно каждая ошибка, каждый неверный шаг аукнется! Поговорила бы ты с нею, нельзя же так — столько лет они уже вместе, а все не женятся. Помнишь, когда в последний раз собирались все вместе, — ты-то, может быть, и не заметила, — им и дела не было до того, что рядом кто-то есть. Сидят себе, за ручки держатся

да целуются… Я тебе вот что скажу, дочка: когда жених с невестой уже не замечают, одни они или на людях, — добра не жди!

— Брось, мама. Пусть себе живут, как им нравится.

— Ну пускай, я ведь что — так, о них беспокоюсь. А учить их я не собираюсь. Сказано было — не буду лезть ни к кому со своими советами, вот и не полезу.

— Вот и молодец!

— Я тебе скажу только вот что: боюсь я за нее, потому что мужчины — все, поверь мне, все до единого, — они только и норовят свинство какое-нибудь учинить. И знаешь почему? Потому что свиньи — они и есть свиньи, вот почему!

Настал час возводить стены, закрывать все ворота, запираться наглухо в своей крепости! Дальнейшие слова мамы я могу произнести за нее наперед: «Все мужчины одинаковы. Все они думают только о том, чтобы поиметь любую женщину, попавшую в поле их зрения. И неважно, кто это — соседка, служанка или жена собственного сына. Мужчины — они все свиньи: живут в грязи, жрать способны любые отбросы, а как напьются, так готовы спать хоть с крысами…»

Не знаю, о каких мужчинах говорит моя мать

и где она набралась таких сведений. Насколько мне известно, у нее самой был только один парень, за которого она и вышла замуж. А что касается отца, то при всем желании я и близко не смогла бы отнести к нему те характеристики, которыми награждает мужчин мама. Наоборот, сколько я его помню, вечно он помогал по дому, пек груды лепешек, по воскресеньям торчал на кухне, готовя детям что-нибудь особенно вкусное. Мы с Раулем все время были на его попечении. Я не помню ни одного похотливого взгляда отца; ни на кого он не смотрел так, чтобы стыдиться потом этого взгляда, — ни на соседок, ни на прислугу — ни на кого. Если что за ним и водилось, то мы ни о чем не догадывались, а ведь детей обмануть трудно. В общем, я в любом случае не собираюсь продолжать этот разговор и вместо того, чтобы как-то отреагировать на мамины слова, поднимаю брови, придавая лицу неопределенное выражение. Этот мимический прием можно толковать как угодно, и он отлично помогает сменить тему разговора, чтобы избежать долгих и ненужных споров.

— Слушай, мама, а как Рауль?

— Хорошо. Мы вчера говорили по телефону, он спрашивал, как отец, и я ему сказала, что тот

совсем плох. Рауль, кстати, тоже считает, что его лучше отправить в дом престарелых.

— Он, чем «считать», лучше бы почаще звонил ему!

— Скажешь тоже! Ты же знаешь, как он занят. А вот ты, вместо того чтобы осуждать брата, лучше поблагодарила бы его за то, что он присылает деньги на сестру и сиделку! Если бы не он — сама можешь представить… Я потому и говорю, что давно пора…

— Мама, я же сказала: никуда я отца не отдам. Он для меня вовсе не обуза, скорее наоборот.

— Ну конечно. Вот только что-то ты как ни зайдешь, так жаловаться начинаешь — то самочувствие плохое, то Перла собирается от тебя уехать…

— Мама, не надо! Я прошу тебя…

— Хорошо, дочка. Сколько я тебе говорила, что не хочу лезть в твою жизнь. Ты только пойми, я просто думаю: из-за того, что твой отец остается дома, у тебя столько проблем, столько головной боли! Не понимаю, почему ты в него так вцепилась, защищаешь его, заботишься… Вот ведь как оно все обернулось! Та самая дочь, рождения которой он вовсе не хотел, теперь готова положить свою жизнь ради него.

— Мама, ну зачем ты так?

— А затем, что так оно и было! Твой ненаглядный папочка хотел, чтобы я сделала аборт, когда я носила тебя под сердцем…

Я сдаюсь. От моей мамы уйти в спокойном состоянии духа невозможно. Ей всегда удается нанести мне неожиданный, болезненный удар. Не знаю, правда ли то, что она говорит. Даже если это так, то наверняка у отца были веские причины предлагать ей такой выход. Какое, в конце концов, мне сейчас дело! Этими обвинениями меня уже не заставишь разлюбить отца или поверить в то, что он меня не любит. За всю мою жизнь не было ни единого случая, чтобы я могла усомниться в его любви, чтобы мне вдруг не хватило его нежности.

И если хорошенько подумать, то, будь я мужчиной, да еще и женатым на моей маме, — мне, может быть, тоже не захотелось бы иметь общих с нею детей. Но, в конце концов, не хочу я принимать ее правила игры! Хватит, надоело! Пришла моя очередь вставать за дирижерский пульт и брать в руки палочку.

— Да, кстати, о папе. Он просил передать, что хочет поговорить с тобой.

— Сколько раз тебе повторять: мне с ним не о чем говорить! Он для меня давно уже в прошлом. Навсегда.

— Как и эта фотография? Я не ошиблась?

— Откуда она у тебя?

— Лолита принесла. Ну, и кем ты здесь беременна, не хочешь сказать?

— Она что, к нему приходила?

— Да, но ты мне не ответила: кого из твоих детей ты ждала, когда был сделан этот снимок?

— Кого-кого, тебя, конечно! Кого же еще? Ты только посмотри… Скольких из тех, кто на этой фотографии, уже нет в живых. Хуанито, Лало, Кике — все уже умерли… Кажется, и Пепито… впрочем, что это я разболталась? Тебе, наверное, неинтересно — ты ведь почти никого из них не знаешь. Скажи мне лучше, как там Федерико? Не растолстел?

Нет, мама. По-прежнему худой как щепка. Но ты мне лучше признайся, почему ни ты, ни отец никогда не говорили мне, что у вас был еще один ребенок?

— Это отец тебе рассказал?

— Нет.

— Ну-ну… А не Лолита ли язык распустила, а? Эта сплетница всю жизнь была влюблена в

твоего отца. Она и сейчас готова наврать с три короба, лишь бы перессорить нас друг с другом. Вот видишь, не зря же она приволокла тебе этот снимок. Надо же, какая забота! И вот ведь какое совпадение — из всех фотографий она решила подарить тебе именно эту!

— А почему она такая особенная — эта фотография? Что в ней такого, из-за чего мы могли бы поссориться?

— Слушай, Амбер[11], вот потому-то мы с тобой всегда и ссоримся. Ты вся в отца: любишь, как он, вложить свои мысли в слова другого человека, додумать за него, полагаешь, что догадываешься, о чем он на самом деле думает… Так вот, мне скрывать нечего… а если бы и было что, так это мое право, детям ни к чему знать все о родителях. Ни к чему! Нет, ну посуди сама, тебе понравилось бы, например, начни твои дети вдруг допытываться у тебя, почему ты разошлась с мужем? Рассказала бы ты им все как на духу? Нет ведь? То-то же. Тогда по какому праву ты приходишь в мой дом, чтобы судить меня?

— Мама, никто тебя не судит и не осуждает! Я просто спрашиваю…

---

[11] Примечания: 11
Амбер (ambar) — янтарь (*исп.*). Также женское имя.

— А по какому праву? Этого мне еще не хватало! Да кто ты такая, чтобы устраивать мне допросы? С какой такой моральной колокольни ты собираешься судить меня?

— Я ведь уже сказала, что не собираюсь никого судить.

— Ой, не похоже, дочка! А если так, то будь добра, смени тон, когда говоришь с матерью. Какая ни есть, а мать есть мать. Я тебя родила и имею право на уважение. У меня были свои причины поступать в жизни так или этак. Все мои дела и решения были обдуманы. Вот только отчитываться перед тобой я не собираюсь — с какой стати? Кто тебя назначил меня исповедовать? Никто? Вот то-то же. Никто! Если тебя внезапно обуяло такое любопытство, ну захотелось вдруг покопаться в чужой жизни, — так пойди и расспроси собственную дочь о том, сколько раз за прошедшую ночь парень поцеловал ее в губы, как они обнимаются и как там у них вообще… Посмотрю я, что она тебе на это ответит. Уважение к праву ближнего на частную жизнь — вот залог мира в семье и в душе. А если тебе так интересно, были ли у меня еще дети, то я тебе отвечу: да, были! Был еще один мальчик, но он умер. Хочешь знать почему — иди спроси у папочки!

Он тебе расскажет… Ну что, довольна? Добилась своего? Почему было сразу не спросить об этом вместо того, чтобы изводить меня намеками? А теперь уходи, Амбер. Рассердила ты меня, боюсь наговорить тебе лишнего… А я никогда, слышишь, никогда не делала ничего, чтобы обидеть тебя! Никогда этого не хотела. Думаю, что я была не самой плохой матерью: я всегда любила тебя, заботилась, старалась передать тебе лучшее, что было во мне, а если и ошиблась в чем, так не считаю, что слишком сильно. Ты уж не взыщи. Боюсь, что тебе сейчас пришлась бы ко двору действительно плохая мать. Вот тогда-то ты вволю бы обвиняла ее, осуждала, жаловалась на судьбу. Мать — детоубийца, алкоголичка, избивавшая тебя, — вот тогда бы ты сполна предъявила ей список претензий…

* * *

Я услышала то, что хотела услышать. То есть не то чтобы хотела, но ожидала. Странно, меня это ничуть не удивило, словно все было известно заранее и только ждало подтверждения. Интересно другое: мама так и не привыкла называть меня моим настоящим именем. Выбрал его мне, как говорят, отец, и оно мне очень нравится. Он всегда

называл меня Льювией и только иногда, в порыве особой нежности, обращался ко мне «Чипи-Чипи» — Кап-Кап, — подражая звуку легкого дождика. А вот мама почему-то всегда пользовалась именем Амбер, которое, по ее мнению, означает то же самое; только я никак не пойму, какая здесь связь. Мама говорит, что не любит имя Льювия, потому что оно напоминает ей о том времени, когда они с папой жили в Уичапане, вскоре после свадьбы, и там все время шел дождь…

Кстати… мне только что пришла в голову интересная мысль. Начну с того, что, когда мы изучали азбуку Морзе, Рейес по ходу дела дал нам пару уроков по теории электричества — чтобы мы лучше поняли принцип работы телеграфа. Он напомнил нам, что электричество — это такой поток, возникающий при трении двух предметов различной природы. Существуют вещества, которые ток проводят, а другие нет — так называемые изоляторы. Вода — проводник. Мое имя — Льювия — тоже проводник. Однако оно не помогает мне установить нормальный контакт с мамой. Наверное, потому что она меня им никогда не называет! Она его вообще не произносит. Чтобы обратиться ко мне, она пользуется именем Амбер. Амбер — это янтарь, а ведь он — изолятор!

Правда, порой мамины слова вместо того, чтобы отскакивать от меня, отражаясь, проникают насквозь, и их электроразряды больно бьют меня в самое сердце.

Мне нужно найти что-то, что надежно закроет меня от этих обидных слов, защитит мою душу. Иначе я никогда не смогу спокойно приходить к маме, а главное — уходить от нее целой и невредимой. Пока что, выйдя из ее дома, я мчусь к отцу, чтобы он привел меня в чувство. Его слова — чистая алхимия. Они обладают потрясающей, невероятной, почти колдовской способностью — наподобие электрического тока — превращать темноту в свет.

VIII

— Что, дочка, дождик на улице?

— Нет, папа, это я пытаюсь вбить в стену гвоздь, чтобы повесить фотографию, ту, что подарила нам Лолита.

— Ой, дочурка, неужели ты думаешь, что я уже не способен отличить стук молотка от звука падающих капель? Не хватало мне еще вдобавок ко всему оглохнуть.

Льювия высовывается в окно и замечает, что на улице действительно пошел дождь. Вот только он такой слабый и капли такие мелкие, что ни о каком шуме и речи быть не может.

— Ну да, в самом деле — дождь… Как ты догадался?

— Увидел капли, и все.

Льювия смеется отцовской шутке; она знает, что он давно ослеп.

— Нет, правда, откуда ты знаешь?

— Все просто. Нужно только прислушаться хорошенько.

— Ты услышал, как падают эти капли? Невероятно! Нет, нужно подождать, пока дождь пойдет сильнее, а так — невозможно.

— А ты и не пытаешься. Попробуй — раз, другой. Постепенно научишься слышать намного больше, чем привыкла. Я начал с того, что стал прислушиваться к тому, как звучит мое собственное тело, потом — дом, после очередь дошла до ближайших кварталов. А теперь я могу слышать даже то, что говорят звезды.

— Правда?

— Честное слово, Льювия, я не шучу.

— Посмотрим-посмотрим… Вот скажи, о чем сейчас говорит Полярная звезда?

— Именно сейчас?

— Да.

— Э-э… что-то не слышно… Да это ты со своим молотком — глушишь все нормальные звуки.

Отец с дочерью смеются вместе. Льювия с каждым днем все с большим удовольствием разбирает «телеграммы», отстукиваемые ей отцом. Она уже так навострилась разбирать сигналы на слух, что компьютер ей почти не нужен.

— А чтобы ты не подумала, будто я тебя обманываю, давай проведем эксперимент: ты задумываешь вопрос и настраиваешься на то, чтобы связаться с какой хочешь звездой. Словно она действительно слушает тебя. Ответ придет почти мгновенно. А если ты его не услышишь — я

его тебе передам.

— Любой вопрос? О чем захочу?

— Да.

— Сдается мне, что нет нужды обращаться к звездам, чтобы узнать, почему мама на фотографии беременна. Кого она ждет? По-моему, на этот вопрос ты можешь ответить сам.

— Что еще за фотография?

— Да все та же. Та, которую я сейчас вешаю на стену.

— Тогда это Рамиро, твой брат.

— Его звали Рамиро? Что с ним случилось? Почему мне никто не рассказывал о нем? Никто, никогда!

— Неужели? Ах вот как…

* * *

Хубило вернулся домой как раз вовремя, чтобы услышать от Хуана, своего шурина, новость: Люча только что родила. Мальчика. Хуан, медик по профессии, давно практиковал в качестве лечащего врача их семьи; он взял на себя и труд принять роды у Лючи. Не все прошло гладко, но, слава богу, закончилось хорошо. Хубило вошел в комнату жены и опустился на колени перед ее кроватью, чтобы поцеловать руку Лючи. Та толь-

ко отвернулась. Ей не хотелось его видеть, она так от всего устала! Было четыре часа утра, а Хубило только-только вернулся домой, и в каком виде… Когда должен был родиться Рауль, их первенец, Хубило ни на шаг не отходил от жены, сейчас же ей пришлось выдержать это испытание без поддержки самого близкого человека. Нет, одна она не осталась: с нею были ее мать и брат-врач, но все это было не то. Хубило стал просить у Лючи прощения, но в ответ лишь две слезы скатились по ее щекам. Больше всего ее расстроило то, что теперь вся ее семья узнает о запое Хубило. Она прикладывала все усилия, чтобы родственники оставались в неведении относительно их жизни в последнее время. Единственное, что ей не удалось скрыть от них, — это увольнение Хубило. Это стало известно всем — хотя бы из-за того, что тому предшествовало. Лючу оставили на работе благодаря вмешательству тех же знакомых, которые ее туда устраивали, но она-то прекрасно понимала и другую причину, по какой дон Педро даже после такого скандала охотно согласился видеть ее рядом с собой, пусть даже в качестве секретаря.

Оставшись на работе одна, Люча почувствовала себя уязвимой и абсолютно беззащитной. Тем

не менее увольняться ей смысла не было, и она это прекрасно понимала. До декретного отпуска ей оставалось отработать считанные недели, а потом, оформив все документы, она могла три месяца получать ту же зарплату, сидя дома с детьми и с Хубило. А уж за это время они как-нибудь сумеют решить проблему с его работой. Она пошла на такую жертву ради благополучия своей семьи и рассчитывала на то, что Хубило оценит ее поступок и поддержит ее в это трудное время. Но все пошло не так, как она хотела…

Первым побуждением Хубило после скандального случая с доном Педро было уволиться вместе с женой, не медля ни дня. Поскольку Люча воспротивилась этому, он был вынужден приготовиться потерпеть, чтобы не оставлять ее одну, чтобы защищать, огораживать от липких взглядов дона Педро. Впрочем, терпеть пришлось недолго: дон Педро постарался, и уволили Хубило практически сразу же.

Эти месяцы стали для Хубило сущим адом. Он очень переживал из-за своего увольнения. Его ударили по самому больному месту, и ударили дважды: во-первых, лишив любимой работы и заработываемых с ее помощью денег, а во-вторых, заставив мучиться по поводу того, что он оставил

жену без защиты и опеки на той же работе. Умом он понимал, что ей действительно стоит сжать зубы и потерпеть до получения декретного отпуска, но все объяснения мало успокаивали его.

Он чувствовал себя неполноценным мужчиной, осознавая, что сам сидит дома, а его беременная жена — работает! Да в каких условиях — рядом с самим доном Педро. Ему становилось плохо от одной мысли о том, что они могут находиться друг возле друга. Ревность начала сжигать его изнутри. Он чувствовал себя ограбленным, лишенным самого дорогого, что у него было, словно какое-то неведомое чудовище вырвало у него одно легкое или отрезало уши. Нет, словно с него содрали кожу, а в голову, в мозг насыпали сухого льда!

Он не мог спать, не мог есть, не мог думать — ему все мешало, все раздражало. Будто прямо в теле у него прожгли большую сквозную дыру, и края раны еще продолжали тлеть. Не было ему ни секунды покоя. Его мозг, словно проигрывая поцарапанную пластинку, показывал ему вновь и вновь то, что ни на миг не удавалось забыть: дона Педро, тянущего руку к его жене. Это ничтожество, это средоточие всех пороков и бед, этот

мерзавец, отличившийся во времена чингады[12], — осмелился протянуть свои грязные лапы к тому, что было для Хубило свято, — к телу его жены! ЕГО ЖЕНЫ. Это было осквернением его храма, его богини, величайшей любви его жизни. Он прекрасно понимал, что Люча не виновата; но ему все равно тяжело было видеть, как она — слишком спокойно, по его мнению, — каждое утро уходит на эту проклятую работу. Это просто бесило его, он злился на Лючу, разумеется, на дона Педро, на весь мир и при этом прикладывал огромные усилия, чтобы его близкие ничего не замечали. Он искренне пытался оставаться заботливым, как раньше, и даже прикидывался по-прежнему веселым, но в глубине души все понимали, что он уже не тот, что его смех скорее походил теперь на плач или на крик отчаяния. В первые дни, проводив Лючу на службу и собрав Рауля в школу, он снова шел в спальню и ложился в постель, еще хранившую тепло и аромат его жены, и старался думать о чем угодно, лишь бы не о доне Педро, чтобы не сойти с ума окончательно. Он пытался слушать «Южные песни» — свою любимую передачу — и не мог. Музыка,

[12] Примечания: 12

Словом «чингада» история Мексики характеризуется как кровавая и подчас позорная.

доставлявшая ему раньше столько удовольствия, теперь раздражала его, напоминая о том, другом Хубило, который так мечтал сам стать музыкантом. Он выключал радио и пробовал заняться чем-то другим.

Без Рауля и Лючи дом казался пуст и безмолвен. Хубило бродил по комнатам, затем выходил на улицу, покупал в ближайшем киоске газету и возвращался домой читать ее. Он садился в гостиной, где было слышно лишь тиканье настенных часов, висевших в столовой. Это «тик-так» захватывало весь дом. Хубило никуда не мог деться от этого звука, как не удавалось ему избавиться и от мыслей о том, что в эту минуту происходит там, на его бывшей работе. Каждые пятнадцать минут часы проигрывали мелодию, а о наступлении нового часа оповещал своеобразный колокольный звон.

Хубило было нетрудно представить, что происходит в Управлении в девять, десять часов, в полдень. Он словно наяву видел Лючу, вставшую из-за стола и уходившую по коридору, Чучо, разворачивавшего газету, Рейеса, наливавшего себе кофе, или пудрящую нос Лолиту.

Хуже всего было, когда он представлял себе, чем сейчас занимается дон Педро. Его мысли

мгновенно цеплялись за то, о чем он старался не думать, и пытка возобновлялась. Он рисовал в воображении, как дон Педро открывает дверь своего кабинета и требует, чтобы Люча вошла к нему, потому что он собирается продиктовать ей письмо. Он видел, как та встает из-за стола и, аккуратно ступая, чтобы не споткнуться, идет, куда приказано, под сальным взглядом дона Педро, нацеленным на ее бедра. А под конец он видел торжествующую улыбку, которая расплывалась на лице директора перед тем, как тот затворял дверь. И он, Хубило, сидя дома, ничего не мог сделать, никак не мог помешать этому кошмару! Невозможность видеть Лючу, быть рядом с нею сводила его с ума, а сознание собственного бессилия переполняло злостью.

Жизнь не могла подкинуть ему более страшного наказания, чем сделать зрителем, наблюдателем за происходящим со стороны. Самое же страшное заключалось в том, что ревность, именно ревность не позволяла ему трезво посмотреть на вещи и разобраться в ситуации. Она полупрозрачной пеленой опускалась ему на глаза и, словно в театре теней, превращала реальность в мир чудовищ и привидений — огромных, внушающих ужас, неуязвимых. Не успевала по ту

сторону экрана появиться чья-то рука, как по эту сторону зритель уже видел крокодилью пасть. Театр теней существует только в полумраке. Чтобы избавиться от наваждения, нужно было вновь обрести связь с Солнцем, а это Хубило как раз и не удавалось. Избавиться от ревности, увидеть свет! Свет и свою Люс-Марию[13]! Ведь встреча с Лючей изменила всю его жизнь не менее решительно, чем появление электрического освещения изменило жизнь всего человечества.

Возможность превращать ночь в день стала одним из главных достижений и событий века. С этого времени лампы и прочие приспособления, использующие электрическую энергию, на глазах изменили жизнь людей, особенно в больших городах.

Появление радио подарило многим мексиканским семьям новых родственников. Так, семья Чи состояла из Хубило, Лючи, Рауля, Августина Лары и Гути Карденаса. Когда отключали свет, семья как будто распадалась, в ней оставались лишь Хубило, Люча и Рауль. Но когда из дома уходили жена и ребенок, Хубило чувствовал себя куда более одиноким, чем когда выключалось

---

[13] Примечания: 13

Люс (luz) — свет (*исп.*). Также женское имя, аналог Светланы.

электричество. Одиночество и тишина — это было для него невыносимо.

Но страшнее всего было даже не ощущение брошенности, не то, что Люча не поддержала его в момент выбора, но продолжала работать в Управлении, а то, что делала она это так, будто ничего не случилось: словно дон Педро не пытался дотронуться до ее груди, словно в ответ на это оскорбление Хубило не ударил его, словно тот, в свою очередь, не отомстил за оплеуху, уволив обидчика, и теперь, оставшись с жертвой один на один, мог безнаказанно оскорблять ее — пусть даже одними нечистыми взглядами. То, что Люча делала непроницаемое лицо и вела себя так, будто все происходящее абсолютно естественно, с его точки зрения было достойно упрека и осуждения. Поведение Лючи делало ее соучастницей этого грязного действа. Хубило никак не мог смириться с тем, что его жена, равно как и товарищи по работе, все как один готовы терпеть любые издевательства, любую несправедливость — и все ради того, чтобы не потерять работу. Но почему? Неужели действительно нет другого выхода? Неужели невозможно заработать себе на жизнь, не жертвуя при этом собственным достоинством?

Неужели никто из них не замечает, что дон Пед-

ро — без денег и должности — никто? Неужели они не видели, как он от одного удара скатился мешком по лестнице? Неужели это ничтожество способно наводить такой ужас, что все готовы унижаться перед ним, молчать и терпеть любые его издевательства?

В такие минуты ему очень недоставало присутствия бабушки. Да, именно доньи Итцель, которая славилась ясным, аналитическим складом ума и была непримиримым борцом со всяким неравенством. Будь она жива, ее стараниями коллектив уже взбунтовался бы и поставил кое-кого на место.

Чтобы отвлечься от этих мыслей, Хубило старался думать о том, что сказала бы бабушка — яростная противница технического прогресса, — доживи она до сего дня, когда этот прогресс, подсознательно внушавший ей такой страх, проник везде и всюду, в самое сердце домашнего очага. Почти в каждом доме уже были радио и телефон. А только недавно запатентованное телевидение уже стало многим доступно, и люди давились в очередях, чтобы быстрее других заполучить этот диковинный аппарат, позволявший передавать изображение на расстоянии.

Убедившись в том, что ее страхи абсолютно

обоснованны и что прогресс оказался вовсе не так безобиден, как ей пытались втолковать, бабушка наверняка узрела бы главную опасность в том, как владелец радиостанции определял, что именно услышат радиослушатели, а хозяин телекомпании — что полагается видеть телезрителям. Этот контроль над средствами распространения информации логично перетекал в контроль над самой информацией, а следовательно — в возможность управлять общественными мнением.

Между прочим, сам Хубило тоже не был безгрешен в этом отношении. Он всю жизнь занимался тем, что исправлял и дополнял чужие сообщения, с одной лишь разницей — делал он это с единственной целью: наладить отношения между людьми. В отличие от него, кто-то посвящал свое время и силы тому, например, чтобы подключить к прогрессу тех, кто оставался от него в стороне; и это, увы, всего лишь с корыстной целью — навязать этим «облагодетельствованным» такой образ жизни, где все оценивается, продается, покупается, используется, пока это возможно, а затем безжалостно выбрасывается.

Хубило легко мог представить себе, как бабушка, вынув изо рта сигару, криво усмехается и цедит сквозь зубы:

— Хубило, я тебя не узнаю! В чем дело? Почему ты соглашаешься с тем, что человек, который плевать хотел на связь и связистов, становится директором телеграфного Управления? Того и гляди, я умру, а дело останется нерешенным. Не хватало еще, чтобы мы, совершившие революцию ради того, чтобы Мексика стала лучше, гнили в земле, а эти, с позволения сказать, «попутчики» пользовались плодами нашей победы! Почему ты позволяешь твориться несправедливости? У тебя что — кишка тонка? Как ты можешь допускать, что этот мерзавец находится рядом с твоей Лючей, а ты тем временем сидишь на скамейке в парке и жалуешься сам себе на судьбу? Не будь тряпкой! Ты же мужчина, сделай что-нибудь!

Но что, что он мог сделать? Заставить Лючу уволиться с работы? Но она не ребенок, которому можно приказать, потребовать поступить именно так, а не иначе. А кроме того, Хубило не видел для себя реальной возможности прокормить семью в такой ситуации. Если бы еще в детстве ему не втемяшилось в голову стать телеграфистом, а не юристом или врачом, он не оказался бы сейчас в положении, когда уволивший его начальник командовал абсолютно всем телеграфным хозяйством по всей стране. Другой профессии у Хубило

не было, год от года развивались новые средства связи, штат телеграфистов сокращался с каждым днем, и найти новую работу было неимоверно трудно. Он жаждал вызволить Лючу из кошмара, в котором она существовала, но даже примерно не мог себе представить, когда и как сможет это сделать. Вынужденный признаться себе в том, что семья существует на ее зарплату, он ощущал себя абсолютно неполноценным человеком.

К счастью, его приработок в авиакомпании не пострадал, и эти деньги как-то примиряли его с жизнью, облегчая горечь поражения. Если бы не это, он давно вскрыл бы себе вены.

Была ли эта беда предопределена свыше? Положение, в котором он оказался, — было ли оно предначертано ему загодя? Неужели, как и все, что происходит вокруг, это элемент общего космического порядка? В том районе, где жил и который так любил Хубило, все шло в согласии с естественным, священным порядком вещей. Монашки шли в церковь в одно и то же время. Часы на здании Музея геологии пунктуально оповещали округу о наступлении нового часа. Булочки в «Ла Розе» вынимались из печи ровно в семь, а в час пополудни, независимо от погоды, даже в грозу и ураган, доктор Атль выходил на

ежедневную прогулку. Женщины выливали на тротуары около домов по нескольку ведер воды, тщательно терли тряпками, и лишь после этого дети выходили из домов и шли в школу. Точильщик приезжал на велосипеде всегда в одно и то же время и вставал только в раз и навсегда определенном месте. Все и вся жили в давным-давно заведенном ритме.

Хубило не знал, насколько позволительно нарушить этот порядок, до какой степени он, простой смертный, имел право менять ход событий. Предопределена ли его судьба заранее? И можно ли попытаться что-то изменить в ходе этого неведомого плана?

Единственное, что он умел делать в жизни, — это связывать людей и еще — любить Лючу. Больше он не умел и не хотел ничего. С детства он знал, что больше всего удовольствия доставляет ему поднимать настроение близким и улучшать этим самым свои с ними отношения. Без ложной скромности он полагал, что это ему удается неплохо. С того дня, как он впервые увидел Лючу, он всей душой возжелал быть с нею рядом — всегда, до последнего дня жизни. Такова была его воля; но, похоже, это никак не согласовывалось с чьими-то отнюдь не менее продуманными

планами.

Второй раз в жизни он ощутил себя потерянным, сбитым с толку и полностью лишенным возможности устанавливать прямую связь с кем бы то ни было.

Надо же было случиться такому совпадению, чтобы дон Педро снова ворвался в его жизнь. Повстречай его Хубило на улице, и волна ненависти захлестнула бы его — он бил бы дона Педро до потери сознания, швырнул бы его на землю и пинал, пинал, стараясь попасть по чреслам, чтобы они тому больше не понадобились, он налил бы ему в глаза кипящее масло, чтобы тот больше никогда не смог бросить похотливый взгляд ни на Лючу, ни на другую женщину…

А его руки! Эти руки, которыми он посмел прикоснуться к его жене, эти лапы, которыми он обирал своих крестьян, убивал невиновных, подписывал приказ об увольнении Хубило… Эти руки он сплошь бы покрыл мелкими порезами, а потом окунул бы их в лимонный сок с перцем, чтобы этот сладострастник не сумел сложить их даже в подобие кулака и никогда больше не смог бы мастурбировать, чем он, по разумению Хубило, постоянно занимался, думая при этом о груди его Лючи. Хубило был уверен в том, что,

прикасаясь к ее груди, дон Педро умирал от желания сорвать прикрывавшую ее ткань, сильно сжать ее руками, впиться губами в сосок… Ему ли было не знать, какие страсти может пробудить в мужчине одно легкое прикосновение к этой женщине! В тот день, когда она впервые положила его руку себе на грудь, открыто приглашая приласкать ее, он чуть не получил инфаркт. Первый опыт всегда остается в памяти, и Хубило мог вспомнить те минуты во всех подробностях, и та упругая, нежная девичья грудь очень отличалась от пышных округлых форм, ныне принадлежавших его беременной жене.

Познавая свою жену, он получал все большее удовлетворение от близости с нею. Хубило считал себя невероятно счастливым, потому что искусство любви ему довелось постигать в объятиях этой женщины. Вместе с нею он учился целовать, ласкать, действовать языком, проникать… Вместе они доставляли удовольствие друг другу. Для Хубило руки были едва ли не самым важным органом в сексуальной близости. С их помощью можно дать любимому человеку и получить от него невероятное наслаждение. Если пенисом он ласкал влагалище жены изнутри, то руками он мог ласкать все ее тело. Все эрогенные зоны на

теле Лючи были ему прекрасно известны; он до миллиметра точно мог положить ладонь или палец на любую из ее чувствительных точек. Грудь Лючи играла особую роль в их любовном действе. Он знал, с какой стороны она более чувствительна, насколько сильно можно ласкать ее, не причиняя боли, насколько страстно облизывать и прикусывать соски, чтобы ни в коем случае не доставить любимой неприятных ощущений, не ущипнуть такую уязвимую в этом месте кожу.

Неожиданно что-то довольно сильно ударило его по голове. Откуда-то — словно с неба — на него упал мяч, заставив выйти из состояния прострации. Он увидел виновато столпившихся поодаль детей, улыбнулся и вернул им мяч. Ему вдруг стало стыдно не только за то, что он, вместо того чтобы искать работу, сидит себе на скамейке в парке, но и за то, что позволил себе столь откровенные мысли и воспоминания, сидя в непосредственной близости от невинных детей. Чтобы создать впечатление занятости, он попытался сосредоточиться на каком-то кроссворде, но не слишком в этом преуспел. Ему не хотелось, чтобы люди видели его бездеятельным и подавленным. В конце концов, людям свойственно судить о других по их делам или по тому, сколько

те зарабатывают денег. По правде говоря, с обеих этих точек зрения он выглядел весьма неприглядно — этакий, если можно так выразиться, «господин Никто».

Рядом с ним на скамейку присел грязный, одетый в лохмотья человек. Его появление отвлекло Хубило от размышлений. Приглядевшись к незнакомцу, он далеко не сразу узнал в нем Чуэко Лопеса; по всей видимости, тот вконец опустился. Он тоже некоторое время смотрел на Хубило мутными глазами, а узнав, тотчас же бросился к нему, полез обниматься и хлопать его по плечу. К тому же он назвал Хубило «братом по несчастью» — и пригласил его пропустить по рюмочке в ближайшей забегаловке. Честно говоря, Хубило не пришел в восторг от такого приглашения, но делать ему все равно было нечего, и он согласился. Весьма быстро выяснилось, что платить Лопесу нечем, и приглашающей стороной оказался Хубило, но он был вовсе не в обиде. Наоборот, эта встреча помогла ему открыть для себя обезболивающий эффект алкоголя, который произвел на него огромное впечатление.

На некоторое время переживания и грустные мысли действительно покинули его. Он смеялся — чего с ним не случалось уже много дней. Он

забыл про Лючу и ее грудь, про шаловливые ручищи дона Педро, про то, наконец, что сам он оказался в положении полубезработного.

Наверное, излишне будет говорить о том, что с того дня Хубило стал завсегдатаем этого заведения. Несколько рюмок — и жизнь представала перед ним совсем в ином свете. Он снова мог рассказывать анекдоты, шутить, заставлять окружающих смеяться.

Изменения такого времяпрепровождения не заставили себя ждать. Хубило перестал настойчиво искать работу. Здесь, в таверне, он чувствовал себя нужным. Вскоре он стал закадычным другом нескольких пьяниц, с которыми так весело было проводить время по утрам. Проводив Рауля до школы, он прямиком направлялся в любимое заведение, где всегда можно было найти, с кем сыграть в домино, обменяться свежими анекдотами, выпить пару рюмок, разумеется, за женщин. Курить он стал намного больше — до трех пачек в день.

Таверну он покидал только тогда, когда бой часов извещал о том, что пора идти за сыном к школе и отводить его к родителям Лючи. Оттуда Хубило забирал служебный пикап-развозка, доставлявший его прямо к аэропорту и, что нема-

ловажно, всегда вовремя. Здесь Хубило служил радиотелеграфистом. Приезжал он на работу, пропахший алкоголем и табачным дымом, зато в хорошем настроении. Отдежурив положенные часы, он возвращался домой и ложился в кровать к уже спавшей Люче. Обняв ее одной рукой и положив другую на живот, где уже вовсю шевелился их будущий малыш, он ощущал, что жизнь обретает смысл.

Вскоре даже в этой псевдоидиллии начались перебои. То Хубило вдруг отказывался вовремя вставать, мыться, одеваться и завтракать уже одетым, а вместо этого долго валялся в постели и выходил к завтраку в пижаме. То ему вдруг надоедало бриться, и он ходил с многодневной щетиной, то однажды ему расхотелось идти на работу в авиакомпанию, что он преспокойно и сделал.

Любой психоаналитик без труда определил бы у Хубило развитую форму депрессии, но Люче эти научные материи были чужды, и в один прекрасный день она взорвалась. Больше она терпеть не могла! Все это время ей приходилось делать вид, что ничего не происходит. Происходит, еще как происходит! Каждый день ей приходится брать себя в руки и отправляться на работу, где она

вынуждена сносить приставания дона Педро, причем делать это твердо, но вежливо, чтобы не злить его. Ей приходилось терпеть запах алкоголя, которым, казалось, пропиталось все тело Хубило, — несмотря на то, что ее тошнило от этой вони. От нее требовалось есть помногу, зачастую — когда она вовсе этого не хотела, все ради ребенка, которого она носила под сердцем. Этот ребенок не был ни в чем виноват, о его появлении Люча молилась Богу, прося о том, чтобы он появился на свет здоровым, чтобы мимолетное, но от этого не менее омерзительное прикосновение дона Педро никак не сказалось на нем. Все эти мысли она держала в себе, не решаясь поделиться ими с мужем. Она приходила с работы, застилала постель, наводила порядок, готовила Раулю ужин, выкраивала часок, чтобы поиграть с ним, а там пора уже было снова расстилать постель. Долго, очень долго она не жаловалась Хубило на то, что тот не помогает ей по дому: она понимала, какой трудный момент в жизни переживает он. Но теперь ее терпение лопнуло.

Если Хубило и показалось, что молчать и не отвечать на упреки — это самое достойное и приемлемое поведение в подобной ситуации, то на этот раз он убедился в ошибочности такой точки

зрения. Как это — молчать, когда тебе выдвигают такие несправедливые обвинения?! Оба супруга переживали по поводу разлада; дело зашло так далеко, что даже общая постель, снимавшая раньше все противоречия, перестала быть надежным убежищем их близости. Люча должна была вот-вот родить, и именно сейчас Хубило взбрело в голову бросить ту работу, которая у него осталась!

Ссора продолжалась долго. Люча сполна излила все, что у нее накипело, и добилась кой-какого результата. По крайней мере, на следующий день Хубило вышел на службу. Но чуда не произошло, путь его пролег через ближайшую забегаловку, где ему удалось преизрядно «набраться». Люча была в отчаянии. Ей стало понятно, что на Хубило надеяться нельзя, что ей придется рассчитывать только на себя.

* * *

К счастью, вскоре подоспел долгожданный декретный отпуск. Люча перестала ходить на работу, и их отношения с Хубило во многом наладились.

Как только у Хубило появилась возможность дольше видеть, слышать свою жену, прикасаться

к ней, ему сразу же стало легче жить. Ему, без сомнения, было приятнее находиться рядом с ней, чем с друзьями-приятелями в таверне. Вместе с Лючей они ходили на рынок, готовили, встречали Рауля из школы, вместе обедали перед тем, как Хубило уезжал в аэропорт. В его увольнении с телеграфа они даже обнаружили свою светлую сторону. Благодаря появившемуся у Хубило свободному времени по утрам они с Лючей могли снова пожить жизнью влюбленных. Не любовников, конечно, потому что живот Лючи никак не располагал к бурным проявлениям страсти, но именно влюбленных Давно уже их отношения не были такими нежными. Они были вместе и чувствовали себя счастливыми, даже несмотря на то, что Хубило по-прежнему не мог найти себе полноценную работу.

Хубило почти забыл о существовании дона Педро. Это имя в доме старались не упоминать. Тем сильнее был удар, полученный им в тот день, когда один-единственный телефонный звонок напомнил ему о реальности.

Хубило сходил в ближайшую пекарню за лепешками, вернулся домой и, проходя по коридору, заметил, что Люча, сидевшая в спальне, разговаривает по телефону. От его внимания не

ускользнуло то, насколько напряжена и скована была при этом его жена. Чтобы не показаться нескромным, Хубило проследовал дальше, в столовую, но постарался, насколько это возможно, уловить хотя бы фразу из того, что говорила Люча. Когда она зашла в столовую, Хубило уже заканчивал накрывать на стол. Рауль мылся в ванной. Хубило почему-то был уверен в том, что телефонным собеседником жены был не кто иной, как дон Педро. Тем не менее вопрос он постарался задать как можно более спокойно и даже небрежно:

— Кто звонил?

— Дон Педро.

— Что ему нужно?

— Ничего. Просто хотел узнать, как я себя чувствую. Еще он спрашивал, решили ли мы с тобой, кто будет крестным малыша.

— Ну и ну. И что ты ему ответила? Неужели он думает, что может быть крестным отцом нашего ребенка?

— Похоже, что так…

— Надеюсь, ты сказала ему, что это невозможно?

— В открытую — нет. Я сказала, что мы еще не решили, что мы думаем и что я должна посовето-

ваться с тобой.

— Нет, это уж слишком! Я знал, что он проходимец и мерзавец, но додуматься до такого!..

— Тише, дорогой, Рауль услышит.

— Да пусть слышит! А ты? Ты, Люча, почему ты не сказала ему «нет»? Почему сразу не оборвала его? Что — захотелось стать его родней? Соскучилась?

— Да нет же! Нет. Я на дух не хочу подпускать его к своему ребенку, но и хамить ему тоже не следует…

— Ах да, конечно. Этот почтенный господин заслуживает нашего глубочайшего уважения.

— Нет, Хубило, ты не прав. Просто я не вижу смысла ссориться с ним. Как ни крути, он мой начальник, и мне с ним еще работать. Не забывай, через несколько месяцев мне снова придется видеться с ним каждый день, и будет лучше, если наши отношения останутся ровными.

— Удобный ты нашла момент напомнить о том, что ты единственная, кто в нашей семье работает.

— Ну что ты! Я совсем не хотела тебя обидеть. Не придумывай!

— Мама, что случилось?

Появление встревоженного Рауля заставило

родителей взять себя в руки и прекратить разговор на повышенных тонах. Но это не смогло воспрепятствовать тому, что после завтрака Хубило вышел из дома и вернулся лишь к четырем часам утра — уже после того, как у Рауля появился маленький братик.

Из всех достоинств и отличительных черт нового члена семьи Чи самым заметным был голос. Этот младенец орал день и ночь и к тому же превратился в главное испытание для проверки способностей Хубило устанавливать особую связь со всеми вокруг. Он, умевший в два счета понять, чего хочет любой расхныкавшийся младенец, вставал в тупик перед тем, на что жалуется его собственный беспрерывно нывший ребенок. Правда, можно сказать, что Хубило был единственным, кому вообще удавалось хоть как-то успокоить Рамиро. С Раулем все было намного легче: у Хубило не было ни малейших трудностей в том, чтобы определить, пора ли покормить расплакавшегося малыша или же ему надо поменять пеленки. С Рамиро этот номер не проходил. Понять его скрытые за криком просьбы оказывалось для Хубило ничуть не легче, чем принять телеграмму, отправленную на русском языке. Порой он по полчаса не мог выяснить, что

тому было нужно. На первый взгляд — недолго, но тот, кто хоть раз находился рядом с кричащим во всю глотку младенцем, поймет, что это ой как немало.

Лючу Рамиро изматывал сполна, и она была очень благодарна Хубило за то, что тот тратит столько сил на ребенка. Поначалу она думала, что он делает это из чувства вины, желая заработать прощение за то, что не был дома, когда она рожала, но вскоре стало ясно, что он искренне радуется рождению малыша и всерьез озабочен тем, чтобы установить наконец с ним такой же контакт, какой у него был с маленьким Раулем. Хубило пел малышу колыбельные, носил на руках, ласково гладил, пытаясь успокоить, но по большей части безрезультатно — ребенок продолжал плакать. Рамиро появился на этот свет без инструкций по пользованию и настройке, и Хубило пришлось полагаться на свой инстинкт и следовать опыту предков в осуществлении своих родительских обязанностей.

Чтобы понять этого ребенка, ему приходилось действовать методом проб и. ошибок. Весь дом жил в ритме, определяемом непредсказуемым и плаксивым Рамиро. Пока он спал, все старались воспользоваться минутой тишины, чтобы

тоже вздремнуть. Стоило же ему проснуться, как об этом тотчас узнавал весь разбуженный дом. Спать под его плач было невозможно. Легкие малыша и его голосовые связки выдавали такие децибелы звука, что закладывало уши не только у домашних, но даже соседи позволили себе тактично выразить свое недовольство, поинтересовавшись, хорошо ли семья Чи кормит малыша и не болеет ли он. Но самое удивительное заключалось в том, что по всем признакам малыш был здоров. Он прекрасно видел и слышал, подавал голос — это было уже всем известно, — а его движения и рефлексы полностью соответствовали уровню развития для его возраста. Пеленки он пачкал также вполне исправно — не меньше и не больше других. В общем, ничто не указывало на какие бы то ни было отклонения. Проблема явно крылась в чем-то другом, но никто, даже Хубило, не мог понять, где и как искать ее решение.

Наконец, проведя немыслимое количество экспериментов, наблюдая за тем, как его сын реагирует на различные раздражители, Хубило пришел к выводу — ребенку не нравится запах алкоголя!

Свет пролился на проблему в одно воскресное утро, когда к ним в гости, а заодно и с профес-

сиональным визитом, заглянул Хуан. Хубило держал Рамиро на руках, и малыш был абсолютно спокоен, но только до тех пор, пока Хубило не вознамерился присоединиться к Хуану, с тем чтобы выпить по рюмочке текилы. Что тут началось: ребенок закричал, замолотил ручками и ножками, задрожал, будто увидел перед собой чудовище! Он словно знал, что именно спиртное стало причиной того, что отца не было рядом в момент его появления на свет, словно боялся, что оно сможет когда-то вновь разлучить их.

Сделав это открытие, Хубило перестал пить. На какое-то время это не только успокоило ребенка, но и наладило жизнь в семье. Рамиро стал чаще улыбаться и превратился во всеобщего любимца В общем, эти месяцы протекли так счастливо, что, когда пришло время Люче вновь выходить на работу, они с Хубило немало огорчились. Хорошо еще, что Хубило по-прежнему работал лишь вечерами, и Люча могла со спокойной душой оставлять ребенка дома, с любящим и заботливым отцом. После обеда, когда Хубило нужно было ехать в аэропорт, он оставлял и Рауля, и Рамиро у родителей Лючи, откуда она их и забирала по пути со службы. Несмотря на все заботы и не совсем обычный распорядок жизни,

они смогли приноровиться к нему и даже прожили некоторое время в полном покое — до тех пор, пока трагическая случайность не изменила их жизнь, не сломала ее куда сильнее, чем это сделало рождение Рамиро.

Работа Хубило в Мексиканской авиакомпании состояла в установлении и поддержании связи с летчиками с помощью радиотелефона Это было нужно для того, чтобы передавать пилотам сведения о погодных условиях, о наличии свободных полос для взлета или посадки, а также для получения информации о местоположении самолета в воздухе.

Однажды, когда Хубило болтал с одним из летчиков — своим старым добрым приятелем, связь внезапно пропала. Самолет только-только взлетел, и Хубило попытался восстановить ее, но безуспешно.

Через некоторое время самолет разбился. Погибли пассажиры и пилот. Хубило не только тяжело переживал эту трагедию, но почему-то и чувствовал себя виноватым. Хотя с любой точки зрения — юридической или просто человеческой — он был ни при чем. В том, что пропала связь с самолетом, виноваты были пятна на Солнце.

Вернувшись в ту ночь домой, он обнаружил, что Люча крепко спит. И как бы ему ни хотелось пожаловаться ей, поделиться своей бедой, он решил не будить и не волновать ее. Сам он не спал всю ночь, а наутро не смог даже толком поговорить с женой. По утрам был заведен такой распорядок: Люча кормила грудью Рамиро, готовила Раулю завтрак и приводила себя в порядок перед работой. На долю Хубило выпадало поменять малышу пеленки, замочить их и вымыть посуду после завтрака. Как ни крути, а найти свободную минутку, чтобы поговорить друг с другом, при таком расписании не удавалось. Зато, как только Люча с Раулем ушли, а Рамиро заснул, у Хубило появилось время на то, чтобы подумать о случившемся. Трагедия снова навалилась на него всей тяжестью. Он позвонил на работу и сказал, что заболел. Работать в таком состоянии было действительно невозможно. Хубило хотелось поговорить с кем-нибудь, излить душу. Но прежде чем направиться в таверну, он выждал несколько часов и договорился с одной из родственниц о том, что та посидит с детьми после обеда, пока он встретит Лючу с работы и сводит ее куда-нибудь поужинать. Летиции эта просьба не показалась странной. Как-никак это был день рождения Лю-

чи, и она сочла вполне естественным, что Хубило решил отметить эту дату.

В Управлении телеграфа тоже готовились поздравить Лючу, но, желая сделать ей сюрприз, до поры до времени старательно делали вид, что не догадываются о ее сегодняшнем дне рождения.

Дон Педро придумал оригинальный способ поздравить свою секретаршу. Еще утром он вызвал ее к себе и абсолютно деловым тоном попросил помочь в одном весьма деликатном деле. По его словам, ему нужно было сделать подарок одной важной даме, а поскольку из всех знакомых ему женщин у Лючи был самый хороший вкус, он счел возможным попросить ее сходить с ним во время обеденного перерыва в ближайший универмаг, чтобы выбрать подходящую вещь.

Для Лючи не составило большого труда выбрать элегантную маскаду отличного качества[14]. Дон Педро попросил, чтобы ее празднично упаковали. Покупка заняла считанные минуты. По дороге обратно, перед тем как перейти улицу, дон Педро взял Лючу под руку. В этот миг из-за угла вышел Хубило, глазам которого предстала внешне довольная и уж по крайней мере вполне

---

[14] Примечания: 14
Большой шелковый платок.

беззаботная парочка. Дон Педро к тому же нес в руках подарочную коробку, украшенную большим красным бантом.

Хубило не стал сразу заходить в Управление, а решил немного прогуляться, чтобы успокоиться и прийти в себя после увиденного. Устраивать сцену ревности на глазах у знакомых ему не хотелось. Впрочем, меры предосторожности оказались бесполезными. Стоило ему, войдя в зал, увидеть Лючу, примеряющую платок, а на ее столе — ту самую коробку, которая только что была в руках дона Педро, как вспышка гнева ослепила его.

Стараясь сохранять хотя бы внешнее спокойствие, он поинтересовался у Лючи, кто сделал ей такой подарок. Та, не желая его огорчать, ответила, что Лолита. Она не видела смысла в том, чтобы повторять имя дона Педро, как и в том, чтобы напоминать Хубило, что сегодня ее день рождения, а он пока не только ничего не подарил ей, но даже не поздравил. У Хубило это действительно вылетело из головы, что в общем-то и неудивительно, — после трагедии, пережитой им накануне. Впрочем, даже если бы бессонная ночь и чувство вины не затмили его память, все, что он мог бы себе позволить, — это купить

Люче цветы, но никак не подарить что-то ценное. Он и в лучшие-то времена не был сторонником таких проявлений чувств, в отличие от Лючи и дона Педро. Привыкшая с детства к дорогим подаркам на дни рождения, она не могла не быть признательной своему начальнику, сумевшему перехитрить ее и преподнести подарок, который она, не зная того, сама себе выбрала.

Для Хубило же это служило неопровержимым доказательством того, что дон Педро снова подбирается к его жене, но это было бы еще полбеды. Самое страшное заключалось в том, что на этот раз Люча, похоже, была готова принять его знаки внимания. Иначе зачем ей было скрывать от мужа, что начальник по работе преподнес ей подарок на день рождения?

Ему и в голову не пришло, что радость, написанная на лице Лючи, относилась не столько к полученному презенту, сколько к тому, что Хубило зашел к ней. По всей видимости, с приемным аппаратом Хубило что-то случилось. Его разум перестал правильно применять ключи и коды, в результате чего принятые сообщения превращались в бессмысленную мешанину слов и чувств, которые он пытался истолковать по своему разумению. Прежде, когда мозг его дей-

ствовал правильно, Хубило не составляло труда разобраться в истинных причинах того, почему один человек говорит другому: «Я тебя ненавижу» вместо «люблю». Но в тот день он, не разобравшись, неправильно истолковал посылаемые ему Лючей сигналы. Для него Люча превратилась в некую «Энигму», шифровальную машину, разработанную немцами во время Второй мировой войны для передачи секретных сообщений.

Известно, что радио часто используется в вооруженных конфликтах как эффективное средство ведения войны. С его помощью можно передавать находящимся на передовой войскам приказы, правда у него есть один недостаток: сигналы могут быть легко перехвачены противником. Для этого всего лишь требуется приемник, настроенный на ту же частоту.

Немецкие войска, верные своей дисциплине, имели обыкновение передавать донесения командованию в одно и то же время. Это только помогло союзникам установить едва ли не тотальное прослушивание всех сообщений. С целью избежать этого немецкие ученые изобрели специальную шифровальную машину, суть работы которой состояла в том, чтобы заменять одну букву на другую. В ней использовалась клавиату-

ра обычной пишущей машинки, но при каждом нажатии все буквы заменялись другим знаком с помощью двадцати шести вращающихся цилиндров, имевших тысячи вариантов сочетаемости. Для того чтобы расшифровать такое сообщение, необходимо было знать, в каком положении находились барабаны в начале передачи, что являлось практически невозможным.

При сотрудничестве многих талантливых математиков удалось разработать аппарат, сходный с немецкой «Энигмой», способный расшифровывать такие сообщения. Затем последовал черед механизма под названием «Рыба», созданного специально для ускорения составления и декодирования шифров. После окончания войны эти разработки послужили развитию электронно-вычислительных машин.

Можно смело утверждать, что мозг Хубило предел являл собой подобный криптографический механизм высочайшей сложности. Просто в результате какой-то поломки он перестал правильно расшифровывать полученные сообщения. Вот и сейчас — его супруга радовалась ему, а не подаренному платку. Разница была огромной, но он не смог разглядеть ее. Случилось так, что второй раз в жизни личные беды Хубило

совпали по времени с пиком солнечной активности, пятна сплошь покрыли поверхность светила, от чего страдал не только его приемный аппарат, но и все радиокоммуникационные системы. Последствия этого космического явления оказались для Хубило катастрофическими.

К счастью, реакция Лючи на неожиданное появление мужа была настолько искренней, что ей удалось победить сжигавшую Хубило ревность. Обняв и расцеловав его, она взяла инициативу в свои руки и, желая смягчить постыдную забывчивость мужа, воскликнула:

— А я так и знала! Не мог же ты забыть про мой день рождения!

Хубило словно проснулся. Ведь он действительно забыл о том, какой сегодня день! Ничего себе — забыть о таком событии! Начиная с того дня, когда Люче исполнилось тринадцать, они всегда праздновали день ее рождения, и хотя настроение Хубило вовсе не располагало к веселью, он взял себя в руки, постарался забыть о своих бедах и ревности, чтобы не портить Люче праздник. Более того, он сумел найти в себе силы изящно поздравить ее и достойно отметить событие. Он пригласил ее в «Кафе Такуба», и этот ужин стал для них настоящим афродизиаком.

Это кафе было страницей истории их отношений… Именно здесь когда-то Хубило попросил Лючу стать его женой, именно здесь она сообщила ему, что он скоро станет отцом второго ребенка. Сидеть в том же зале, за тем же столиком, видеть тех же официантов — все это подействовало на Хубило успокаивающе и позволило ему вновь обрести привычное настроение. Он рассказал Люче о трагедии, случившейся у него на работе, и получил от нее всю возможную поддержку и сочувствие. Стоило взять в ладони ее руку, как яркий свет хлынул ему в сердце, осветив самые дальние уголки его души и разума.

Понемногу между ними закружила любовная энергия. Пришлось даже поскорее закончить ужин и поторопиться домой. Им не терпелось предаться радостям объятий. Подарком Хубило на день рождения жены стала ночь любви — лучшая за всю ее жизнь! Это было каким-то колдовством. Никогда раньше физическая близость не доставляла им такого удовольствия.

Утро они встретили полными сил, несмотря на то что не спали почти всю ночь и тела их были измучены. Люча поспешила привести себя в порядок, чтобы не опоздать на работу. Как обычно, оглядев шкаф, она постаралась выбрать такую

одежду, в которой меньше могла бы привлечь сальные взгляды начальника. Подарив Хубило напоследок долгий поцелуй, она выбежала из дома. Хубило предстояло заняться Раулем и Рамиро.

С этого момента цепочка невероятных событий привела их семью от вершины счастья к адским мучениям.

Хубило не спал уже две ночи кряду. Первую он провел без сна, переживая из-за катастрофы, случившейся с самолетом, вторую — предаваясь любви. Причем вторая оказалась настолько бодрящей, что придала ему сил отлично отдежурить и не чувствовать усталости почти целый день. Его батарейки зарядились настолько основательно, что первые признаки утомления он уловил уже поздно вечером, на пороге дома.

К его немалому удивлению, ему навстречу вышла не Люча, а ее мать, которая постаралась как могла связно объяснить ему, что Люча позвонила с работы и сказала, что не сможет забрать детей. Она попросила маму отвести их вечером домой и объяснить Хубило, что ей придется задержаться допоздна, потому что на работе у нее возникло срочное дело. Хубило это изрядно удивило. Сколько он ни пытался вспомнить, какая

же из нештатных ситуаций в Управлении могла потребовать присутствия личной секретарши директора, — в голову ему ничего не приходило. Он поблагодарил тещу за участие и заботу о детях и стал укладывать малышей. Когда они уснули, он лег на кровать и включил радио. Голос Августина Лары заполнил комнату:

Свет моей жизни,
глаз моих нежных,
как я хочу твое тело ласкать.
Крылья сегодня мои надломились,
у твоих ног я сложу их опять.

Образ Лючи, лежащей на кровати раскинув руки, тут же всплыл в его памяти. Он представил ее себе такой, какой она была накануне: горячей, страстной, переполняемой любовью. Чего стоил один ее взгляд в ту ночь! Нет, какая все-таки удивительная у него жена!

Вот только — где же она? Почему не позвонила? Почему не звонит сейчас? Он начал не на шутку волноваться. Вскоре раздался телефонный звонок. Звонила мать Лючи, которая тоже беспокоилась по поводу ее столь долгого отсутствия. Никогда раньше ее дочь так не поступала. Хубило почему-то ответил, что Люча уже вернулась, но

подойти к телефону не может, поскольку кормит Рамиро. Таким образом он хотел не только успокоить тещу, но и сделать так, чтобы она больше не звонила, потому что звук телефонного звонка только нервировал его. А нервы у него и так были на взводе. Чтобы отвлечься от тревожных мыслей, он опять прислушался к песне, что звучала по радио.

Ты скажи: твой цветник для меня расцветал,
подари мне надежду, что встречусь с тобою,
ты скажи, что тебя я не потерял,
подари мне минуту покоя.
А над домом моим в темном небе луна,
в целом мире один — я страдаю без сна,
ты поверь, что тебя я и правда люблю,
ты поверь: у меня ты одна.[15]

А Хубило и без того только и думал о Люче. Музыка была для него лишь предлогом оживить

---

[15] Примечания: 15
Перевод стихов В. Андреева.

в памяти предыдущую ночь, ведь именно под эти нежные звуки они любили друг друга.

Люча. Где она? Думает ли о нем? Сколько он ни пытался гнать от себя дурные мысли — все было напрасно. То, что она не звонила, казалось таким подозрительным. Единственное, что могло помешать ей, это серьезная авария или… или же дон Педро пригласил ее куда-нибудь.

Нервы Хубило были напряжены до предела. Чтобы успокоиться, он стал курить сигареты одну за другой, а когда они кончились, решил прибегнуть к испытанному средству — алкоголю. Надо же было такому случиться, что именно в этот момент Рамиро проснулся. Вовремя не покормленный и не обнаруживший поблизости матери, малыш, естественно, заплакал. Хубило решил дать ему рожок с молочной смесью, а пока тот разогревался, взял Рамиро на руки и стал баюкать его, чтобы сын успокоился и не разбудил Рауля. Получилось же все наоборот: едва ощутив исходивший от отца запах спиртного, Рамиро раскричался во всю мочь, и уже ничто не могло заставить его успокоиться. Хубило пришлось вылить на себя лосьон, почистить зубы, множество раз прополоскать рот и съесть кучу мятных лепешек, чтобы спустя несколько часов ребенок

наконец снова уснул. Уложив его в колыбельку, он вернулся в спальню и прилег на кровать. Спиртное в сочетании с усталостью после двух бессонных ночей возымели свое действие, и он провалился в сон — ненадолго, на каких-нибудь полчаса, но этого времени хватило, чтобы Рамиро, проснувшись, натянул на себя одеяльце, которым укрыл его отец, каким-то образом плотно завернулся в него и задохнулся.

Хубило проснулся от криков Лючи. Вернувшись домой, она, прежде чем лечь спать, подошла к малышу поцеловать его на ночь и обнаружила, что тот мертв.

Еще ничего не понимая, оглушенный криками и рыданиями Лючи, Хубило сумел только спросить:

— Что случилось?

— Рамиро умер!

Разум Хубило отказывался воспринять это известие. Машинально он подошел к Люче, колотившей кулаками по стене, и взял ее за руки, чтобы та не поранилась. Сначала она позволила обнять себя и даже беспомощно прижалась к мужу, но тут до нее донесся печально-знакомый запах, пусть и приглушенный мятой и лосьоном. Она тотчас же оттолкнула Хубило, закричав:

— Ты пьян?! Ты напился и поэтому не услышал ребенка!

Люча излила свой гнев на Хубило и принялась безжалостно бить его. Хубило даже не пытался сопротивляться или увернуться. Он чувствовал себя виноватым и понимал, что заслуживает наказания гораздо более сурового, чем эти удары. Но при всем том вина казалась столь велика, что он не смог взять ее на себя целиком и в какой-то момент, не выдержав, бросил в лицо Люче:

— А ты, ты где была? Почему ты не услышала посреди ночи, как задыхается твой ребенок? Где ты шлялась и с кем?

Люча даже перестала плакать. Она не могла поверить своим ушам. Этого просто не могло быть: чтобы Хубило сказал ей такое, да еще в этот страшный момент — нет, это невозможно! Она медленно отстранилась от него, вышла из комнаты и заперлась в ванной. По пути она обняла и взяла с собой Рауля, который, стоя на пороге своей комнаты, с ужасом слушал, что происходит у родителей. Дверь в ванную Люча заперла на щеколду. Она не хотела видеть Хубило, не хотела говорить с ним. Уже не было смысла объяснять ему, что случилось и почему она вернулась домой так поздно. Не хотела она сейчас рассказывать о

том, что дон Педро изнасиловал Лолиту и ей пришлось отвезти коллегу к врачу, а потом побыть с ней рядом, чтобы та хоть чуть-чуть пришла в себя и успокоилась. У Лючи не было сил говорить. Более того, она была уверена, что с этого дня ей не о чем говорить с Хубило вообще.

Смерть сына опустошила жизнь Хубило. Что может быть страшнее и бессмысленнее одновременно — потерять ребенка, не услышав, как он задыхается в нескольких шагах от тебя!

Он, считавший себя созданным для того, чтобы слышать все — от грохота до едва заметного шороха, — не услышал того, что касалось его лично.

Он, гордо заявлявший, что для него тишины не существует, оглох на несколько минут, и эта глухота привела к трагедии.

Он, как никто знавший, что, как бы тихо ни было вокруг, всегда остается звук бьющихся сердец, движения планет, идущих по своим орбитам, дыхание, шелест растущих трав и деревьев, — он ничего не услышал!

Он ничего не услышал! Ничего!

Еще в детстве Хубило убедился в том, что не всем людям дано слышать то, что слышит он. Существует много шорохов, шепотов, скрипов

и прочих шумов, неуловимых для большинства людей, но являющихся для него самыми обыкновенными звуками.

Для Хубило не составляло труда даже услышать, как перебирают лапками насекомые. Когда его приводили на берег моря, он часто спрашивал донью Итцель: «Бабушка, слышишь, как поет песок?» Он говорил о звуке, что издают песчинки, которые ворошит ветер. Такое «пение» можно иногда услышать в высоких дюнах, но никак не на людном пляже, однако для Хубило не оставался секретом даже этот неуловимый речитатив.

Слуховой аппарат Хубило был настроен таким невероятным образом, что мог воспринимать, «слышать» все колебания высокой частоты, недоступные даже современным измерительным приборам. Порой эта способность утомляла его самого, особенно со временем, когда город стал на глазах наполняться непрекращающимся гулом — смесью самых разных механических шумов. Этот фон мешал ему, от него болела голова и резало в ушах, и все — ради чего? Помогло ему это, когда пришла нужда? Он не услышал собственного сына, который, задыхаясь, умирал совсем рядом!

— Папа? Папа, ты меня слышишь?..

— По-моему, он ее не слышит.

— Вы не давали ему успокоительное?

— Нет, только одну таблетку обезболивающего, у него желудок разболелся. Потом он уснул.

— Папа, папочка, просыпайся. Мама пришла, она хочет тебя видеть…

Дон Хубило тотчас открыл глаза. Что? Что ему сказали? Люча здесь? Его сердце бешено забилось, а желудок снова дал о себе знать острой болью. Но все это неважно. Сколько же лет он ждал этого момента!

Льювия тоже была поражена случившимся. Сколько раз она просила мать встретиться с отцом — все было напрасно, она отказывалась наотрез. Уже одно то, что мать сама пришла к ней в гости, да еще без предупреждения, казалось невероятным событием. Насколько Льювия помнила, ее родители не разговаривали со дня ее свадьбы, а значит, уже тридцать лет. И сколько она себя помнила, их отношения были натянутыми, холодными. Они даже спали в разных комнатах. Как-то раз Льювия спросила отца, почему он не развелся с мамой, и он ответил, что в те времена мужчина не мог рассчитывать на то, чтобы дети остались с ним, а он не хотел с ними расставаться. Льювии такое объяснение не показалось убедительным, но настаивать она не стала.

Как бы странно это ни звучало, но Льювия была убеждена в том, что родители не смогли найти в себе сил разорвать эту странную связь только потому, что, несмотря на все внешнее отчуждение, энергия любви продолжала перетекать от одного из них к другому и обратно. Как бы ни было, Льювия благодарна судьбе за то, что та позволила ей расти с отцом. А то, что отношения родителей казались кому-то странными, — так это их дело.

И если так получилось, что именно на ее свадьбе родители виделись в последний раз, то теперь она считала настоящим подарком судьбы и добрым знаком то, что встретиться вновь им выпало в ее доме.

Наскоро показав маме, как можно общаться с отцом при помощи компьютера, Льювия отошла к двери и сказала:

— Ну ладно, мне кажется, вам есть что сказать друг другу.

На что ее мать, кивнув, ответила:

— Да, очень многое.

И, уже закрывая за собой дверь, Льювия услышала, как мама, обращаясь к отцу, произнесла:

— Я возненавидела свою ненависть к тебе.

IX

Люча пришла на работу, немного опоздав, но — счастливая, еще не зная о том, что этот день станет последним по-настоящему счастливым днем в ее жизни.

С этого дня всему суждено было пойти по-иному, но утром еще ничто не предвещало перемен. Какое там! Люча не только не ждала ничего плохого, но наоборот, мир виделся ей в розовом свете, сверкая при этом своими лучшими гранями, как настоящий бриллиант. Она была по уши влюблена в своего собственного мужа — и это после десяти лет совместной жизни! Кто бы мог подумать! И кто бы мог предположить, что после стольких лет можно любить друг друга словно впервые. Хубило был действительно идеальным партнером. Прошлой ночью они изобрели такие позы для любви, до которых далеко было самой «Камасутре». Одна такая ночь стоила десяти лет нехватки денег. Ни одна из проблем и сложностей, вставших перед Лючей и Хубило, не смогла хоть как-то омрачить ее состояние бесконечной влюбленности. Даже появившаяся у Хубило в последнее время тяга к спиртному не

казалась Люче неразрешимой проблемой. Она прекрасно понимала, что он прибегает к этому «обезболивающему», чтобы хоть на время забыть о своих трудностях, ведь для такого человека, как он, сознание того, что ты не можешь прокормить семью, должно быть сущей пыткой.

Порой ей даже становилось неловко за то, что она требует от Хубило столь многого. Она только пыталась объяснить ему, что деньги интересовали ее не ради денег как таковых, а ради той достойной жизни, которую можно с их помощью обеспечить своей семье, своим детям.

Не одна она сомневалась в правильности своего поведения. Время от времени Лолита набиралась смелости и тактично замечала ей, что она, мол, слишком часто напоминает Хубило о недостатке денег и вообще предъявляет к жизни завышенные требования. Люча не обижалась. Она прекрасно понимала, что подруга говорит это из лучших побуждений, искренне и в соответствии со своими представлениями о жизни.

Лолита была из числа тех вечно страдающих женщин, которые давно уже смирились с такой судьбой. Она первой приходила на работу и уходила позже всех. Работала честно, добросовестно и незаметно. Никогда не позволяла себе

безрассудных поступков или вызова общепринятым нормам поведения. Она была скромна, тиха, робка и очень, очень хорошо воспитана. Ей так хотелось сделать что-нибудь доброе всем вокруг, произвести на окружающих благоприятное впечатление, что она сто раз продумывала каждое слово перед тем, как что-то сказать, — из-за страха, что одна небрежно брошенная фраза может навсегда испортить добрые отношения с человеком.

Отец бросил ее и ее мать, когда она была еще маленькой. С тех пор она так боялась, что ее оставят еще раз, и во избежание этого была готова на все, на любые унижения и обиды со стороны мужчины. Тем не менее ее стремление понравиться и ни в чем не противоречить мужчине не достигало своей цели. Наоборот, мужчины сторонились ее. У нее никогда не было своего молодого человека, а влюблялась она всегда в тех, которые не могли ответить ей взаимностью.

Люча любила Лолиту и относилась к ней с огромным уважением, несмотря на то что прекрасно знала: та испытывает безнадежные платонические чувства к Хубило. Ей и в голову не приходило ставить это Лолите в вину. Что здесь такого, думала она, если Хубило — такой человек,

не любить которого просто невозможно? Когда они работали вместе, все трое, Люча порой тайком ловила взгляды, которые — тоже украдкой — бросала на Хубило ее подруга. И она не обижалась, скорее наоборот, испытывала гордость. Вот почему она принимала то, что подруга готова во всем защищать Хубило, всегда вступаться за него при любом конфликте, возникавшем между ним и Лючей.

Люча привыкла считать Лолиту своей союзницей и радовалась, что та настолько серьезно относится ко всем ее делам. Единственное, в чем они часто не могли прийти к согласию, — это в разговоре о деньгах. Лолита никак не могла понять отношения Лючи к семейной экономике. Та же, в свою очередь, воспитанная родителями с должным и трезвым пониманием того, что за деньги можно купить едва ли не все в этом мире, не могла согласиться с иной точкой зрения. Она знала цену деньгам, умела и любила их тратить. Она просто нуждалась в комфорте и материальном достатке. Ведь так выражалось стремление Лючи обрести уверенность в надежности ее существования. Она знала, что для этого человеку нужен дом — теплый, надежный, уютный в любую погоду. Дом стоил денег. Денег стоило

и хорошее образование, которое она считала необходимым дать своим детям. В свою очередь, они, получив образование, смогут потом лучше устроиться в жизни, занять в ней более достойное место и, таким образом, обеспечить уверенность и стабильность себе и своим будущим семьям. Ведь именно из-за отсутствия привычного ей с детства комфорта она чувствовала себя такой беззащитной в первые месяцы после свадьбы. Она впервые узнала, что такое нужда, и это ощущение изрядно напугало ее. К счастью, она вскоре обрела уверенность в том, что никогда в жизни не встретит более достойного ее любви человека, чем Хубило, и, поразмыслив, решила внести свою лепту в семейное благополучие.

С тех пор как она начала работать, дела пошли лучше. Люче казалось, что семья стала крепкой, как никогда раньше. Она видела, насколько Хубило стал уверенным, когда нашел для себя возможность приработка. Что же касается «домашней экономики», то тут ее помощь заключалась в том, что Хубило мог не волноваться: ни один сентаво из заработанных денег не был потрачен без толку.

Вот почему, покупая какую-то вещь, Люча всегда старалась сделать так, чтобы покупка была

удачной со всех точек зрения. Она абсолютно разделяла житейскую мудрость, согласно которой скупой платит дважды. Кроме того, у нее существовала и своя теория о красоте повседневных вещей: она считала, что жизнь в изящной и гармоничной обстановке дает почву душевному и духовному росту человека. А еще у нее был поистине невероятный дар — войдя в магазин, она мгновенно находила в нем самые лучшие и почти всегда дорогие вещи. Вот почему ей не раз приходилось испытывать мучительные переживания, когда, выбрав великолепное платье, она обнаруживала, что стоит оно слишком дорого. Впрочем, частенько, хорошо посчитав и подумав, она все же решалась на рискованную трату, уверяя себя в том, что дешевое — дороже выйдет, как это бывает с недорогой одеждой, которая линяет или садится после первой же стирки.

Если она заглядывала в мебельный магазин, повторялось то же самое. Ей нравилась самая дорогая мебель, сделанная из лучшего дерева и тканей. И опять — опыт подсказывал ей, что такие вещи прослужат гораздо дольше дешевых. Точно такое же отношение у нее было к продуктам и напиткам: по ее мнению, чем лучше и дороже спиртное, тем меньше оно вредит организму.

Этот навык высокой оценки она применяла и по отношению к людям. Увидев Хубило впервые, она сразу же оценила и его внешние данные, и человеческие качества. С тех пор ее оценки — самые достойные по ее системе — только подтвердились. Хубило был умен, чувственен, он обладал замечательным чувством юмора и при этом пользовался им деликатно, в минуты близости он был просто великолепен, в поведении — добр и тактичен, в общем, истинный рыцарь, единственный, единственный в целом мире мужчина, которому она могла подарить свою любовь. Люче было даже немного смешно, когда она догадалась, что Хубило ревнует ее к дону Педро. Да она никогда, НИКОГДА в жизни не унизила бы себя настолько, чтобы заинтересоваться мужчиной столь ничтожных в ее глазах качеств. Дон Педро представлял собой полную противоположность свету и гармонии, которые щедро излучал Хубило. Он был человеком мрачным, некрасивым, невоспитанным, грубым в общении с людьми, жадным, скользким, лишенным морали; он понятия не имел о том, что такое образование, и еще меньше понимал, что такое уважение и должное обращение с женщиной. Менять большее на меньшее, хорошее на плохое — такого за Лючей

отродясь не водилось. И дон Педро — полный болван, если решил, что своим платочком сможет купить ее. Люча была уверена в своем психическом здоровье, а променять Хубило и детей на такое ничтожество, по ее мнению, можно было только в состоянии полнейшего умопомрачения. Он же ноль, пустое место, просто мешок с деньгами. Если бы деньги были единственной целью в жизни, она давно добилась бы своего — дон Педро сыпал бы ей полной пригоршней. Но не этого она хотела. Ее мечта была куда чище и возвышенней. Она желала прожить остаток своих дней рядом с Хубило и сохранить влюбленность на всю жизнь, как удалось сохранить ее вплоть до этого дня, вплоть до сегодняшней ночи! Едва вспомнив о том, чем они с Хубило занимались этой ночью, она покраснела.

* * *

Неожиданное появление начальника вернуло ее к действительности. Дон Педро чувствовал себя оскорбленным. Накануне Люча ушла с работы, не попрощавшись с ним. И это при том, что у нее на шее был повязан подаренный им платок — весьма, между прочим, дорогая вещь. Но более всего его уязвило то, с какой любовью смотрела

Люча на своего мужа. Дону Педро никогда не удавалось поймать на себе подобный взгляд, тем более от такой женщины, как Люча. Он твердо решил добиться своего: эта женщина должна стать его женщиной, она будет принадлежать ему, как только подвернется подходящий случай — совпадут время и место. Ничего, он сполна вернет себе то, что потратил на цветы, конфеты и этот платок!

С точки зрения дона Педро, все женщины были неблагодарными тварями, которые спят и видят только одно — как поживиться за счет мужчины, как заставить его раскошелиться. Он не мог позволить, чтобы к нему относились так потребительски, и считал своим долгом учить всех попадавшихся ему женщин почтению и уважению к своей персоне. Он и так достаточно долго терпел то, что Люча «ломается» перед ним, несомненно набивая себе цену. Больше он ждать не намерен. Он не на шутку разозлился и был готов любой ценой сломить оказываемое ему сопротивление. Более всего его бесила чуть ироничная холодность, которой Люча окатывала его всякий раз при его приближении, умело устанавливая таким образом нужную дист анцию между ним и собою. Он перепробовал все — безрезультатно. Ви-

димо, пора было менять не тактику, а стратегию, чтобы затащить ее наконец в постель. Хватит вкладывать деньги в безнадежное дело. Он больше не собирался терпеть холодное презрение от едва замечавшей его присутствие женщины. К удивлению начальника, Люча даже не обратила внимания на перемену в его отношении. Более того, эта воплощенная неблагодарность позволила себе роскошь опаздывать на работу! Ну, за это он ее наказал, заставив переписывать и править целую гору писем. К концу рабочего дня он подошел к ее столу. Сотрудники уже почти разошлись, зал Управления был наполовину пуст.

— Ну что, закончили?

— Да.

— Ай, Люча, Лючита, вы ведь вчера со мной даже не попрощались. И ушли так рано, а я-то собирался пригласить вас поужинать со мной.

— Благодарю вас, но, как вам известно, я замужем, и мы решили отметить мой день рождения вдвоем с мужем.

— Полагаю, он сумел устроить вам настоящий праздник?

— Да, вполне.

— Он преподнес вам подарок?

— Просто великолепный!

— Лучше, чем тот платок, что подарил вам я?

— Послушайте, дон Педро: этот вопрос говорит лишь о вашем дурном вкусе, и я настаиваю на том, чтобы его при мне не повторяли. Особенно рекомендую вам это, если вы хотите когда-нибудь быть принятым в высшем обществе.

— Ну, вы-то себя считаете настоящей светской дамой.

— Да, так оно и есть. Мне для этого и считать ничего не надо.

У дона Педро просто руки чесались от желания надавать Люче пощечин, чтобы раз и навсегда отучить ее смотреть на него с презрением, с ощущением некоего превосходства, которое она явно испытывала по отношению к нему. Она же в этот момент более всего хотела бросить ему в лицо заявление об уходе. Люча была не из тех, кто готов ходить босиком, раня ноги, лишь бы не попортить обувь. Ну уж нет! Безусловно, положение у нее в семье было далеко не лучшим, но она уже не носила ребенка и легко могла найти себе другую работу, вполне вероятно, учитывая накопленный опыт, выше оплачиваемую, а главное — в таком месте, где ей не придется терпеть приставания негодяев вроде этого. Впрочем, ни один из них не решился поступить так, как им

того хотелось. Дон Педро проглотил оскорбления, развернулся и ушел к себе в кабинет. Перед тем как закрыть дверь, он, не оглядываясь, крикнул:

— Лолита, зайдите ко мне!

Люча, вместо того чтобы закончить работу, отложила нераспечатанные письма в сторону, а сама занялась составлением заявления об уходе. Решение было принято, но выполнять его следовало спокойно, на свежую голову. Вот для чего пригодились и ум, и образование, и воспитание. Дописав заявление, Люча положила его в ящик стола, собрала сумочку и вышла из зала.

Прежде чем вернуться домой, она хотела заехать в «Кафе Такуба» и купить там хлеба местной выпечки, чтобы этот вкус и запах напоминали им с Хубило то, как они накануне поспешили домой, даже не доев заказанный ужин. Не успела она дойти до машины, как вспомнила, что забыла ключи от нее на рабочем столе. Пришлось возвращаться. Впрочем, это не очень расстроило Лючу, она даже порадовалась, что снова стала рассеянной, словно влюбленная девчонка.

Войдя в Управление, она заметила, что уже никого не было. Пустые столы, голые коридоры, тишина. Звук ее шагов эхо разносило по всему огромному залу. За дверью кабинета дона Педро

все еще горел свет. Люча подошла к своему столу на цыпочках, чтобы он не заметил ее возвращения. У нее не было абсолютно никакого желания встречаться с ним един на один, без свидетелей.

Осторожно, чтобы не звякнуть, она взяла ключи со стола и уже повернулась, как вдруг до ее слуха донеслись какие-то странные звуки. Где-то плакала женщина, нет, не где-то, а именно здесь — за дверью кабинета дона Педро. Люча постояла неподвижно, чтобы проверить, не ошиблась ли она. Сомнений не было: стоны и всхлипывания доносились именно оттуда. Собравшись с духом, Люча открыла дверь в кабинет начальника и тут же увидела Лолиту, плакавшую, сидя на полу, поджав колени к подбородку.

Люча подбежала к ней, одновременно с ужасом осознавая то, что здесь произошло. Одежда Лолиты была порвана, на чулках виднелись пятна крови. Увидев Лючу, она подалась ей навстречу, обняла и зарыдала в голос. Сквозь слезы она призналась, что дон Педро изнасиловал ее, при этом она умоляла никому ничего не говорить, потому что ей останется только умереть со стыда, если об этом узнает хоть кто-нибудь, и особенно… особенно Хубило. Люча как могла старалась утешить ее и убедить всеми возможными доводами, чтобы

та тотчас же подала заявление о случившемся в полицию. Лолита наотрез отказалась это делать. Ей казалось, что она не вынесет, если ее позор станет еще и публичным. Тогда Люча попыталась убедить Лолиту хотя бы сходить к врачу, в больницу, но получила столь же решительный отказ. Единственное, на что после долгих уговоров согласилась Лолита, — это съездить к Хуану, семейному врачу и брату Лючи. При этом Лолита умоляла подругу, чтобы та все время была с нею и не оставляла ни на минуту одну, а тем более наедине с мужчиной.

Люча исполнила ее просьбу и не отошла от Лолиты ни на шаг до тех пор, пока та не оказалась в собственной кровати. Матери Лолиты пришлось солгать, сказав, что на нее напали на улице и пытались ограбить, вот почему она вернулась домой поздно и в таком тяжелом состоянии.

Сама Люча вернулась домой едва живая от усталости. То, что случилось с Лолитой, потрясло ее до глубины души. Она даже представить себе не могла, что когда-нибудь в жизни ей придется столкнуться с чем-то более страшным. Но случилось это слишком быстро.

Смерть Рамиро зачеркнула для Лючи все то, что она считала ценным в своей жизни: семью и

любовь к Хубило.

Дон Педро даже не подозревал о том, сколь многого он добился в тот вечер. Он не только лишил Лолиту девственности, но и, сам того не зная, осквернил семейный очаг Лючи, разрушил, перечеркнул ее любовь к Хубило и его любовь к ней. Как же могло получиться, что Хубило упрекает ее в неверности? Ей казалось, что если кто-то и знает ее по-настоящему, так это он, и только он. Только ему она доверяла свои самые сокровенные мысли, чувства, желания, доверяла саму себя. И вдруг она обнаружила, что все это, все семнадцать лет, что они знают друг друга, — ничего не стоят! Одной фразой Хубило сумел покончить со всем, убить наповал ее чувство.

Как же он мог предположить, что она где-то шлялась? Разве он не знал ее? Какой тогда смысл отдавать ему свое тело и столь же доверчиво раскрывать душу?

Ей казалось невероятным, что тот самый человек, которому она верила больше всех на свете и была уверена в том, что он, как никто, любит ее, оказался разрушителем ее мира, всего ценного, что у нее было, всего того, что, как ей казалось, никто не сможет у нее отнять. Было невыносимо больно осознавать, что этот мужчина, этот един-

ственный, отличавшийся от остальных, оказался таким же, как все. Люча решила для себя, что никогда больше не позволит ни ему, ни кому-либо другому оскорблять ее. Она не хотела больше знать ничего, что было бы связано с существами мужского пола.

На следующий же день после похорон Рамиро она потребовала у Хубило развода. Хубило, страшно переживавший смерть сына, попросил ее подождать несколько дней, чтобы он мог принять решение. Люча не желала ни ждать, ни прислушиваться к каким бы то ни было доводам. У нее больше не было сердца, оно легло в могилу вместе с гробиком Рамиро. Ей казалось, что ее сердце убито, застрелено — точно так же, как это произошло с доном Педро.

В тот день первые страницы всех газет были посвящены событию, ставшему главной новостью. Заголовки гласили:

> «Убит любовницей — из того же оружия, из которого когда-то сам убил прежнюю любовницу».

Речь шла о смерти дона Педро от руки таинственной, никому не известной женщины. Вот что писалось в одной из статей, посвященных

этому событию:

«Его главной страстью были петушиные бои и женщины! Директор Центрального Управления телеграфа был найден мертвым сегодня ночью на площади Гарибальди. Жизнь Педро Рамиреса оборвал выстрел из револьвера 44-го калибра. Из этого же револьвера много лет назад он убил одну из своих бывших любовниц, но благодаря большим деньгам и связям быстро вышел на свободу. Его политическая карьера начиналась с нуля. Говорят, что во время гражданской войны он зарабатывал деньги, приторговывая оружием. После революции он занимал множество ответственных управленческих постов; вершиной его деятельности в качестве публичного политика можно считать назначение федеральным депутатом от штата Пуэбло.

Как стало известно полиции, Педро Рамирес вышел из своего офиса в пятницу вечером и вместе с друзьями направился в ночной клуб „Эль Колорин“, расположенный на площади Гарибальди. За

поясом у него был револьвер, тот самый, из которого его застрелили несколько часов спустя. Обслуживающий персонал клуба подтвердил, что дон Педро был постоянным клиентом их заведения, где всегда появлялся в компании женщин. По официальным сообщениям, далеко за полночь Педро Рамирес вышел из клуба и направился в сторону близлежащей гостиницы. Его сопровождали две женщины, с которыми он, по всей видимости, собирался провести ночь. Они сделали всего несколько шагов, когда к ним присоединилась еще одна женщина. Разговор шел на повышенных тонах; во время ссоры, едва не переросшей в рукоприкладство с обеих сторон, раздался выстрел, оказавшийся для дона Педро смертельным. Кто из них и каким образом нажал на курок револьвера — остается неизвестным. Таинственная женщина тотчас же покинула место происшествия. Все произошло настолько быстро, что никто не успел рассмотреть ее. Никто из опрошенных свидетелей раньше ее не видел, по всей вероятности

недалеко от этого клуба она оказалась впервые. Единственное, в чем сходятся все показания, это то, что женщина, судя по добротному гардеробу, выглядела как истинная дама. Разумеется, недостаток информации оставляет широкое поле как для домыслов, так и для различных версий расследования этого убийства».

* * *

Когда умирает ребенок, остается много вопросов. Особенно если родители ощущают себя виновниками этой трагедии.

Что было бы, если бы я не заснул? Спасла бы я ребенка, если была бы дома? Если бы я не пил — мой ребенок мог остаться в живых? Существует ли карающий рок? Что плохого я сделала, чтобы заслужить такое наказание? Способен ли я защитить свою семью, позаботиться о ней? Как простить такую небрежность? Как забыть предательство, как перешагнуть через измену?

У каждого в голове крутились свои вопросы, но оба — и Хубило, и Люча — вдруг поняли, что потеряли доверие друг к другу. Трагедия уничтожила это чувство. Они не могли даже посмотреть друг другу в глаза. Боль от потери сына была невы-

носимой, и каждый одним своим присутствием напоминал другому об утрате.

Некоторые считают, что тот, кто любит, должен уметь прощать. Другие отказываются признать это по той простой причине, что не считают возможным забыть случившееся. Хубило не мог забыть ни того, что на его попечении оставался малыш в ту ночь, ни того, что в ту же ночь некой «элегантно одетой» женщиной был застрелен дон Педро. Со своей стороны, Люча не могла забыть того, что Рамиро умер по недосмотру Хубило, и тем более того, что эта небрежность явилась следствием его пагубной привычки к алкоголю.

Чтобы простить, нужно признаться себе в том, что сделанного не исправишь. Оба они не могли на это пойти, им не позволяло сделать это ощущение собственной вины. Люча сознавала, что, не требуй она от Хубило столь многого, он не сорвался бы, не почувствовал бы себя ненужным и, скорее всего, никогда не стал бы пить. Рамиро умер, потому что Хубило сам уснул мертвым сном, но будь она сама дома — она наверняка услышала бы, как ребенок задыхается, успела бы спасти его.

Хубило, в свою очередь, корил себя за то, что не мог зарабатывать много денег. Если бы не

это, Люче не пришлось бы идти работать, она не познакомилась бы с доном Педро, не попала бы в его сети — как и предполагал Хубило с самого начала.

Только время могло излечить их раненые души, и, чтобы добиться этого, им нужно было сначала развеять сомнения и подозрения, посеянные в их умах смертью сына. Им потребовалось пятьдесят два дня — полный солнечный цикл ацтеков, — чтобы вновь заговорить о том, что произошло в ту ночь, и навсегда покончить с упреками. Но в это время разум ни у одного из них уже не был помутнен горем, все их душевные силы были направлены на то, чтобы попытаться принять то, что принять невозможно, избавиться от чувства вины, попытаться хоть сколько-нибудь трезво существовать с горевшими в памяти воспоминаниями о случившемся.

Вот почему известие о новой беременности Лючи застало обоих врасплох и вызвало новую волну расспросов и подозрений. Оформление развода шло полным ходом, и Хубило посчитал возможным по-своему отнестись к этому событию: по его мнению, заводить ребенка в такой ситуации было не самым верным решением. Мнение Лючи было абсолютно противоположным. Для нее этот

ребенок становился спасением, доказательством того, что любовь все-таки была, что прожитые годы чего-то стоили и что она изо всех сил боролась за свою семью и за свое чувство.

Люча решила, что этот ребенок будет принадлежать ей одной. Она не хотела делить его с Хубило. Чего только она ни делала, чтобы добиться официального развода, несмотря на то что все, даже ее родители, умоляли ее подождать и по крайней мере все хорошо обдумать. Но ей не терпелось получить возможность одной, только одной целовать и держать на руках это дитя — еще не родившийся плод их последней ночи любви, последней ночи перед смертью Рамиро.

Эта новая беременность стала для Лючи знаком того, что судьба начинает понемногу возвращать ей то, что было у нее так безжалостно отнято. По крайней мере, ей хотелось верить, что это так. А если хорошо поразмыслить, то выходило, что ей нужно попросту благодарить богов за то, что они для нее сделали. Для начала с ее дороги убрали дона Педро — чтобы жизнь ее стала хоть немного легче. Этот негодяй заслуживал больше чем просто смерти, но Люча никак не могла понять другого: за что, из каких неведомых ей высших соображений у нее отняли Рамиро, пусть

даже сделав попытку утешить ее, подарив ей еще одного ребенка.

Хубило оказалось очень нелегко согласиться с мыслью, что ему предстоит стать отцом в третий раз. Он был вымотан, измучен и не представлял себе, что у него хватит мужества встретить этого малыша и сказать ему: «Здравствуй, я твой папа. Я дал тебе возможность появиться на свет и теперь должен растить, кормить и воспитывать тебя, но извини, на одно у меня нет денег, а на другое я не гожусь, нет мне доверия. У меня есть обыкновение напиваться и спать мертвым сном, пока мои дети умирают, задыхаясь во сне. По-моему, я тебе не подхожу, я не смогу охранять твой сон, я боюсь, что не смогу тебя уберечь».

В то время Хубило был не в силах позаботиться о самом себе. Он превратился в ходячий мешок сомнений и неуверенности. Страх навредить кому-нибудь заставлял его прятать от всех свое презрение к себе самому, сокращать любое общение с внешним миром, постепенно уничтожать свою личность. Ему было больно просыпаться по утрам. Больно видеть Рауля. Больно видеть Лючу. Больно вдыхать аромат цветов. Больно ходить. Больно даже дышать. Единственное, чего он хотел, — это умереть, разом покончить с фи-

зическим существованием, потому что в душе он давно уже умер. Для этого он решил обосноваться прямо в таверне, остаться там навсегда. Перестать страдать, перестать бороться. Забыть обо всем и обо всех. Единственное усилие, которое от него здесь требовалось, это поднести бутылку ко рту. Днем он пил, а ночью, когда таверна закрывалась, спал прямо под дверью. Он не мылся, не менял одежду, почти не ел и лишь просил милостыню, чтобы продолжать пить.

Его постоянным спутником был Чуэко Лопес. Он стал его учителем жизни на улице. Пока таверна была открыта, можно было пользоваться ее туалетом, чтобы справить нужду. Когда же она закрывалась, им приходилось ходить в туалет в церковь Святого Семейства, где когда-то — много лет назад — венчались Хубило и Люча. Соседи очень расстраивались, видя Хубило в таком состоянии. Все любили его, и наверное, именно поэтому никто не отказывал, когда он просил денег. Помимо обычной симпатии, не было в округе, пожалуй, ни одного человека, который не был бы чем-нибудь обязан Хубило. Вот почему, даже зная, что собранные им деньги пойдут только на выпивку, никто не был в силах отказать ему в паре монет. Зная, что у Хубило

умер ребенок, все признавали за ним право на отчаяние. Кое-кто пытался поговорить с ним, как-то ободрить, помочь ему, но он уже никого не слушал. Его единственным собеседником стал алкоголь. Его физическое и психическое состояние ухудшалось с каждым днем. Чего он только не пережил! На него нападали, били, воровали последние ботинки — а он, похоже, даже не обращал на это внимания. Просыпался он то залитый рвотой, то обделавшись под себя, в лучшем случае — очередной раз избитым. Ступни его были изрезаны в кровь, порезы и шрамы покрывали все тело, да и само его сердце, казалось, непрерывно кровоточило.

Так продолжалось до тех пор, пока не кончился пятидесятидвухдневный цикл. Для ацтеков число пятьдесят два имело особое значение, ибо сумма его цифр давала семь. В году у них было семь таких семерок, цикл из пятидесяти двух лет считался полным циклом жизни.

Эти пятьдесят два дня, проведенные Хубило в пелене алкогольного тумана, стали особой фазой его жизни, пройдя которую он осознал, что на самом деле ему вовсе не хочется умирать. Случилось это в день, когда его разыскал Хуан. Хубило к тому времени уже не мог самостоятель-

но подняться с земли. Он протянул ему руку и прохрипел: «Помоги мне, братишка!» Хуан отвез его в больницу, где Хубило начал потихоньку возвращаться к жизни.

Выздоровление было нелегким и болезненным. Предстояло научиться жить заново, жить, освободившись от ноши страданий. Поначалу самым тяжким испытанием Хубило показалось отсутствие алкоголя в крови. Затем пришел черед других мучений — нужно было заново учиться переставлять ноги, двигать руками, восстанавливать умение владеть своим телом. Но труднее всего оказалось не это, ибо нет задачи сложнее, чем восстановить утраченную семью.

Когда он вышел из больницы, Люча была уже на шестом месяце беременности. К этому времени она нашла себе новую работу в Национальной лотерее, которую решила совмещать с прежней — в Управлении телеграфа. После смерти дона Педро ей уже не было необходимости увольняться оттуда. Выглядела она хорошо, как никогда, и не желала ни знать, ни видеть никакого Хубило. Она порадовалась за нею, когда он стал выздоравливать. Более того, не секрет, что именно она попросила Хуана заняться его спасением, подсказав брату место, где он мог без труда разыскать

Хубило. Сама она узнала об этом его логове от соседей. В общем, она не без интереса следила за тем, как он выкарабкивается из ямы, на дно которой угодил по собственному безволию, и ее вполне устраивало такое положение вещей. Пусть он живет, и живет хорошо, но — подальше от нее и от ее детей.

Хубило пришлось приложить неимоверные усилия для того, чтобы снова встать на ноги, найти работу и главное — убедить свою супругу в том, что он собирается бороться за свою семью, за сохранение их брака даже из последних сил. И теперь ему очень помогли родители Лючи. Если когда-то они и пытались отговорить дочь выходить замуж за Хубило, то теперь готовы были сделать все, чтобы убедить ее простить его и позволить вернуться. За эти годы они полюбили его как сына; он сумел так расположить их к себе, что даже теща стала его верным союзником. Она не уставала защищать и хвалить его и в конце концов смогла убедить Лючу согласиться на встречу и разговор с Хубило, который все еще считался ее мужем по закону, запрещавшему оформление развода во время беременности жены.

Хубило появился перед Лючей, что называется, «при полном параде». Ее родители забрали Рауля

к себе, чтобы супруги могли поговорить друг с другом наедине.

Стоило им увидеться, как их тела встрепенулись и чуть было не ринулись навстречу друг другу с распростертыми объятиями. Но — разум сдержал этот порыв. Хубило сильно похудел, но это лишь помогло Люче вспомнить его таким, каким она увидела его впервые, когда ему было пятнадцать, а ей — тринадцать лет. Сама Люча была просто ослепительно красива, а ее живот прямо-таки сводил Хубило с ума. Они проговорили и проплакали какое-то время, прежде чем Хубило осмелился попросить Лючу показать ему живот. Она расстегнула свой балахон, сшитый специально на время беременности. Хубило восхищенно смотрел на нее, и кончилось все тем, что они оказались в постели в объятиях друг друга.

Пошел сильный дождь, и в комнате запахло мокрой землей. Слушая, как стучат капли по крыше, и обнимая Лючу, Хубило ощущал, что душа возвращается в его тело. Для него дождь становился символом, напоминанием о том, что он уже был практически мертв, что некоторое время назад душа уже покидала его тело и стремилась подняться к небесам, и вот сейчас она снова возвращалась обратно, поближе к земле.

Дождь был возрождением однажды уже испарившихся капель, которые покинули этот мир лишь на время, для того чтобы вновь обрести на небесах свою форму и вернуться на землю. Звук дождя и шевеление ребенка в животе Лючи — лучшей музыки Хубило и представить себе не мог. Ему было ясно, что в этот миг ему даруется еще одна попытка прожить новую жизнь. И на этот раз он не имел права так бездарно проворонить ее.

Любовь, которую Хубило и Люча делили друг с другом, породила жизнь, пульсировавшую сейчас в животе будущей матери. Движения этого существа служили лучшим поводом для того, чтобы, прислушиваясь к ним, пролежать обнявшись чуть ли не весь день, до тех пор пока это сладкое оцепенение не прервали преждевременные роды. Очень быстро на свет появилась семимесячная девочка — настоящий подарок небес.

Хубило назвал ее Льювией и поклялся, что никогда, ни за что на свете не расстанется с нею. Он хотел даровать ей всю свою любовь, чтобы хоть как-то отблагодарить судьбу за каждый день своей новой, великодушно дарованной ему жизни. Он исполнил свою клятву: Хубило прожил в доме Лючи до того дня, когда Льювия вышла замуж.

Эти годы вовсе не были сладкой идиллией. Люче и Хубило так и не удалось полностью восстановить отношения. Дон Педро оставил им в наследство огромную тень, навсегда повисшую в небе над их домом и над местом их работы. Хубило восстановился в Управлении, но атмосфера там была уже не та, что раньше. Что-то страшное произошло в этом здании — это Хубило почувствовал безошибочно. Но что именно — Люча строго хранила свою тайну.

— Почему? Почему ты мне не сказала? Почему молчала столько времени?

Телеграфный ключ стучит почти без остановки. Хубило изо всех сил работает пальцем, но ответа все нет. Слепой, он не отдавал себе отчета в том, что уже стемнело и Люча просто не могла прочитать на экране то, что он ей «говорил».

Неожиданно Люча вскочила со стула и подбежала к двери. Открыв ее, она во весь голос крикнула:

— Амбер, иди сюда!

Льювия вбежала в комнату, встревоженная криками матери. Что с отцом? Может быть, он переволновался и ему стало плохо? Каково же было ее облегчение, когда выяснилось, что она может попросту решить возникшую проблему.

— Дочка, что говорит папа?

— Он говорит, что… должен был защищать и беречь тебя, наполнять твою жизнь смехом и улыбками, но ему не удалось… он просит простить его за то, что не справился… Еще он говорит, что единственным его желанием всегда было — любить тебя, но он не знал, как добиться от тебя ответа. А еще — ты всегда была и будешь той единственной, которую он любил, как мог, всю жизнь…

Дон Хубило сказал не совсем это, но ему очень понравилось, как дочь озвучила его слова. Обратив невидящие глаза к Льювии, он заговорщицки подмигнул ей и притворно глубоко вздохнул.

Наконец-то она позволила себе прямо высказать его желания. И Льювия тоже поняла это. Она ведь ничего не придумала, а лишь повторила вслух то, что слышала много-много раз. Она слышала эти слова в утробе матери, еще не родившись, еще только собираясь появиться на свет. В тот момент, когда эти слова слетели с ее губ, она лишь показала свою верность тому голосу, что столько лет витал на чердаке и в чуланах ее дома, не имея возможности зазвучать в полную силу. И когда она заметила, что глаза матери заблестели — от слез, от счастья ли, — стало ясно, что произ-

несены были верные слова. Ей удалось вернуть к жизни то чувство, что столько времени пролежало похороненным под могильной плитой гордыни и презрения. Впервые за долгие-долгие годы Льювия увидела, как меняется лицо матери, как в ней рождаются новые, незнакомые дочери чувства.

Поначалу ее даже испугала гримаса боли на лице матери, потому что она и представить себе не могла, что та может так сострадать больному и беспомощному отцу. Но теперь, увидев, как загорелись любовью глаза мамы, Льювия поняла, что только что совершила открытие. Открытие куда более важное, чем то, что совершил археолог, раскопавший статую Койольксаухки[16].

Все эти годы мама, оказывается, прятала под бесчисленными слоями масок холодности и равнодушия этот взгляд, полный любви, от которого растает самое черствое сердце! Свет этого взгляда исходил из самой глубины ее сердца. И как же Льювия могла не замечать этого в собственной матери! Оказывается, ощущение, что между ее родителями давно прерваны все невидимые

---

[16] Примечания: 16

Койольксаухки — дочь богини земли в мифологии древних ацтеков. Ее статуя — шедевр ацтекской скульптуры XV в. — выставлена в Национальном музее Мехико.

связи, что между ними не проносится, искря и вспыхивая, энергия любви, — это ее ощущение было глубоко неверным.

В памяти Льювии вдруг всплыл рассказ о том, как в 1842 году Самуэль Морзе открыл беспроволочную телеграфную связь. Оказалось, что нет никакой необходимости всюду тянуть телеграфные провода, потому что электрический сигнал прекрасно передается как по ним, так и без них. Он сделал это открытие в тот день, когда стал свидетелем того, как один корабль разорвал своим килем проложенный по дну реки телеграфный провод, а передача сигнала при этом продолжилась, как будто ничего не случилось.

Увидев, как рука матери находит руку отца и ложится на нее и при этом старики не обмениваются ни единым словом, Льювия осознала, что в бескрайних просторах гигантской резонирующей матрицы, какой является космос, всегда происходит обмен энергией между ее частями. Оставалось только понять, продолжался ли этот невидимый, неосязаемый обмен между ее родителями все эти годы или возобновился только сейчас, когда обострилась их способность ловить самые тонкие энергетические токи. Кстати, именно тяжелая болезнь отца, доставившая ему

столько страданий, помогла Льювии осознать, что сама она обладает этим даром с рождения, ибо он передан ей по наследству. Еще в детстве для нее было огромным утешением почувствовать этот обмен энергией, продолжавшийся несмотря на всю напряженность родительских отношений. И пусть провисли и разорвались давние, казавшиеся такими прочными энергетические нити, некогда связывавшие их, любовь все равно продолжала кружить между ними со скоростью желания! Ей хватило одного взгляда на переплетенные руки родителей, чтобы многое понять. Например, раздражительность матери как следствие постоянной борьбы с желанием обнимать и целовать своего мужа; так она изливала гнев на детей, не имея возможности объясниться с ним.

Поняла она и причину такого сильного пристрастия отца к музыке: в ней он искал хоть какую-то замену так нужной ему ласки Лючи. В одну секунду все обрело смысл; точнее, смысл существовал всегда, но вот открыла его Льювия только сейчас. Как бы она хотела догадаться об этом давно, многие годы назад, но всему свое время, и очень многое в этой жизни нельзя изменить по своей воле. Например, дону Хубило понадобилась целая жизнь для того, чтобы восстановить

разрушенный некогда мост, однако он добился своего — за мгновение до смерти, и это позволило ему уйти в лучший мир со спокойной совестью.

Последний день жизни он провел в коме, не в силах даже пошевелить пальцем, чтобы отстучать хотя бы пару слов по телеграфу. Он дождался Лючи и теперь считал себя вправе умереть. Льювия была уверена в том, что свет, которым загорелись глаза ее матери в тот последний миг, ярко осветил ему путь в далекие, неведомые края. Они попрощались безмолвно, без единого слова, но в большой любви.

* * *

Мудрость людская безгранична. В пословицах и поговорках зашифрованы великие истины, смысл которых дано постичь лишь на личном опыте. Сколько раз я повторяла: «Что имеем — не храним…» — а лишь после смерти отца поняла глубину этих простых слов. Его отсутствие — непередаваемая, неизмеримая для меня потеря. Я не в силах передать то, что обрушилось на меня, когда я осталась одна. Единственное, что я знаю четко, это то, что я теперь не такая, как раньше. Никогда мне уже не быть дочерью дона Хубило. Никогда мне не испытать вновь ощущение того,

что есть на земле человек, который всегда поможет мне, поймет меня и поддержит — что бы ни случилось.

Мне трудно примириться с существованием в мире, в котором нет отца. Он ведь всю мою жизнь был рядом. В счастье и в горе. Если я болела — отец был рядом. Неурядицы в личной жизни — он снова здесь. Поехать куда-то на каникулы — с ним. Сходить на праздник в школу к моим — уже моим — детям, кто же еще, как не он? С деньгами опять худо — отец здесь, рядом. Всегда улыбающийся, всегда внимательный, всегда готовый помочь — чем угодно, будь то отвести внуков в школу или почистить целую миску грецких орехов, сходить со мной на блошиный рынок «Лагунилья» или что-нибудь еще, что придет мне в голову. С той секунды, как он просыпался утром, и до того мига, когда глаза его закрывались и он погружался в сон, отец был готов помогать людям.

Я знаю, что подобные рассуждения — плод моего эгоизма. То, как существовал отец в последние месяцы, трудно назвать жизнью. Он очень страдал. Труднее всего ему давалось то, что он стал зависеть от других. И если говорить честно, смерть стала для него облегчением, особенно — такая смерть. Он скончался, окруженный лю-

бовью, рядом с нами, искренне любящими его, в своей кровати, а не где-нибудь в одиночестве бездушной больничной палаты. Единственное, о чем я жалею, это о том, что не успела свозить его напоследок к его любимому K'ak'nab, тому самому морю у города Прогресо, где он учился плавать. Мы уже стали готовиться к этой поездке, вот только со здоровьем у отца стало совсем плохо — не до путешествий. Но мы надеялись…

По крайней мере, с Солнцем он проститься успел. Утром он попросил меня посадить его у окна, чтобы в последний раз поприветствовать светило. Вечером того же дня он умер.

Исполняя его волю, мы облачаем его в тот самый белый льняной костюм, в котором он танцевал с мамой дансон, и вызываем похоронную службу.

* * *

День был пасмурным, солнце спряталось за тучами. Несмотря на это, мама пришла в темных очках. Было понятно, что она их надела для того, чтобы спрятать воспалившиеся от слез глаза. Это меня нисколько не удивило. Ее боль была знакома и мне. А вот что меня действительно поразило, так это то, что мама назвала меня моим

настоящим именем. Когда мы пошли по дорожке мимо могил, она вдруг крепко взяла меня за руку и попросила: «Не бросай меня, Льювия». Я внезапно ощутила ее маленькой и беззащитной. Какой же одинокой чувствовала она себя, второй раз в жизни потеряв человека, который был ее мужем!

Вернувшись с кладбища, я попрощалась с Лолитой, с доном Чучо, с Нати и Авроритой, а затем закрыла дверь в комнату отца и неделю туда не заходила. Мне было невыносимо больно видеть его пустую кровать, выключенное радио, молчащий телеграф, пугающее своей ненужностью кресло-каталку. Когда прошли эти семь дней, желание почувствовать себя рядом с отцом пересилило горечь утраты, и я вошла в его комнату. Здесь все вещи, вся атмосфера по-прежнему хранили его тепло, вот только его самого уже не было. Мне вдруг впервые стало по-настоящему ясно, что я никогда больше не увижу отца, что не услышу, как в детстве, его шагов по лестнице и никогда не вздохну с облегчением, зная наверняка, что как только он придет, все сразу изменится, и изменится к лучшему. Теперь этого не будет никогда.

Я вспоминаю, как тяжело было видеть, что он умирает, быть с ним рядом в момент ухода. Я

думала, что достаточно подготовилась к неизбежной скорой смерти отца, но, как выяснилось, ошибалась. К этому нельзя подготовиться. Тайны жизни и смерти, перехода между ними — слишком сложны для человеческого разума. Нам стоит немалого труда ориентироваться в трех измерениях, а тут… Мы знаем только то, что мертвых с нами нет, что они ушли и оставили нас — одних. Всякий, кто видел безжизненное тело, поймет, о чем я говорю.

Увидев мертвого отца, неподвижно лежащего на кровати, я вспомнила, какой ужас мне довелось пережить в детстве, когда после спектакля в кукольном театре я попала за кулисы и заметила марионетку, висевшую на гвозде, вбитом в стену. Всего за несколько минут до этого я видела ее танцующей, поющей, говорящей, и вдруг она предстала передо мной совершенно в ином облике — молчащая, неподвижная, словно потерявшая душу и сердце, она перестала казаться персонажем сказки, на глазах превратившись в разрисованный кусок дерева.

Разница между той марионеткой и моим отцом заключалась в том, что кукла, повинуясь воле артиста, могла снова ожить, а отец — уже нет. Это тело никогда больше не заговорит, не поше-

велится, не встанет, не будет смеяться и ходить по дому. Это тело умерло, и мне предстояло определить судьбу принадлежавших ему вещей.

Я предпочла заняться этим сразу же, чтобы не продлевать свои мучения. Выдвинув ящики, я стала сворачивать отцовскую одежду, разбирать его книги и пластинки. Из них я отложила себе диск Вирхинии Лопес и еще один — трио «Лос Панчос».

Вскоре я наткнулась на небольшую шкатулку, в которой он хранил самые памятные для него вещи, своего рода символы. Открывала я ее медленно, бережно и с должным почтением. Внутри я сразу же увидела мамину фотографию. На снимке ей лет пятнадцать. Моя фотокарточка с овальной растушевкой — в первые школьные годы. Фотографии моих детей и брата. Конвертик с прядью совсем тонких младенческих волосиков, подписанный маминым почерком: «На память о моем любимом Рамиро». Небольшая тетрадочка с пометками и примерами по нумерологии майя и подробный рисунок-чертеж, во всех деталях повторяющий одну из стел древнего народа. Медиатор, чтобы играть на гитаре, спичечный коробок… Открыв коробок, я увидела внутри мой первый выпавший зуб с записочкой, в которой

отец не забыл указать не только само событие, но и его дату.

Я тотчас же вспомнила этот день. Папа уложил меня спать, и мы вместе засунули мой зубик под подушку. «Чтобы мышка его унесла», — со знанием дела пояснил отец. Я спросила его о том, что станет с моим зубом. Папа ответил так:

— Я же сказал: не волнуйся. Придет мышка, унесет зубик, а взамен принесет тебе денежку.

— Да это понятно. А потом? Что станет с моим зубом?

— Потом?

— Ну да. После того, как мышка унесет его.

— Ах вот ты о чем! Ну так вот: мышка спрячет его в коробочку и будет хранить вместе со своими самыми главными сокровищами.

— Да нет же, папа! Ну как ты не понимаешь? Я хочу знать, что с ним самим будет? Ну с самим зубом. Он развалится?

— Ну… наверное, да. Только очень-очень не скоро. А так конечно. Рано или поздно он превратится в пыль, как и… Только тебе еще рано-рано об этом волноваться. Так что, Чипи-Чипи, моя Кап-Кап, ложись в кроватку и спи. Спокойной ночи.

Папа, как всегда, оказался абсолютно прав.

«Мышка» сохранила мой молочный зуб среди самых дорогих для нее вещей. Пока что он целый, но рано или поздно превратится в пыль, как и предсказывал отец. Но, опять же по его словам, ждать этого нужно еще много-много лет. Сама не знаю почему, но эти воспоминания и размышления помогли мне справиться с горечью утраты. Я надолго отвлеклась, задумавшись о пыли. «Пыль ты есть и в пыль обратишься». Все живое рано или поздно обращается в пыль. В прах. Мы ходим, попирая ногами пыль, которая есть останки того, что раньше было крылом бабочки, цветком, звездой, камнем. Мы вдыхаем пыль, бывшую некогда ногтями, кожей, легкими, сердцем.

В каждой мельчайшей пылинке хранится целый мир воспоминаний. Например — о ночах любви. В этот миг пыль перестает быть для меня символом одиночества; наоборот, она превращается в полную свою противоположность. В этой пыли хранится память о миллиардах людей, живших на Земле, ходивших по ее пыли. Кружащиеся в воздухе пылинки — это священные частицы Кетцалькоатля[17], Будды, Ганди, Христа.

Такой же пылью разносятся по планете останки

[17] Примечания: 17

Кетцалькоатль — верховное божество древних ацтеков, его представляли в виде крылатого змея или койота.

моего отца — частицы его ногтей, его кожи. Они уже разлетелись по всему городу, а ведь есть еще те, что оставались после него во всех городках, где бывали они с мамой.

И это еще не все. Отец живет во мне, в моем теле, в теле моего брата, моих детей, моих племянников. Его биологическое и человеческое наследие сохранится в нас, в наших мыслях и воспоминаниях, в том, как мы видим и понимаем этот мир, как смеемся, как говорим, как двигаемся.

Во время похорон эта мысль позволила мне от души обнять брата, чего я не делала уже много лет. А еще — благодаря ей я примирилась с жизнью.

Не знаю, отчего у меня возникает ощущение, что отец где-то рядом. Может быть, всему виной мое обыкновенное желание чувствовать себя комфортно? Проходят дни, моя жизнь вернулась в нормальное русло, но почему-то иногда, когда я занимаюсь повседневными делами, у меня вдруг возникает ощущение, что отец здесь, что он со мной, — и у меня на душе становится так спокойно… Я не знаю, права я или нет, но мне почему-то кажется, что, где бы сейчас ни был мой отец, он порадуется, узнав, что я снова стала

изучать астрономию, хотя бросила это занятие — страшно сказать, — когда вышла замуж, что начала учить язык майя и что первое, чему я буду учить внука, сына Федерико, после того как он научится читать и писать, — это нумерологии древних майя, хотя бы ради того, чтобы он не забывал о своем прошлом, о своем наследии.

* * *

Вчера мне приснился один удивительный сон. Мы с отцом едем на машине. Машина очень старая — «Шевроле-56». Мы едем в Юкатан, в Прогресо. Над дорогой — целое облако бабочек. Некоторые из них разбиваются о ветровое стекло нашей машины. За рулем я. Вдруг отец просит, чтобы я разрешила ему порулить. Не успеваю что-то ответить, а он уже сидит на водительском месте. Я и во сне помню, что он ничего не видит, но мне почему-то не страшно, когда он садится за руль. Отец, счастливый, смеется; я — вслед за ним. Только на поворотах у меня немного захватывает дух, потому что отец как будто не совсем вовремя крутит руль. К моему удивлению, когда на очередном изгибе дороги отец уверенно держит руль прямо, мы не падаем в пропасть, а продолжаем движение, которое теперь стано-

вится полетом. Мы пролетаем над несколькими городами, и в каждом из них находятся люди, приветливо машущие нам руками. Крестьяне в полях снимают сомбреро и тоже радостно машут нам, как старым знакомым. Подлетев к морю, отец радостно восклицает: «Смотри, Чипи-Чипи!» — и со всего размаху влетает в воду, где начинает весело бултыхаться. Мне остается только удивляться, как хорошо он плавает, несмотря на всех своих Паркинсонов.

Из этого сна, такого глубокого и заразительного, я возвращалась долго и постепенно. К реальности меня вернул один хорошо знакомый звук: в изголовье моей кровати, смотрящей на север, стоит старый телеграфный аппарат. И вот он стучит по спинке кровати, передавая мне что-то азбукой Морзе.

Ну вот и дождались: наступило четырнадцатое февраля. В Мексике это не только день всех влюбленных, но и День работников телеграфа, который отмечается официально, только, само собой, об этом сегодня мало кто знает. Телеграфисты, сыгравшие такую важную роль в развитии систем связи, в наше время совсем забыты. Я прекрасно понимаю, что никому сегодня нет дела до дона Педро, но жалко только, что ни один из тех,

кто подключается к Интернету, не вспоминает в этот миг о том, что в свое время именно телеграф был прообразом и, пожалуй, единственным в истории подобием этой всемирной паутины, позволяющей нам сегодня так просто общаться друг с другом. Да что там говорить, жизнь порой бывает куда более неблагодарной. В конце концов, важно не это. Самое интересное в людском общении — это то, что наши слова, написанные, произнесенные или спетые, попадают в пространство в сопровождении эха других голосов, которые произнесли то, что считали нужным, намного раньше нас.

Слова несутся в эфире — омытые слюной с чьих-то губ, уже услышанные чьими-то ушами, уже подстроившие под себя и подстроившиеся сами под ритм биения тысяч чьих-то сердец. Они проникают глубоко в нашу память и тихо-тихо лежат там до тех пор, пока новое желание не оживит их, не наполнит заново энергией любви. Я считаю, что одной из самых важных и самых необыкновенных особенностей слов является их способность выражать любовь. Слова, как и вода, — прекрасные проводники энергии. А из всех ее видов наибольшей преображающей силой обладает энергия любви.

Все те, чья жизнь изменилась к лучшему благодаря моему отцу, позвонили, чтобы поздравить его с двойным праздником. Первыми были Хесус и Люпита, и они очень огорчились, узнав, что папа умер. Из жизни ушел человек, знавший, как соединять и воссоединять людей, их надежды, иллюзии, их желания.

Вот что оказывается в итоге важным и значительным: способность человека продолжать жить после смерти в памяти других людей — благодаря преображающей силе его слов. Кстати, вот те слова, что содержались в адресованном мне в тот день сообщении:

> «Дорогая Чипи-Чипи, смерти нет, но жизнь — та, которую ты знаешь, — прекрасна. Живи и умей радоваться жизни! Я люблю тебя. Твой папа».

Выходные данные

Литературно-художественное издание

Лаура Эскивель

СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ, КАК ЖЕЛАНИЕ

Ответственный редактор *Антонина Балакина*
Художественный редактор *Егор Саламатенко*
Технический редактор *Любовь Никитина*
Корректор *Татьяна Мельникова*
Верстка *Светланы Копелевич*

Подписано в печать 25.01.2005.
Формат издания 76×100 $^{1}/_{32}$. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,99. Тираж 5000 экз.
Заказ № 72.

Издательство «Амфора».
Торгово-издательский дом «Амфора».
197342, Санкт-Петербург, наб. Черной речки, д. 15, литера А.
E-mail: amphora@mail.ru
www.amphora.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ФГУП

ИПК «Леппздат» Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ.
191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.